

TEO-LOGOS

Блаженный Августин
Исповедь

«РИПОЛ Классик»

398

УДК 231.01
ББК 86.37

Августин Б.

Исповедь / Б. Августин — «РИПОЛ Классик», 398 — (ТЕО-LOGOS)

ISBN 978-5-386-10400-9

«Исповедь» Аврелия Августина – величайший памятник самопознания, представляющий события личной жизни как неотъемлемую часть духовного опыта. Августин создал уникальное повествование, объединяющее исторические события, глубокие размышления, сильные эмоции и богословско-философские догадки. Августин преодолел представление о биографии как языческой судьбе и создал автобиографию как комментарий к христианскому Откровению. «Исповедь» публикуется со вступительной статьей доктора филологических наук Александра Маркова, объясняющей поэтику и религиозно-философское содержание памятника. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 231.01

ББК 86.37

ISBN 978-5-386-10400-9

© Августин Б., 398
© РИПОЛ Классик, 398

Содержание

Слава искреннего сердца	7
Исповедь	12
Книга первая	12
I	12
II	12
III	13
IV	13
V	14
VI	14
VII	16
VIII	17
IX	17
X	18
XI	18
XII	19
XIII	20
XIV	21
XV	22
XVI	22
XVII	23
XVIII	23
XIX	24
XX	25
Книга вторая	26
I	26
II	26
III	27
IV	28
V	29
VI	30
VII	31
VIII	31
IX	32
X	32
Книга третья	33
I	33
II	33
III	34
IV	35
V	36
VI	36
VII	38
VIII	40
IX	41
X	41
XI	42

XII	43
Книга четвертая	44
I	44
II	44
III	45
IV	46
V	48
VI	48
VII	49
VIII	49
IX	50
X	50
XI	50
XII	51
XIII	52
XIV	52
XV	53
XVI	55
Книга пятая	57
I	57
II	57
III	58
IV	59
V	60
VI	60
VII	61
VIII	62
IX	63
X	64
XI	66
XII	66
XIII	67
XIV	68
Книга шестая	69
I	69
II	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Блаженный Августин

Исповедь

© Марков А.В., вступительная статья, 2018

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2018

Слава искреннего сердца

Словом «исповедь» мы чаще всего называем откровенный рассказ человека о том, как он сам стал причиной неприятных событий в собственной жизни. Реже мы именуем «исповедью» покаянное искреннее признание, не чуждое надрыва и слез, рассказ о своих пороках, с предупреждением держаться от любых пороков подальше. Если первое значение слова «исповедь» восходит к классической античной биографии, вроде биографий Плутарха, исследующей причины трагических событий в жизни героя – с единственным отличием, что произносится от первого лица – то второе значение принадлежит миру двух великих «Исповедей», Жана-Жака Руссо (1789) и Льва Николаевича Толстого (1882). Такая исповедь совершается перед публикой; но так как публика не имеет ни власти, ни возможности отпустить грехи, то такая исповедь создает новый мир общественной чувственности: застав чужую исповедь, человек поневоле по-новому стыдится себя и осторожнее обходится с собственными чувствами, а умея проникаться чужими чувствами, уже знает пределы сочувствия. Но мыслить «Исповедь» Августина по образцу позднейших авторских исповедей и откровенных писательских автобиографий было бы ошибкой.

Начальный библейский смысл слова «исповедь» – признание: далеко не только признание в своих пороках или ошибках, но и признание в своей вере, надежде и любви. Исповедоваться Богу значит не столько чистосердечно признаваться, сколько прославлять Бога, провозглашать Бога всемогущим, жертвовать Богу лепту слова. Исповедание веры – речь о вере, торжественно прославляющая содержание веры. В таком первичном значении такая «исповедь» совершается перед всеми, как прославление всемогущества Бога, способного как карать грешника, так и щедро миловать его.

Церковное таинство исповеди, конечно, не может быть публичным: слишком велика опасность пересудов и недопониманий. Церковная исповедь, с глазу на глаз, ни в коем случае не должна быть интересна другим: человек представляет себя в становлении, сбивчиво раскрывая, в чем он ошибался и что у него не получается; и отдав долг искренности, обретает более прямой чем прежде путь, очевидный уже для всех. Такой рассказ с глазу на глаз невозможен без чудес, – если понимать чудо не как сенсацию, но как неожиданную милость, как новый общий взгляд на события или как проявление благой воли в мире предопределенности.

«Исповедь», вернее, «Исповеди» Августина (13 книг, каждая из которых – отдельная «исповедь», как бывают отдельные гимны, объединенные в цикл) были созданы около 398 г. Цель автобиографического труда – показать обращение в христианство как необходимое и естественное, проистекающее и из долга перед благожелательной матерью Моникой, и из логики идей, и из свойств времени и переживания времени, и из подсказок памяти, и из переживания языка как глубинного опыта человека. Христианство Августина – не заимствование готовой идеи, но постоянные подсказки, ведущие к озарениям, постоянное спотыкание о свои страсти и свой язык, – после чего необходимо оправиться и предстать перед людьми во всем приличии. Реальность Церкви для Августина – реальность приличия и пристойности, в противовес собственной воле, всегда беспокойной. Как есть воля грешить, есть воля и исправляться; и эта воля отличается вниманием к многочисленным подсказкам, без отбора понятных или выгодных, но с принятием их как единственной логики событий.

Прежде всего, как и во всех сочинениях, Августин не противопоставляет, а сближает слова и вещи. Если для нас отдельно существуют законы событий и отдельно – правила описания происходящего, то для Августина правильно описанное событие только и есть настоящее событие; а вещи сами по себе настолько символичны, что их хватит на множество слов. Речь не отражает событие, а скорее вторгается в него, проверяет его на прочность, – и раскрывается в своей действенной полноте уже изнутри захватившего ее события. Человеческая жизнь не

столько считается с событиями, сколько вызвана ими к тому, чтобы быть жизнью в полном смысле, а уже не обстоятельством для других обстоятельств. Больше всего «Исповедь» напоминает интерактивное повествование, наподобие ряда постмодернистских романов, где пишущий роман уже оказывается в самом романе – но только Августин делает то же самое несравненно тоньше и стремительнее.

Затем, Августин вовсе не рассказывает только о собственной душевной жизни или о собственных кризисах. Он говорит о том, какие вещи могут ввергнуть в кризис, а какие – помочь преодолеть кризис. Ему важно, какие вещи разумны, а какие – неразумны; какие – притворны, а какие – подлинны. Он действует не как психолог, работающий с частной душевной жизнью, а как одновременно естествоиспытатель или математик, раскрывающий истину вещей, общих для всех прежде появления их отдельных частных проекций, и политик, показывающий всем, какие опасности могут подстеречь целый народ или даже всё человечество под прикрытием мнимой безопасности.

Но Августин и не стремится рассказать о каких-то общих законах поиска смысла жизни на своем примере. Для него важно, что при столкновении с истиной событий частная жизнь человека впервые становится по-настоящему частной: когда личность чувствует уместность тех или иных эмоций или мыслей. Пока человек не столкнулся с истиной, он находится в плену собственной неуместности.

Никогда Августин не играет на одной ноте чистосердечного признания. Скорее, он строит целый звукоряд, который настолько очаровывает своей правильностью, что после этого мы не можем не признать очевидных вещей. Человек, отдающий предпочтение отдельным мотивам жизни, отдельным мотивациям, закрывает для себя очевидность, видя лишь отдельные грани мировых закономерностей. Тогда как человек, играющий на клавиатуре мотивов, памятной и открытой любому будущему, понимает, сколь очевиден тот смысл бытия, который он столь безнадежно искал до этого. Надобно только понять, что эта память и эта смелость перед будущим принадлежит не только тебе, но и обществу, или для Августина – Церкви.

Первая книга «Исповеди» – прославление Бога и рассказ о появлении детского тщеславия и суетности. Детство для Августина – вовсе не золотая пора невинности, а пора первых необдуманных увлечений, первых ошибок и первого настаивания на своих ошибках. Но детство – и пора прославления Бога, счастья светлой мысли, потому что еще слишком ощутимо, как за каждой вещью стоит любящий выбор, любящее проявление воли Божией, в которой вещь и слово качаются словно в колыбели.

Вторая книга анализирует первые юношеские страсти и преступление ради преступления – кражу в чужом саду, совершенную ради дерзости, а не выгоды. Августин открывает в себе злую волю, состоящую не в лени или страхе делать добро, но в желании побывать злодеем, приобрести и такую профессию со своими секретами, закрывающими возможность исповедоваться.

Третья книга говорит о желании сделать карьеру риторика и о помощи матери, спасшей сына от худших поворотов в жизни. Тщеславие для Августина всегда нуждается в злостных экспериментах: кто хочет показать себя, тот хочет показать себя и с худшей стороны, хочет выставить на показ красоту порока; и только стыдливость перед матерью сохраняет человека от губительного экспериментирования.

Четвертая книга – признание в интеллектуальных заблуждениях, прежде всего, эстетизме, обернувшимся чувством пресыщенности. Августин первым в мировой литературе описал судьбу разочарованного эстета, которому кажется, что он проводит время среди прекрасных вещей, – но оказывается, что и время им упущены, и вещи предстают вокруг вовсе не такими, каким он представлял себе их раньше.

Пятая книга – отчет в неудачной попытке объяснить природу зла, увидев в нем что-то вечное, якобы тень, сопровождающую саму природу. Августин некоторое время считал зло

вечным и неуничтожимым, но после понял, что тогда зло не просто заберет в свою власть некоторые вещи, но и навсегда лишит всех нас счастья встречи с вещами.

Шестая книга показывает, что даже в кругу самых близких друзей нельзя оставаться до конца жизни – рано или поздно даже самая хорошая компания не спасет от внутреннего кризиса, который может разразиться гораздо раньше, чем кризис среднего возраста. Августин имел лучших друзей, но ему предназначалось раскрыть, как устроена жизнь всех людей, а не жизнь компании. Чтобы понять, как душа спасается или гибнет, даже самых умных интеллектуальных бесед недостаточно – требовался кризис, вскрывающий тщетность любых планов, даже если эти планы как будто поддержаны всеми обстоятельствами.

Седьмая книга повествует о наступлении зрелости, несущей с собой новую опасность – самоуверенность. Такая самоуверенность человека, считающего себя хозяином жизни, может быть очень хитроумной и даже добродушной; но она лишает человека настоящего покоя. Человек становится мнительным до болезненности, и только понимание того, насколько стыдлива милость Божия, спасает человека от такого безысходного боевого настроя.

Восьмая книга – история встречи с Церковью. Церковь – единственная общность людей, умеющая увидеть добрые намерения в любом деле. Другие сообщества могут одобрять намерения; но это одобрение ситуативно, а потому ложно. Тогда как Церковь понимает, что человек взялся за дело, чтобы раскрыться, и помогает человеку раскрыться в общем великом сердце церковной жизни.

Девятая книга излагает первые церковные уроки. Августин узнает, что милость – это не снисходительность, но умение испытать предельную любовь. Что забота – не хлопоты вокруг потребностей, но умение вдуматься в жизнь человека лучше, чем вдумываются в любую науку или идею. Что настоящее желание – не простое проявление личности, но постоянный трепет выбора и решимости.

Десятая книга – разговор с Богом о любви. Августин пытается выяснить, меняет ли любовь чувственные привычки: например, если ты стал иначе воспринимать вкус вещей или если иначе ощущаешь прошлое, можно ли сказать, что ты влюбился или по-настоящему полюбил. Августин отвечает отрицательно: в свете любви меркнут все былые удовольствия, остается лишь та решимость, которая может сопровождаться любыми чувствами только до тех пор, пока чувства знают, что они всего лишь сопровождение чего-то более важного.

Одиннадцатая книга – восторг перед сотворением мира. Если Бог творил мир как искусный художник, создавая образы, – то значит, для человека и для человечества не всё потеряно. И образ жизни, и образ мысли могут стать способом образно отнестись к этим образам, понять понимание, и наконец, мыслить мысль Бога.

Двенадцатая книга – размышление о мудрости Бога. Если мудрость Бога выражает себя в действиях и творениях, то можно ли сказать, что она вполне в них выразилась? Конечно, нет, потому что кроме решений Бога есть и милосердие Бога, и милость, и надежда, и любовное томление. Бог так же задумчив, как и человек; и мудрость поэтому парит над всем человечеством как настоящий Дух, как вдохновенный ветер этой задумчивости. Бог так же нетерпелив, как человек, когда ждет спасения людей; и эта нетерпеливость самим фактом Воплощения сказывает мудрость в единственных подходящих ей словах.

Наконец, тринадцатая книга – подробное слово о догматах веры. Догматы не просто указывают путь к спасению, но показывают, сколь парадоксально само удовольствие, само наслаждение, само счастье спасительной благодати. Нельзя воспринять настоящую, а не притворную радость, если ты не понял какой-либо догмат. Например, помыслив Троицу, ты уже помыслил, как событие Троичности может стать вечным, – и поэтому радость станет неотъемлемым сопровождением жизни. А помыслив Воплощение, понимаешь, как счастье передается другим людям не только как залог общности или эмоциональное сочувствие, но как необходимость бытия в мире множества людей – иначе как мир будет мирен и договорится сам с собой, если в

нем будет только эгоизм одного человека? Так Августин обосновал подход к догматам не как к схемам христианской мысли, но как к экзистенциальным событиям, внутри которых оказывается он сам, а вместе с ним – его читатель как его ближний. Из наблюдений над тем, как люди и ангелы вдруг оказываются внутри текста «Исповеди», и сложен текст «Исповеди».

«Исповедь» Августина стала надолго важнейшим чтением для тех, кто стремился к познанию себя. Другой важный автобиографический памятник Средневековья, «История моих бедствий» Абельяра, поражает своей капризностью – а у Августина были капризны разве некоторые фигуры его речи. Августин показал пример, как можно дать отчет в своей жизни не в старости, а в цветущем расцвете сил зрелости – «Исповедь» написана до его итогового сочинения «О граде Божьем», посвященного историческим судьбам человеческих сообществ. «Исповедь» повлияла на многие автобиографии, научив понимать рассказ о своей жизни как жертвоприношение Богу: как приношение искреннего сердца, которое лишь то поймет по-настоящему, что испытает в бездне милосердия: от «Записок» папы Пия II (Энео Сильвио Пикколомини) до «Охранной грамоты» Б.Л. Пастернака. Открытость миру, готовность принять как чудо любое потрясающее до глубины души событие, сохранив душу среди бедствий – отличие таких автобиографий. И если в конце XIX в. протестантский богослов-скептик Адольф фон Гарнак был готов объявить всю «Исповедь» Августина литературным вымыслом, то в наши дни, благодаря множественности форм модернистского и постмодернистского романа, мы лучше понимаем соотношение реальности как прямого вызова уму и воображения как силы обобщения, точнее, как экспериментального подхода к действительности внутренней жизни. Как сказала наша современница Мария Степанова:

И я для прохожего взгляда
Одета и обнажена,
Сама и могила себе и ограда,
Сама себе мать и жена.

Образцовый перевод «Исповеди» был выполнен Марией Ефимовной Сергеенко (1891–1987), профессором Ленинградского университета, тайной монахиней. М.Е. Сергеенко относилась к числу многих женщин, искавших подлинного образования в предреволюционные годы. Желание послужить народу, отличавшее женщин-энтузиастов прежних поколений, сменилось стремлением создавать качественную науку, полезную техническому и нравственному прогрессу. Решающим событием жизни М.Е. Сергеенко стало знакомство с Николаем Ивановичем Вавиловым: она учила великого биолога латинскому языку и вместе с ним занималась историей римского сельского хозяйства, чтобы найти истоки научной селекции и комплексного подхода к выращиванию зерновых уже в рабовладельческую эпоху. Самым важным для Н.И. Вавилова и М.Е. Сергеенко оказалось одомашнивание животных в древней Италии: было доказано, что оно включало в себя не просто отбор нужных качеств, но и действительную проверку выносливости животных, в которой интуиция значит не меньше наглядных внешних признаков. Итогом этих занятий, в частности, стала ее популярная книга «Простые люди древней Италии» (1964), – по сути, очерки разных профессий в их отношении к природе и общественному окружению: важно было, как пастух или пахарь понимает природу и готов развиваться вместе с развитием природы, раскрывать свои трудовые возможности навстречу милости и строгости природы. М.Е. Сергеенко показала, как ветеринария, планирование работ, мелиорация, система заказов и кредитов возникали как продолжение интуиции природы, а не как простая реакция на происходящее, как это получалось у врага Н.И. Вавилова Т.Д. Лысенко, для которого человек был сталинского стиля вождем природы, а не ее влюбленным знатоком.

Став крупнейшим специалистом в мире по римской агротехнике, М.Е. Сергеенко не оставляла преподавания латинского языка, переводов и благотворительной деятельности.

После запрета школы Н.И. Вавилова М.Е. Сергеевко посвятила себя изучению древнеримского быта, развитию ремесел и городов, хотя занималась этими вопросами и раньше, и Августин был для нее образцовым городским писателем, показавшим, что город может сделать с молодым человеком и как молодому человеку не потерять себя и не потерять свою духовную родину.

«Исповедь» Августина была переведена в блокадном Ленинграде, но увидела свет только в 1975 г. в малотиражном сборнике «Богословские труды», не поступавшем в свободную продажу. Причем даже это появление было случайным: сначала должны были в этом номере выйти «Триады в защиту исихастов» Григория Паламы, но цензура сочла защиту мистики слишком смелой. Академик Н.И. Конрад хотел издать «Исповедь» Августина вместе с «Исповедями» Руссо и Толстого, чтобы представить развитие субъективности от тезиса искренности через антитезис притворства к синтезу самоанализа, – но этому проекту не суждено было осуществиться. Только конец перестройки принес возможность читать книгу Августина полностью, и вновь, как и многие века, она оживляет душу каждого читателя. Даже если она не потрясет всех как гром и молния, она всех поразит своей неотменимостью, как дождь или солнце.

Александр Марков, профессор РГГУ и ВлГУ

Исповедь

Книга первая

I

1. «Велик Ты, Господи, и всемерной достоин хвалы; велика сила Твоя и неизмерима премудрость Твоя»¹. И славословить Тебя хочет человек, частица созданий Твоих; человек, который носит с собой повсюду смертность свою, носит с собой свидетельство греха своего и свидетельство, что Ты «противишься гордым»². И все-таки славословить Тебя хочет человек, частица созданий Твоих. Ты услаждаешь нас этим славословием, ибо Ты создал нас для Себя, и не знает покоя сердце наше, пока не успокоится в Тебе³. Дай же мне, Господи, узнать и постичь, начать ли с того, чтобы воззвать к Тебе или с того, чтобы славословить Тебя; надо ли сначала познать Тебя или воззвать к Тебе. Но кто воззовет к Тебе, не зная Тебя? Воззвать не к Тебе, а к кому-то другому может незнающий. Или, чтобы познать Тебя, и надо «воззвать к Тебе?» «Как воззовут к Тому, в Кого не уверовали? и как поверят Тебе без проповедника?»⁴ И восхвалят Господа те, кто ищет Его⁵. Ищущие найдут Его, и нашедшие восхвалят Его. Я буду искать Тебя, Господи, взывая к Тебе, и воззову к Тебе, веруя в Тебя, ибо о Тебе проповедано нам. Взывает к Тебе, Господи, вера моя, которую дал Ты мне, которую вдохнул в меня через вочеловечившегося Сына Твоего, через служение Исповедника Твоего⁶.

II

2. Но как воззову я к Богу моему, к Богу и Господу моему? Когда я воззову к Нему, я призову Его в самого себя. Где же есть во мне место, куда пришел бы Господь мой? Куда придет в меня Господь, Господь, Который создал небо и землю? Господи, Боже мой! ужели есть во мне нечто, что может вместить Тебя? Разве небо и земля, которые Ты создал и на которой создал и меня, вмещают Тебя? Но без Тебя⁷ не было бы ничего, что существует – значит, все, что

---

¹ «Велий Господь, и хвален зело» (Пс. 47:1, 95:4, 144:3), «и велия крепость его, и разума его несть числа» (Пс. 146:5). «Исповедь» начинается с установления связи между Богом и человеком. Первые слова ее – о величии Божиим; мысль о Нем подчеркнута словесным ее одеянием: в двух первых предложениях на первом месте стоит «велик» – «велика»; конец предложений вторит началу: «всемерной достоин хвалы» – «неизмерима премудрость Твоя».

² Иак. 4:6; 1 Пет. 5:5.

³ Человек обращается к великому Богу, он хочет славословить Его: «славословить» подхватывает только что произнесенное «достоин хвалы». Что же представляет собой этот человек? Он – только часть созданного, он смертен, он грешен, он горд. Перед нами как бы лестница из четырех ступеней, и человек спускается по ней ниже и ниже. И тем не менее это недостойное и грешное существо осмеливается не только обращаться к Богу, но должно это делать, потому что Бог создал человека, чтобы он шел к Нему, и только в Нем находит человек покой. В подлиннике мысль эта подчеркнута словами *ad te* и *in te*, поставленными в конце обеих фраз: *fecisti nos ad te et inquietum est cor nostrum donec recuiescat in te, ad te* – «к Тебе направление земного пути»; *in te* – «в Тебе» – достигнутая цель. Ср. Диона Хрисостома *Orat.*, XII, 405: «Все люди испытывают великое желание чтить Бога и непосредственно служить Ему... беспомощно, как крохотные дети, оторванные от отца и матери, в великой тоске протягивают часто во сне руки к ним, отсутствующим, так и люди, по справедливости возлюбив Бога, как родственного себе, за Его благоденствия жаждут всеми способами быть с Ним в общении».

⁴ Ср.: Рим. 10:14.

⁵ Пс.21:27: И восхвалят Господа вси възскающіе Его.

⁶ То есть через Христа.

⁷ Присутствие Божества нельзя понимать локально (Бл. Августин. «На кн. Бытия», 4, 12, 22: «Мощь Творца и сила Всемогущего Вседержителя и есть причина существования всей твари»).

существует, вмещает Тебя? Но ведь и я существую; зачем прошу я Тебя прийти ко мне: меня бы не было, если бы Ты не был во мне. Я ведь еще не в преисподней, хотя Ты и там. И «если я сойду в ад, Ты там»⁸. Меня не было бы, Боже мой, вообще меня не было бы, если бы Ты не был во мне. Нет, вернее: меня не было бы, не будь я в Тебе, «от Которого все, чрез Которого все, в Котором все»⁹. Воистину так, Господи, воистину так. Куда звать мне Тебя, если я в Тебе? и откуда придешь Ты ко мне? Куда, за пределы земли и неба, уйти мне, чтобы оттуда пришел ко мне Господь мой, Который сказал: «Небо и земля полны Мною»?¹⁰

III

3. Итак, вмещают ли Тебя небо и земля, если Ты наполняешь их? Или Ты наполняешь их и еще что-то в Тебе остается, ибо они не вмещают Тебя? И куда изливается этот остаток Твой, когда небо и земля наполнены? Или Тебе не нужно вместилища, Тебе, Который вмещаешь все, ибо то, что Ты наполняешь, Ты наполняешь, вмещая? Не сосуды, полные Тобой, сообщают Тебе устойчивость: пусть они разбиваются. Ты не выльешься. А когда Ты изливаешься в нас, то не Ты падаешь, но мы воздвигнуты Тобой; не Ты расточаешься, но мы собраны Тобой. И все, что Ты наполняешь, целиком Собой Ты все наполняешь. Но ведь все не в состоянии вместить Тебя, оно вмещает только часть Тебя, – и все сразу вмещают ту же самую часть? Или отдельные создания – отдельные части: бо льшие большую, меньшие меньшую? Итак, одна часть в Тебе больше, а другая меньше? Или же повсюду Ты целый и ничто не может вместить Тебя целого?¹¹

IV

4. Что же Ты, Боже мой? Что, как не Господь Бог? «Кто Господь, кроме Господа? и кто Бог, кроме Бога нашего?»¹² Высочайший, Благостнейший, Могущественнейший, Всемогуший, Милосерднейший и Справедливейший; самый Далекий и самый Близкий, Прекраснейший и Сильнейший, Недвижный и Непостижимый; Неизменный, Изменяющий все, вечно Юный и вечно Старый, Ты обновляешь все и старишь гордых¹³, а они того и не ведают; вечно в действии, вечно в покое, собираешь и не нуждаешься, несешь, наполняешь и покрываешь; творишь, питаешь и совершенствуешь; ищешь, хотя у Тебя есть все. Ты любишь и не волнуешься; ревнуешь и не тревожишься; раскаиваешься и не грустишь; гневаешься и остаешься спокоен; меняешь Свои труды, и не меняешь совета; подбираешь то, что находишь, и никогда не теряешь; никогда не нуждаешься и радуешься прибыли; никогда не бываешь скуп и требуешь лихвы. Тебе дается с избытком, чтобы Ты был в долгу, но есть ли у кого что-нибудь, что не Твое? Ты платишь долги, но Ты никому не должен; отдаешь долги, ничего не теряя¹⁴. Что сказать еще, Господь

⁸ Пс. 138:8.

⁹ Рим. 11:36.

¹⁰ Иер. 23:24.

¹¹ Бл. Августин утверждает абсолютную независимость Божества от тварного мира. «Сосуды, полные Тобой», существуют по воле Творца, сообщающего им целостность; изливая свои дары, Бог не оскудевает, не расточает Себя», но «собирает», организует человека.

¹² Пс. 17:32.

¹³ [...superbo... Иов. 9:5: «Обетша яй го ры, и не ведят», Септ.: ὁ παλαῖων ὄρη καὶ οἶκ οἴδασι. лат. superbo – гордый, надменный. – Редакция «Азбуки Веры»] Бл. Августин внес свое толкование, считая, что «горы» означают «гордых», «старишь» – «делаешь слабыми», «унижаешь» (Бл. Августин. «На кн. Иова»).

¹⁴ Библейские и евангельские образы: «несешь» (Втор. 32:11: «Как орел носится над птенцами своими, распростирает крылья свои и носит птенцов на перьях своих, так Господь... водил» народ Свой); «наполняешь» (Пс. 138:7–10: «Куда пойду от духа Твоего и от лица Твоего куда убегу? взойду ли на небо, Ты там; сойду ли в преисподнюю, и там Ты. Возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря, и там рука Твоя поведет меня...»); «покрываешь» (Пс. 35:8: «Сыны человеческие в тени крыл Твоих покойны...»); Пс. 62:8: «Ты помощь моя, и в тени крыл Твоих я возрадуюсь»); «ищешь» (Мф. 18:12: «...не пойдет искать заблудившуюся» овцу); «раскаиваешься» (Быт. 6:6: «И раскаялся Господь, что создал человека на земле»; Ион. 3:10:

мой, Жизнь моя, моя Святая Радость? И что вообще можно сказать, говоря о Тебе? Но горем, которые молчат о Тебе, ибо и речистые онемели¹⁵.

V

5. Кто даст мне отдохнуть в Тебе? Кто даст, чтобы вошел Ты в сердце мое и опьянил его так, чтобы забыл я все зло свое и обнял единое благо свое, Тебя? Что Ты для меня? Сжался и дай говорить. Что я сам для Тебя, что Ты велишь мне любить Тебя и гневаешься, если я этого не делаю, и грозишь мне великими несчастиями? Разве это не великое несчастье не любить Тебя? Горе мне! Скажи мне по милосердию Твоему, Господи, Боже мой, что Ты для меня? «Скажи душе моей: Я – спасение твое». Скажи так, чтобы я услышал. Вот уши сердца моего пред Тобой, Господи: открой их и скажи душе моей: «Я спасение твое»¹⁶. Я побегу на этот голос и застигну Тебя. Не скрывай от меня лица Твоего: умру я, не умру, но пусть увижу его¹⁷.

6. Тесен дом души моей, чтобы Тебе войти туда: расширь его. Он обваливается, обнови его. Есть в нем, чем оскорбиться взору Твоему: сознаюсь, знаю, но кто приберет его? и кому другому, кроме Тебя, воскликну я: «От тайных грехов моих очисти меня, Господи, и от искушающих избавь раба Твоего»¹⁸. Верю и потому говорю: «Господи, Ты знаешь». Разве не свидетельствовал я пред Тобой «против себя о преступлениях моих, Боже мой? и ты отпустил беззакония сердца моего»¹⁹. Я не сужусь с Тобой, Который есть Истина, и не хочу лгать себе самому, да не солжет себе неправда моя. Нет, я не сужусь с Тобой, ибо «если воззришь Ты на беззакония, Господи, Господи, кто устоит?»²⁰

VI

7. И все-таки позволь мне говорить перед Тобой, Милосердный, мне, «праху и пеплу»²¹. Позволь все-таки говорить: к милосердию Твоему, не к человеку, который осмеет меня, обращаюсь я. Может быть, и Ты посмеешься надо мной, но, обратившись ко мне, пожалеешь меня. Что хочу я сказать, Господи Боже мой? – только, что я не знаю, откуда я пришел сюда²², в эту – сказать ли – мертвую жизнь или живую смерть?²³ Не знаю. Меня встретило утешениями милосердие Твое, как об этом слышал я от родителей моих по плоти, через которых Ты создал меня во времени; сам я об этом не помню. Первым утешением моим было молоко, которым не мать моя и не кормилицы мои наполняли свои груди; Ты через них давал мне пищу, необходимую младенцу по установлению Твоему и по богатствам Твоим, распределенным до глубин творе-

---

«И увидел Бог дела их, что они обратились от злого пути своего, и пожалел Бог о бедствии, о котором сказал, что наведет на них, и не навел»; «радуешься прибыли» (Мф. 25:14; Лк. 19:12. –?); «требуешь лихвы» (Мф. 25:27).

¹⁵ Бл. Августин. «Трактат к Евангелию от Иоанна», 13, 5: «Всё можно сказать о Боге, и всё сказанное о Боге недостойно Его».

¹⁶ Пс. 34:3.

¹⁷ Исх. 33:20: Бог говорит Моисею: «Лица Моего нельзя тебе увидеть: человек не может увидеть Меня и остаться в живых».

¹⁸ Пс. 18:13–14. «Грехи бывают двоякого происхождения: на одни побуждают человека собственные мысли, а на другие разговоры со стороны» (Бл. Августин. «О свободной воле», 3, 10).

¹⁹ Пс. 31:5.

²⁰ Пс. 129:3.

²¹ Быт. 18:27–28: так называет себя Авраам, беседуя с Богом о том, ради скольких праведников пощадит Он город Содом.

²² «Откуда я пришел сюда...»; «Наступило ли младенчество мое вслед за каким-то другим умершим возрастом моим?»; «Был я где-нибудь, был кем-нибудь?» – вопрос о происхождении души волновал Бл. Августина до конца жизни.

²³ Платон в «Георгии» (493 E) цитирует стихи из утерянной трагедии Еврипида «Полинд»: Кто знает: наша жизнь не есть ли это смерть. А смерть не есть ли жизнь? (frg. 638). Бл. Августин остро чувствовал, что человеческая жизнь представляет собой непрестанное умирание. «Человек начинает умирать с момента рождения... вернее, он живет и умирает одновременно» (Бл. Августин. «О граде Божиим», 13,10). Блестящему ученику риторской школы, мастеру антитез, горький оксюморон о жизни, которая есть смерть, естественно приходил на ум.

ния. Ты дал мне не желать больше, чем Ты давал, а кормилицам моим желание давать мне то, что Ты давал им. По внушенной Тобою любви хотели они давать мне то, что в избытке имели от Тебя. Для них было благом мое благо, получаемое от них, но оно шло не от них, а через них, ибо от Тебя все блага, и от Господа моего всё мое спасение. Я понял это впоследствии, хотя Ты взывал ко мне и тогда – дарами извне и в меня вложенными. Уже тогда я умел сосать, успокаивался от телесного удовольствия, плакал от телесных неудобств – пока это было всё.

8. Затем я начал и смеяться, сначала во сне, потом и бодрствуя. Так рассказывали мне обо мне, и я верю этому, потому что то же я видел и у других младенцев: сам себя в это время я не помню. И вот постепенно я стал понимать, где я; хотел объяснить свои желания тем, кто бы их выполнил, и не мог, потому что желания мои были во мне, а окружающие вне меня, и никаким внешним чувством не могли они войти в мою душу. Я барахтался и кричал, выражая немногочисленными знаками, какими мог и насколько мог, нечто подобное моим желаниям, – но знаки эти не выражали моих желаний. И когда меня не слушались, не поняв ли меня, или чтобы не повредить мне, то я сердился, что старшие не подчиняются мне, и свободные не служат как рабы, и мстил за себя плачем. Что младенцы таковы, я узнал по тем, которых смог узнать, и что я был таким же, об этом мне больше поведали они сами, бессознательные, чем сознательные воспитатели мои.

9. И вот младенчество мое давно уже умерло, а я живу. Господи – Ты, Который живешь всегда, в Котором ничто не умирает, ибо прежде начала веков и прежде всего, о чем можно сказать «прежде», Ты есть, – Ты Бог и Господь всего создания Твоего, – стойки у Тебя причины всего нестойкого, неизменны начала всего изменяющегося, вечен порядок беспорядочного и временного – Господи, ответь мне, наступило ли младенчество мое вслед за каким-то другим умершим возрастом моим, или ему предшествовал только период, который я провел в утробе матери моей?²⁴ О нем кое-что сообщено мне, да и сам я видел беременных женщин. А что было до этого, Радость моя, Господь мой? Был я где-нибудь, был кем-нибудь? Рассказать мне об этом некому: ни отец, ни мать этого не могли: нет здесь ни чужого опыта, ни собственных воспоминаний. Ты смеешься над тем, что я спрашиваю об этом, и велишь за то, что я знаю, восхвалять Тебя и Тебя исповедовать?

10. Исповедую Тебя, Господи неба и земли, воздавая Тебе хвалу за начало жизни своей и за свое младенчество, о которых я не помню. Ты позволил человеку догадываться о себе по другим, многому о себе верить, полагаясь даже на свидетельство простых женщин. Да, я был и жил тогда и уже в конце младенчества искал знаков, которыми мог бы сообщить другим о том, что чувствовал. Откуда такое существо, как не от Тебя, Господи?²⁵ Разве есть мастер, который создает себя сам? в другом ли месте течет источник, откуда струится к нам бытие и жизнь? Нет, Ты создаешь нас, Господи, Ты, для Которого нет разницы между бытием и жизнью, ибо Ты есть совершенное Бытие и совершенная Жизнь. Ты совершен и Ты не изменяешься: у Тебя не проходит сегодняшний день, и, однако, он у Тебя проходит, потому что у Тебя всё; ничто не могло бы пройти, если бы Ты не содержал всего. И так как «годы Твои не иссякают», то годы Твои – сегодняшний день²⁶. Сколько наших дней и дней отцов наших прошло через Твое сегодня; от него получили они облик свой и как-то возникли, и пройдут еще и другие, получат свой облик и как-то возникнут. «Ты же всегда один и тот же»: всё завтрашнее и то, что идет за

²⁴ Бл. Августин отвергал теорию Платона о переселении душ, но с явным одобрением обсуждал другую: все души были созданы вначале и по какому-то собственному устремлению нашли путь телесного воплощения («На кн. Бытия», 7, 24, 25, «Письма»).

²⁵ Бл. Августин был неизменно убежден в высоком достоинстве человека и в том, что его жизнь от Бога. Поэтому, при глубоком сознании человеческой греховности, он никогда не терял надежды на спасение человека.

²⁶ Время получает свой характер и «свою меру» от вечного Божественного «сегодня». «Сегодня» Бога – это вечность, в которой Он действует и которая охватывает три человеческие категории времени: настоящее, прошедшее и будущее. (Пс. 101:28).

ним, всё вчерашнее и то, что позади него, Ты превратишь в сегодня, Ты превратил в сегодня. Что мне, если кто-то не понимает этого? Пусть и он радуется, говоря: «Что же это?» Пусть радуется и предпочитает найти Тебя, не находя, чем находя, не найти Тебя²⁷.

VII

11. Услыши, Господи! Горе грехам людским. И человек говорит это, и Ты жалеешь его, ибо Ты создал его, но греха в нем не создал. Кто напомнит мне о грехе младенчества моего? Никто ведь не чист от греха перед Тобой, даже младенец, жизни которого на земле один день. Кто мне напомнит? Какой-нибудь малютка, в котором я увижу то, чего не помню в себе?

Итак, чем же грешил я тогда? Тем, что, плача, тянулся к груди? Если я поступлю так сейчас и, разинув рот, потянусь не то что к груди, а к пище, подходящей моему возрасту, то меня по всей справедливости осмеют и выбранят. И тогда, следовательно, я заслуживал брани, но так как я не мог понять бранившего, то было и не принято и не разумно бранить меня. С возрастом мы искореняем и отбрасываем такие привычки. Я не видел сведущего человека, который, подчищая растение, выбрасывал бы хорошие ветви²⁸. Хорошо ли, однако, было даже для своего возраста с плачем добиваться даже того, что дано было бы ко вреду? жестоко негодовать на людей неподвластных, свободных и старших, в том числе и на родителей своих, стараться по мере сил избить людей разумных, не повинующихся по первому требованию потому, что они не слушались приказаний, послушаться которых было бы губительно? Младенцы невинны по своей телесной слабости, а не по душе своей. Я видел и наблюдал ревновавшего малютку: он еще не говорил, но бледный, с горечью смотрел на своего молочного брата. Кто не знает таких примеров? Матери и кормилицы говорят, что они искупают это, не знаю какими средствами²⁹. Может быть, и это невинность, при источнике молока, щедро изливающимся и преизбыточном, не выносить товарища, совершенно беспомощного, живущего одной только этой пищей? Все эти явления кротко терпят не потому, чтобы они были ничтожны или маловажны, а потому, что с годами это пройдет. И Ты подтверждаешь это тем, что то же самое нельзя видеть спокойно в возрасте более старшем³⁰.

12. Господи Боже мой, это Ты дал младенцу жизнь и тело, которое снабдил, как мы видим, чувствами, крепко соединил его члены, украсил его и вложил присущее всякому живому существу стремление к полноте и сохранности жизни. Ты велишь мне восхвалять Тебя за это, «исповедовать Тебя и воспевать имя Твое, Всевышний»³¹, ибо Ты был бы всемогущим и благим, если бы сделал только это, чего не мог сделать никто, кроме Тебя; Единственный, от Кото-

²⁷ Человек смиренно говорит, что он не в силах понять все эти рассуждения, и в этом смирении скорее находит Бога, чем тот, кто горделиво воображает, что он смог понять сущность Божества, «нашел Бога».

²⁸ Ср.: Ин. 15:2: «всякую ветвь... приносящую плод, очищает...».

²⁹ Такое поведение ребенка рассматривалось, может быть, как злое предзнаменование, и мать, и кормилица, стремясь отвести грядущую беду, старались «искупить» ребяческую злобность с помощью каких-либо чар.

³⁰ Бл. Августин очень интересовался психологией младенческого возраста, может быть, в связи с волновавшим его вопросом о происхождении души. Он расспрашивал «простых женщин» о грудных детях и сам наблюдал за ними. Эти наблюдения привели его к печальному выводу: «Младенцы невинны по своей телесной слабости, а не по душе своей». Проявления злости в ребенке вовсе не так незначительны сами по себе; ведь в дальнейшем они нетерпимы. Бл. Августин часто указывал, что ребенок не знает, что такое добро, и не способен на него (см.: «О граде Божиим», 22, 22). Ребенок стремится удовлетворить свои желания – и наталкивается на непонимание и сопротивление взрослых, вызывающее в нем досаду, горечь и желание отомстить. Первая его реакция на этот мир – это память о нанесенных обидах и озлобление. Он воспринимает окружающую его среду как нечто враждебное: он уже в раздоре с миром и с самим собой. Этот нравственный беспорядок предрасполагает и к дальнейшим ошибкам. Поведение ребенка в будущем уже испорчено: оно обусловлено характером его первоначальных столкновений с миром и его темпераментом, а эта обусловленность ведет скорее ко злу, чем к добру. «Грехи» ребенка, по мнению Бл. Августина, действительно грехи. Они исходят из первородного греха, испортившего человеческую природу, но, проявляясь в окружающем грешном мире, вносят свою долю в стихию зла, созданную и создаваемую человеком, сознательно и бессознательно. См.: Бл. Августин. «De peccatorum meritis et remissione», 1, 35, 66.

³¹ Пс. 91:2.

рого всякая мера, Прекраснейший, Который всё делаешь прекрасным и всё упорядочиваешь по закону Своему. Этот возраст, Господи, о котором я не помню, что я жил, относительно которого полагаюсь на других, и в котором, как я догадываюсь по другим младенцам, я как-то действовал, мне не хочется, несмотря на весьма справедливые догадки мои, причислять к этой моей жизни, которой я живу в этом мире. В том, что касается полноты моего забвения, период этот равен тому, который я провел в материнском чреве. И если «я зачат в беззаконии, и во грехах питала меня мать моя во чреве»³², то где, Боже мой, где, Господи, я, раб Твой, где или когда был невинным? Нет, я пропускаю это время; и что мне до него, когда я не могу отыскать никаких следов его?

VIII

13. Разве не перешел я, подвигаясь к нынешнему времени, от младенчества к детству? Или, вернее, оно пришло ко мне и сменило младенчество. Младенчество не исчезло – куда оно ушло? и все-таки его уже не было. Я был уже не младенцем, который не может произнести слова, а мальчиком, который говорит, был я. И я помню это, а впоследствии я понял, откуда я выучился говорить. Старшие не учили меня, предлагая мне слова в определенном и систематическом порядке, как это было немного погодя с буквами. Я действовал по собственному разуму, который Ты дал мне, Боже мой. Когда я хотел воплями, различными звуками и различными телодвижениями сообщить о своих сердечных желаниях и добиться их выполнения, я оказывался не в силах ни получить всего, чего мне хотелось, ни дать знать об этом всем, кому мне хотелось. Я схватывал памятью³³, когда взрослые называли какую-нибудь вещь и по этому слову оборачивались к ней; я видел это и запоминал: прозвучавшим словом называется именно эта вещь. Что взрослые хотели ее назвать, это было видно по их жестам, по этому естественному языку всех народов, слагающемуся из выражения лица, подмигиванья, разных телодвижений и звуков, выражающих состояние души, которая просит, получает, отбрасывает, избегает. Я постепенно стал соображать, знаками чего являются слова, стоящие в разных предложениях на своем месте и мною часто слышимые, принудил свои уста справляться с этими знаками и стал ими выражать свои желания. Таким образом, чтобы выражать свои желания, начал я этими знаками общаться с теми, среди кого жил; я глубже вступил в бурную жизнь человеческого общества, завися от родительских распоряжений и от воли старших.

IX

14. Боже мой, Боже, какие несчастья и издевательства испытал я тогда. Мне, мальчику, предлагалось вести себя как следует: слушаться тех, кто убеждал меня искать в этом мире успеха и совершенствоваться в краснобайстве, которым выслуживают людской почет и обманчивое богатство. Меня и отдали в школу учиться грамоте. На беду свою, я не понимал, какая в ней польза, но если был ленив к учению, то меня били; старшие одобряли этот обычай. Много людей, живших до нас, проложили эти скорбные пути, по которым нас заставляли проходить; умножены были труд и печаль для сыновей Адама. Я встретил, Господи, людей, молившихся Тебе, и от них узнал, постигая Тебя в меру сил своих, что Ты Кто-то Большой и можешь, даже оставаясь скрытым для наших чувств, услышать нас и помочь нам. И я начал молиться Тебе,

---

³² Пс. 50:7.

³³ «Я схватывал памятью»: *prensabam memoria* – чтение О, принятое Скутеллой, вместо *pensabam* («я обдумывал, я взвешивал»), которое стоит в *S. Prensabam* – слово довольно редкое; переписчик или бессознательно заменил его более обычным *pensabam*, или, по рассеянности, пропустил «г». *Prensabam* прекрасно рисует «схватыванье» слов детской памятью. О чтениях О и S см.: БТ, № 15. М., 1976, с. 23.

«Помощь моя и Прибежище мое»³⁴, и, взывая к Тебе, одолел косноязычие свое. Маленький, но с жаром немалым, молился я, чтобы меня не били в школе. И так как Ты не услышал меня – что было не во вред мне³⁵, – то взрослые, включая родителей моих, которые ни за что не хотели, чтобы со мной приключалось хоть что-нибудь плохое, продолжали смеяться над этими побоями, великим и тяжким тогдашним моим несчастьем.

15. Есть ли, Господи, человек, столь великий духом, прилепившийся к Тебе такой великой любовью, есть ли, говорю я, человек, который в благочестивой любви своей так высоко настроен, что дыба, кошки и тому подобные мучения, об избавлении от которых повсеместно с великим трепетом умоляют Тебя, были бы для него нипочем? (Иногда так бывает от некоторой тупости.) Могли бы они смеяться над теми, кто жестоко трусил этого, как смеялись наши родители над мучениями, которым нас, мальчиков, подвергали наши учителя? Я и не переставал их бояться и не переставал просить Тебя об избавлении от них³⁶, и продолжал грешить, меньше упражняясь в письме, в чтении и в обдумывании уроков, чем это от меня требовали. У меня, Господи, не было недостатка ни в памяти, ни в способностях, которыми Ты пожелал в достаточной мере наделить меня, но я любил играть, и за это меня наказывали те, кто сами занимались, разумеется, тем же самым. Забавы взрослых называются делом, у детей они тоже дело³⁷, но взрослые за них наказывают, и никто не жалеет ни детей, ни взрослых. Одобрит ли справедливый судья побои, которые я терпел за то, что играл в мяч и за этой игрой забывал учить буквы, которыми я, взрослый, играл в игру более безобразную? Наставник, бывший меня, занимался не тем же, чем я? Если его в каком-нибудь вопросике побеждал ученый собрат, разве его меньше душила желчь и зависть, чем меня, когда на состязаниях в мяч верх надо мною брал товарищ по игре?

X

16. И всё же я грешил, Господи Боже, всё в мире сдерживающий и всё создавший; грехи же только сдерживающий. Господи Боже мой, я грешил, нарушая наставления родителей и учителей моих. Я ведь смог впоследствии на пользу употребить грамоту, которой я, по желанию моих близких, каковы бы ни были их намерения, должен был овладеть. Я был непослушен не потому, что избрал лучшую часть, а из любви к игре; я любил побеждать в состязаниях и гордился этими победами. Я тешил свой слух лживыми сказками, которые только разжигали любопытство, и меня всё больше и больше подзуживало взглянуть собственными глазами на зрелища, игры старших. Те, кто устраивает их, имеют столь высокий сан³⁸, что почти все желают его для детей своих, и в то же время охотно допускают, чтобы их секли, если эти зрелища мешают их учению; родители хотят, чтобы оно дало их детям возможность устраивать такие же зрелища. Взгляни на это, Господи, милосердным оком и освободи нас, уже призывающих Тебя; освободи и тех, кто еще не призывает Тебя; да призовут Тебя, и Ты освободишь их.

XI

17. Я слышал еще мальчиком о вечной жизни, обещанной нам через уничтожение Господа нашего, нисшедшего к гордости нашей. Я был ознаменован Его крестным знаменем и осолен

---

³⁴ Пс. 93:22.

³⁵ Пс. 21:3 по переводу 70: οὐκ εἰς ἀνοσίαν ἐμοί – «мне не на глупое», «чтобы я не стал глупее» («не в безумие мне». – Редакция «Азбуки Веры»).

³⁶ Уже в старости Бл. Августин писал, что если человеку предоставить выбор между смертью и возвращением в детство и школу, то он предпочтет смерть («О граде Божиим», 21, 14).

³⁷ Сенека считал, что между играми детей и занятиями взрослых нет, по существу, разницы (Диалоги, 2, 12, 1–2).

³⁸ И гладиаторские игры и цирковые состязания (скачки) устраивали высшие городские магистраты.

Его солью по выходе из чрева матери моей³⁹, много на Тебя уповавшей. Ты видел, Господи, когда я был еще мальчиком, то однажды я так расхворался от внезапных схваток в животе, что был почти при смерти; Ты видел. Боже мой, ибо уже тогда был Ты хранителем моим, с каким душевным порывом и с какой верой требовал я от благочестивой матери моей и от общей нашей матери Церкви, чтобы меня окрестили во имя Христа Твоего, моего Бога и Господа. И моя мать по плоти, с верой в Тебя бережно вынашивавшая в чистом сердце своем вечное спасение мое, в смятении торопилась омыть меня и приобщить к Святым Твоим Таинствам, Господи Иисусе, ради отпущения грехов моих, как вдруг я выздоровел. Таким образом, очищение мое отложили, как будто необходимо было, чтобы, оставшись жить, я еще больше вывалялся в грязи; по-видимому, грязь преступлений, совершенных после этого омовения, вменялась в большую и более страшную вину. Итак, я уже верил, верила моя мать и весь дом, кроме отца, который не одолел, однако, во мне уроков материнского благочестия и не удержал от веры в Христа, в Которого сам еще не верил. Мать постаралась, чтобы отцом моим был скорее Ты, Господи, чем он, и Ты помог ей взять в этом верх над мужем, которому она, превосходя его, подчинялась, ибо и в этом подчинялась, конечно. Тебе и Твоему повелению.

18. Господи, я хочу узнать, если Тебе угодно, с каким намерением отложено было тогда мое Крещение: во благо ли отпущены мне были вожжи моим греховным склонностям? или они не были отпущены? Почему и до сих пор в ушах у меня со всех сторон звенит от слова, то об одном человеке, то о другом: «оставь его, пусть делает: ведь он еще не крещен». Когда дело идет о телесном здоровье, мы ведь не говорим: «оставь, пусть его еще ранят: он еще не излечился». Насколько лучше и скорее излечился бы я, заботясь об этом и сам, и вместе со своими близкими, дабы сенью Твоей осенено было душевное спасение, дарованное Тобой. Было бы, конечно, лучше. Какая, однако, буря искушений нависает над человеком по выходе из детства, мать моя это знала и предпочитала, чтобы она разразилась лучше над прахом земным, который потом преобразится, чем над самим образом Божиим⁴⁰.

XII

19. В детстве моем, которое внушало меньше опасностей, чем юность, я не любил занятий и терпеть не мог, чтобы меня к ним принуждали; меня тем не менее принуждали, и это было хорошо для меня, но сам я делал нехорошо; если бы меня не заставляли, я бы не учился. Никто ничего не делает хорошо, если это против воли, даже если человек делает что-то хорошее. И те, кто принуждали меня, поступали нехорошо, а хорошо это оказалось для меня по Твоей воле, Господи. Они ведь только и думали, чтобы я приложил то, чему меня заставляли учиться, к насыщению ненасытной жажды нищего богатства и позорной славы. Ты же, «у Которого сочтены волосы наши»⁴¹, пользовался, на пользу мою, заблуждением всех настаивавших, чтобы я учился, а моим собственным – неохотой к учению, Ты пользовался для наказания моего, которого я вполне заслуживал, я, маленький мальчик и великий грешник. Так через поступавших нехорошо Ты благодетельствовал мне и за мои собственные грехи справедливо

³⁹ Это так называемые «обряды, предваряющие Крещение»: ребенка или взрослого осеняли крестным знаменем и давали ему крупичу освященной соли. Тот, над кем эти обряды были совершены, причислялся к катехуменам, «оглашенным», т. е. к лицам, которые могли уже приступить к таинству Крещения. Оно обычно откладывалось до зрелого возраста: считалось, что Крещение смывает все грехи, совершенные до его принятия, и с ним поэтому не торопились. Отцы Церкви IV в. настаивали, однако, на крещении детей, и в V в. уже вошло в обычай крестить детей.

⁴⁰ «Создал Бог человека из праха земного» (Быт. 2:7); Бл. Августин разумеет под этими словами человека, отягощенного грехами, безблагодатного; получив благодать в таинстве Крещения, человек становится образом Божиим. См.: «Исповедь», XIII, 12.

⁴¹ Мф. 10:30.

воздавал мне. Ты повелел ведь – и так и есть – чтобы всякая неупорядоченная душа сама в себе несла свое наказание⁴².

ХШ

20. В чем, однако, была причина, что я ненавидел греческий, которым меня пичкали с раннего детства? Это и теперь мне не вполне понятно. Латынь я очень любил, только не то, чему учат в начальных школах, а уроки так называемых грамматиков⁴³. Первоначальное обучение чтению, письму и счету казалось мне таким же тягостным и мучительным, как весь греческий⁴⁴. Откуда это, как не от греха и житейской суетности, ибо «я был плотью и дыханием, скитающимся и не возвращающимся»⁴⁵. Это первоначальное обучение, давшее мне в конце концов возможность и читать написанное и самому писать, что вздумается, было, конечно, лучше и надежнее тех уроков, на которых меня заставляли заучивать блуждания какого-то Энея⁴⁶, забывая о своих собственных; плакать над умершей Дидоной, покончившей с собой от любви, – и это в то время, когда я не проливал, несчастный, слез над собою самим, умирая среди этих занятий для Тебя, Господи, Жизнь моя.

21. Что может быть жалостнее жалкого, который не жалеет себя и оплакивает Дидону, умершую от любви к Энею, и не оплакивает себя, умирающего потому, что нет в нем любви к Тебе, Господи, Свет, освещающий сердце мое; Хлеб для уст души моей, Сила, оплодотворяющая разум мой и лоно мысли моей. Я не любил Тебя, я изменял Тебе, и клики одобрения звенели вокруг изменника. Дружба с этим миром – измена Тебе⁴⁷: ее приветствуют и одобряют, чтобы человек стыдился, если он ведет себя не так, как все. И я не плакал об этом, а плакал о Дидоне, «угасшей, проследовавшей к последнему пределу»⁴⁸ – я, следовавший сам за последними созданиями Твоими⁴⁹, покинувший Тебя, я, земля, идущая в землю. И я загрустил бы, если бы мне запретили это чтение, потому что не мог бы читать книгу, над которой грустил. И эти глупости считаются более почтенным и высоким образованием, чем обучение чтению и письму.

22. Господи, да воскликнет сейчас в душе моей и да скажет мне правда Твоя: «Это не так, это не так». Гораздо выше, конечно, простая грамота. Я готов скорее позабыть о блужданиях

⁴² Это любимая мысль Бл. Августина: наказание никогда не является произвольным и наложенным свыше; оно имманентно вине и вытекает из нее.

⁴³ Законченное образование во всем римском мире получали лица, прошедшие три школы: начальную, где обучались чтению, письму и счету; грамматическую, где занимались, главным образом, чтением и толкованием поэтов и прозаиков, введенных в канон школьного обучения, и риторскую, в которой юноша готовился к ораторской карьере. Подробнее см.: Сергеенко М. Е. Жизнь Древнего Рима. М.; Л., 1964, с. 169–191.

⁴⁴ О том, знал ли Бл. Августин греческий, спорят до сих пор. Сам он говорил о себе, что он его почти не знает (Против Петилиана, 2, 38, 91). Вряд ли это верно. Начиная с грамматической школы, обучение было двуязычным, и Августин, мальчик способный, вынес из школы такой запас знаний, который послужил для него фундаментом для занятий по сравнению латинской Библии с греческим оригиналом (перевод 70 толковников). Греческий, однако, всегда оставался для него языком чуждым, как чужда была и эллинская культура: греческих классиков он не читал вовсе, из языческих философов и Отцов Восточной Церкви знал только то, что было переведено на латынь. См. Н. Marrou. S. Augustin et l'augustinisme, Paris, 1956, p. 27–46 и P. Courcelle. Les lettres grecques... p. 137–209.

⁴⁵ Пс. 77:39.

⁴⁶ Эней – главный герой Вергилиевой «Энеиды», национальной поэмы, на которой воспитывалось все римское юношество, языческое и христианское. Эней, сын Афродиты (Венеры), родственник Приама, царя Трои, один из доблестнейших троянских героев. Когда греки хитростью овладели Троей и зажгли ее, Эней бежит из города, собрав вокруг себя уцелевших троянцев. Начинаются его скитания по морю; буря забрасывает его в Карфаген, где он радушно принят царицей Дидоной. Она полюбила Энея; по отъезде его покончила с собой.

⁴⁷ Ср.: Иак. 4:4: «Прелюбодеи, не знаете ли, что дружба с миром есть вражда против Бога?»

⁴⁸ «Энеида», VI, 457.

⁴⁹ *Extrema secutam* («следовать к последнему пределу») – *sequens extrema* («следовавший за последними созданиями»): связь чисто словесная.

Энея и обо всем прочем в том же роде, чем разучиться читать и писать. Над входом в школы грамматиков свисают полотнища, но это не знак тайны, внушающей уважение; это прикрытие заблуждения⁵⁰. Да не поднимают против меня крика те, кого я уже не боюсь, исповедуясь Тебе, Боже мой, в том, чего хочет душа моя: я успокаиваюсь осуждением злых путей своих, дабы возлюбить благие пути Твои. Да не поднимают против меня крика продавцы и покупатели литературной премудрости; ведь если я предложу им вопрос, правду ли говорит поэт, что Эней когда-то прибыл в Карфаген, то менее образованные скажут, что они не знают, а те, кто пообразованнее, определенно ответят, что это неправда. Если же я спрошу, из каких букв состоит имя «Эней», то все, выучившиеся грамоте, ответят мне правильно, в соответствии с тем уговором, по которому людям заблагорассудилось установить смысл этих знаков⁵¹. И если я спрошу, от чего у них в жизни произойдет больше затруднений: от того ли, что они позабудут грамоту, или от того, что позабудут эти поэтические вымыслы, то разве не очевидно, как ответит человек, находящийся в здравом уме? Я грешил, следовательно, мальчиком, предпочитая пустые рассказы полезным урокам, вернее сказать, ненавидя одни и любя другие. Один да один – два; два да два – четыре; мне ненавистно было тянуть эту песню⁵² и сладостно было суетное зрелище: деревянный конь, полный вооруженных, пожар Трои и «тень Креусы самой»⁵³.

XIV

23. Почему же ненавидел я греческую литературу, которая полна таких рассказов? Гомер ведь умеет искусно сплести такие басни; в своей суетности он так сладостен, и тем не менее мне, мальчику, он был горек. Я думаю, что таким же для греческих мальчиков оказывается и Вергилий, если их заставляют изучать его так же, как меня Гомера. Трудности, очевидно обычные трудности при изучении чужого языка, окропили, словно желчью, всю прелесть греческих баснословий. Я не знал ведь еще ни одного слова по-гречески, а на меня налегали, чтобы я выучил его, не давая ни отдыха, ни сроку и пугая жестокими наказаниями. Было время, когда я, малюткой, не знал ни одного слова по-латыни, но я выучился ей на слух, безо всякого страха и мучений, от кормилиц, шутивших и игравших со мной, среди ласковой речи, веселья и смеха. Я выучился ей без тягостного и мучительного принуждения, ибо сердце мое понуждало рожать зачатое, а родить было невозможно⁵⁴, не выучи я, не за уроками, а в разговоре, тех слов, которыми я передавал слуху других то, что думал. Отсюда явствует, что для изучения языка гораздо важнее свободная любознательность, чем грозная необходимость⁵⁵. Течению первой ставит плотину вторая – по законам Твоим, Господи, по законам Твоим, управляющим и учительской линейкой и искушениями праведников, – по законам, которыми властно определено литься спасительной горечи, призывающей нас обратно к Тебе от ядовитой сладости, заставившей отойти от Тебя.

⁵⁰ Учителя часто устраивали школы под портиками форума и отделяли их от остальной площади занавесом. Такая школа как раз изображена на одной помпейской фреске. Бл. Августин иронически намекает на занавеси, которыми в храмах завешивали целлу, где стояли изображения особо чтимых богов.

⁵¹ Бл. Августин имеет в виду знаки, принятые для обозначения букв.

⁵² Таков был метод обучения счету.

⁵³ Греки, безуспешно просидев под Троей десять лет, решили взять ее хитростью. Сделав вид, что они отплывают на родину, они оставили перед городом огромного деревянного коня, в середину которого спрятались храбрейшие греческие герои. Обманутые троянцы втащили коня в город; спрятавшиеся в нем греки открыли ворота своим: в ту же ночь Троя сгорела. Креуса – жена Энея. – «Энеида», II, 772.

⁵⁴ А. Сизоо предложил читать вм. *id quod non essent* («что было невозможно») – *ea nata non essent* («что не было бы рожденным») – конъектура убедительная, потому что Бл. Августин пользуется здесь метафорой зачатия и рождения (*Mnemosyne*, 1947, p. 141–142).

⁵⁵ Педагогические советы Бл. Августина замечательны наблюдательностью и пониманием детской и юношеской психологии. Из диалогов, которые представляют Бл. Августина в беседе с его учениками («Об учителе»), видно, что он стремился пробудить в них «свободную любознательность».

XV

24. Услыши, Господи, молитву мою, да не ослабнет душа моя под началом Твоим, да не ослабну я, свидетельствуя пред Тобою о милосердии Твоем, исхитившем меня от всех злых путей моих; стань для меня сладостнее всех соблазнов⁵⁶, увлекавших меня; да возлюблю Тебя всеми силами, прильну к руке Твоей всем сердцем своим; избавь меня от всякого искушения до конца дней моих. Вот, Господи, Ты Царь мой и Бог мой, и да служит Тебе всё доброе, чему я выучился мальчиком, да служит Тебе и слово мое, и писание, и чтение, и счет. Когда я занимался суетной наукой, Ты взял меня под свое начало и отпустил мне грех моего увлечения этой суетой. Я ведь выучил и там много полезных слов, хотя им можно было научиться, занимаясь предметами и не суетными: вот верный путь, по которому должны бы идти дети.

XVI

25. Горе тебе, людской обычай, подхватывающий нас потоком своим! Кто воспротивится тебе? Когда же ты иссохнешь?⁵⁷ Доколе будешь уносить сынов Евы в огромное и страшное море, которое с трудом переплывают и взошедшие на корабль?⁵⁸ Разве не читал я, увлекаемый этим потоком, о Юпитере, и гремящем и прелюбодействующем? Это невозможно одновременно, но так написано, чтобы изобразить, как настоящее, прелюбодеяние, совершаемое под грохот мнимого грома – сводника⁵⁹.

Кто из этих учителей в плащах⁶⁰ трезвым ухом прислушивается к словам человека, созданного из того же праха и воскликнувшего: «Это выдумки Гомера: человеческие свойства он перенес на богов, – я предпочел бы, чтобы божественные – на нас»?⁶¹ Правильнее, однако, сказать, что выдумки – выдумками; но когда преступным людям приписывают божественное достоинство⁶², то преступления перестают считаться преступлениями, и совершающий их кажется подражателем не потерянных людей, а самих богов – небожителей.

26. И однако в тебя, адский поток, бросают сынов человеческих, чтобы они учили это, притом еще за плату! Какое великое дело делается, делается публично, на форуме пред лицом законов, назначающих сверх платы от учеников еще плату от города!⁶³ Ты ударяешься волнами о свои скалы и звенишь: «Тут учатся словам, тут приобретают красноречие, совершенно необходимое, чтобы убеждать и развивать свои мысли». Мы действительно не узнали бы таких

⁵⁶ «Любовь к временному можно изгнать, только почувствовав сладость вечного» (Бл. Августин. «О музыке», 6, 16, 52).

⁵⁷ Страстность этого негодования понятна. Языческое образование, крепко утвердившееся в школе, оставляло неизгладимый след и в мыслях, и в воображении, и в сердце христианского юношества.

⁵⁸ В подлиннике *lignum*: «бревно» – метонимическое обозначение корабля; «море» – обычная метафора, обозначающая жизнь, «житейское море»; корабль, на котором переплывают это море, означает Церковь и Крест Христов. Лучший комментарий к этому месту Бл. Августин дает в Толк. на Иоанна, 2, 4: «Почему Он был распят? потому что для тебя необходимо это дерево (*lignum*) Его уничижения. В своей гордости ты страшился Его, и тебя далеко унесло от родной земли. Волнами мирскими смыло дорогу туда; только на этом корабле (*lignum*) сможешь вернуться ты домой. Он сам стал дорогой, но она лежит через море, пройти сам пешком по морю ты не можешь, тебя перенесет корабль, перенесет „Дерево“ (Крест); верь в Распятие и ты сможешь вернуться».

⁵⁹ Бл. Августин намекает на какой-то современный ему фарс.

⁶⁰ *Raenula* – толстый темного цвета грубый плащ, по-видимому, обычная одежда школьного учителя (фреска из Помпеи, надгробие из музея в Трире).

⁶¹ Слова Цицерона («Тускуланские беседы», I, 26, 65).

⁶² Бл. Августин неоднократно с одобрением отзываясь об Евмере: «Всех этих богов он описал не в болтливых сказках, но с исторической точностью удостоверил, что они были смертными людьми» («О граде Божиим», 6, 17).

⁶³ Под «адским потоком» Бл. Августин разумеет обычный курс классического образования. Слова «публично, на форуме» заставляют думать, что форум был обычным местом для школы (см.: Лив. 3, 44); «пред лицом законов» – копию законов вывешивали на форуме. Город, приглашавший учителя, платил ему «зарплату», определенную императорским указом; сверх нее учитель получал гонорар от учеников.

слов, как: «золотой дождь», «лоно», «обман», «небесный храм» и прочих слов, там написанных, если бы Теренций не вывел молодого повесу; который, рассмотрев нарисованную на стене картину, берет себе в разврате за образец Юпитера. На картине было изображено, каким образом Юпитер некогда пролил в лоно Данаи золотой дождь и обманул женщину. И посмотри, как он разжигает в себе похоть, как будто поучаемый с небес:

И бог какой, великим громом храм небесный сотрясавший!

Ну как не совершить того ж мне, человеку малому?⁶⁴ Нет, неверно, неверно, что легче заучить эти слова в силу их мерзкого содержания; такие слова позволяют спокойнее совершать эти мерзости. Я осуждаю не слова, эти отборные и драгоценные сосуды, а то вино заблуждения, которое подносят нам в них пьяные учителя; если бы мы его не пили, нас бы секли и не позволили позвать в судьи трезвого человека. И однако, Боже мой, пред очами Твоими я могу уже спокойно вспоминать об этом: я охотно этому учился, наслаждался этим, несчастный, и поэтому меня называли мальчиком, подающим большие надежды.

XVII

27. Позволь мне, Господи, рассказать, на какие бредни растрчивал я способности мои, дарованные Тобой. Мне предложена была задача, не дававшая душе моей покоя: произнести речь Юноны, разгневанной и опечаленной тем, что она не может повернуть от Италии царя тевкров⁶⁵. Наградой была похвала; наказанием – позор и розги. Я никогда не слышал, чтобы Юнона произносила такую речь, но нас заставляли блуждать по следам поэтических выдумок и в прозе сказать так, как было сказано поэтом в стихах. Особенно хвалили того, кто сумел выпукло и похоже изобразить гнев и печаль в соответствии с достоинством вымышленного лица и одеть свои мысли в подходящие слова. Что мне с того, Боже мой, истинная Жизнь моя! Что мне с того, что мне за декламации мои рукоплескали больше, чем многим сверстникам и соученикам моим? Разве всё это не дым и ветер? Не было разве других тем, чтобы упражнять мои способности и мой язык? Славословия Тебе, Господи, славословия Тебе из Писания Твоего должны были служить опорой побегам сердца моего! Его не схватили бы пустые безделки, как жалкую добычу крылатой стаи⁶⁶. Не на один ведь лад приносится жертва ангелами-отступниками.

XVIII

28. Удивительно ли, что меня уносило суетой и я уходил от тебя, Господи, во внешнее?⁶⁷ Мне ведь в качестве примера ставили людей, приходивших в замешательство от упреков в варваризме или солецизме, допущенном ими в сообщении о своем хорошем поступке, и гордив-

---

⁶⁴ Речь идет о том месте в комедии Теренция «Евнух» (585...), где юный Херея рассказывает, как он в costume евнуха проник к гетере Фаиде, чтобы признаться в любви молодой рабыне, пленившей его своей красотой. Оставшись с ней наедине и вспомнив картину, только что им увиденную, он решает не упустить удобного случая.

⁶⁵ «Тевкры» – так назывались троянцы, по имени первого своего царя Тевкра. Царь тевкров – Эней. Юнона (греч. Гера), враждебно относившаяся к троянцам, всячески старалась помешать Энею и его спутникам прибыть в Италию, где им судьбой было определено основать великое царство. «Задача», о которой рассказывает Бл. Августин, была обычным упражнением в школе грамматика. Надлежало не просто привести прозой данный отрывок из «Энеиды» (I, 36–75), а «придать ораторскую силу мыслям поэта, добавить упущенное, сжато выразить расплывчатое... это борьба и состязание с поэтом» (Квинт., X, 5, 4–5).

⁶⁶ «Крылатая стая» – слова эти употреблены и в прямом смысле: птицы склеивают ягоды с виноградных побегов, упавших на землю, потому что под них не подставлен подпор, – и в переносном: у Бл. Августина не было опоры в Священном Писании, и сердце его похитили отпавшие ангелы: «Эти гордые и нечестивые души питаются не ароматным дымом, как полагают некоторые глупцы, а людскими заблуждениями» (Бл. Августин. «Против Фавста», 20, 22).

⁶⁷ И мысль и само выражение ее свидетельствуют о том, что влияние неоплатоников на Бл. Августина не прошло с годами. Ср.: Плотин. Эннеады, 6, 9, 7: «Отбросив всё внешнее, следует обратиться к внутреннему».

шихся похвалами за рассказ о своих похождениях, если он был велеречив и украшен, составлен в словах верных и правильно согласованных. Ты видишь это, Господи, – и молчишь, – «долготерпеливый, многомилостивый и справедливый». Всегда ли будешь молчать? И сейчас вырываешь Ты из этой бездонной пропасти душу, ищущую Тебя и жаждущую улады Твоей, человека, «чье сердце говорит Тебе: я искал лица Твоего; лицо Твое, Господи, я буду искать»⁶⁸. Далеко от лица Твоего был я, омраченный страстью. От Тебя ведь уходят и к Тебе возвращаются не ногами и не в пространстве. Разве Твой младший сын искал для себя лошадей, повозку или корабль? Разве он улетел на видимых крыльях или отправился в дорогу пешком, чтобы, живя в дальней стороне, расточить и растратить состояние, которое Ты дал ему перед уходом? Ты дал его, нежный Отец, и был еще нежнее к вернувшемуся нищему. Он жил в распутстве, то есть во мраке страстей, а это и значит быть далеко от лица Твоего⁶⁹.

29. Посмотри, Господи, и терпеливо, как Ты и смотришь, посмотри, как тщательно соблюдают сыны человеческие правила, касающиеся букв и слогов, полученные ими от прежних мастеров речи, и как пренебрегают они от Тебя полученными непреложными правилами вечного спасения. Если человек, знакомый с этими старыми правилами относительно звуков или обучающий им, произнесет вопреки грамматике слово homo без придыхания в первом слоге⁷⁰, то люди возмутятся больше, чем в том случае, если, вопреки заповедям Твоим, он, человек, будет ненавидеть человека. Ужели любой враг может оказаться опаснее, чем сама ненависть, бушующая против этого врага? можно ли, преследуя другого, погубить его страшнее, чем губит вражда собственное сердце? И, конечно, знание грамматики живет не глубже в сердце, чем запечатленное в нем сознание, что ты делаешь другому то, чего сам терпеть не пожелаешь. Как далек Ты, обитающий на высотах в молчании, Господи, Единый, Великий, посылающий по неусыпному закону карающую слепоту на недозволенные страсти! Когда человек в погоне за славой красноречивого оратора перед человеком – судьей, окруженный толпой людей, преследует в бесчеловечной ненависти врага своего, он всячески остерегается обмолвки «среди людей»⁷¹ и вовсе не остережется в неистовстве своем убрать человека из среды людей.

XIX

30. Вот на пороге какой жизни находился я, несчастный, и вот на какой арене я упражнялся. Мне страшнее было допустить варваризм, чем остеречься от зависти к тем, кто его не допустил, когда допустил я. Говорю Тебе об этом, Господи, и исповедую пред Тобой, за что хвалили меня люди, одобрение которых определяло для меня тогда пристойную жизнь. Я не видел пучины мерзостей, в которую «был брошен прочь от очей Твоих»⁷². Как я был мерзок тогда, если даже этим людям доставлял неудовольствие, без конца обманывая и воспитателя, и учителей, и родителей из любви к забавам, из желания посмотреть пустое зрелище, из веселого и беспокойного обезьянничанья. Я воровал из родительской кладовой и со стола от обжорства или чтобы иметь чем заплатить мальчикам, продававшим мне свои игрушки, хотя и для них они были такою же радостью, как и для меня. В игре я часто обманом ловил победу, сам побежденный пустой жаждой превосходства. Разве я не делал другим того, чего сам испытать

⁶⁸ Пс. 102:8, 85:15, 26:8.

⁶⁹ Бл. Августин соединил вместе Евангельскую притчу о блудном сыне (Лк. 15:11...) и место из «Эннеад» Плотина (1, 6, 8). Некоторые фразы – буквально перевод оттуда: «...не ногами нужно пройти... не нужно тебе приготавливать ни повозки с лошадьми, ни корабля...».

⁷⁰ По словам грамматика Нигидия Фигула, современника Цицерона, неправильное придыхание свидетельствует о малой культуре.

⁷¹ В подлиннике: inter omnes вм. inter homines.

⁷² Пс. 30:23.

ни в коем случае не хотел, уличенных в чем жестоко бранил? А если меня уличали и бранили, я свирепел, а не уступал.

И это детская невинность? Нет, Господи, нет! позволь мне сказать это, Боже мой. Всё это одинаково: в начале жизни – воспитатели, учителя, орехи, мячики, воробьи; когда же человек стал взрослым – префекты, цари, золото, поместья, рабы, – в сущности, всё это одно и то же, только линейку сменяют тяжелые наказания. Когда Ты сказал, Царь наш: «Таковых есть Царство Небесное»⁷³, Ты одобрил смирение, символ которого – маленькая фигурка ребенка.

XX

31. И всё же, Господи, совершеннейший и благой Создатель и Правитель вселенной, благодарю Тебя, даже если бы Ты захотел, чтобы я не вышел из детского возраста. Я был уже тогда, я жил и чувствовал; я заботился о своей Сохранности – след таинственного единства, из которого я возник⁷⁴. Движимый внутренним чувством⁷⁵, я оберегал в сохранности свои чувства: я радовался истине в своих ничтожных размышлениях и по поводу ничтожных предметов. Я не хотел попадать впросак, обладал прекрасной памятью, учился владеть речью, умилялся дружбе, избегал боли, презрения, невежества. Что не заслуживает удивления и похвалы в таком существе?

И всё это дары Бога моего; не сам я дал их себе; всё это хорошо, и всё это – я. Благ, следовательно, Тот, Кто создал меня, и Сам Он благо мое, и, ликуя, благодарю я Его за все блага, благодаря которым я существовал с детского возраста. Грешил же я в том, что искал наслаждения, высоты и истины не в Нем самом, а в созданиях Его⁷⁶: в себе и в других, и таким образом впадал в страдания, смуту и ошибки.

Благодарю Тебя, радость моя, честь моя, опора моя. Боже мой; благодарю Тебя за дары Твои: сохрани их мне. Так сохранишь Ты меня, и то, что Ты дал мне, увеличится и усовершится, и сам я буду с Тобой, ибо и самую жизнь Ты даровал мне.

---

⁷³ Мф. 19:14.

⁷⁴ «Поскольку что-то стремится к единству, постольку оно существует. Единство создает согласованность и единодушие... Простое существует само по себе, будучи единым; то, что сложно, стремится к единству согласованием частей и существует в той мере, в какой это ему удастся» (Бл. Августин. «О нравах манихеев», 6). «Все существующее существует в силу единства... здоровье заключается в подчинении тела одному, красота – в объединении членов в одно» (Плотин. Эннеады, 6, 9, 1).

⁷⁵ Бл. Августин имеет в виду «общее чувство» Аристотелевой и стоической психологии: чувство, которое коррелирует впечатления, получаемые от органов чувств. Бл. Августин идет дальше своих предшественников, приписывая этому чувству не только коррелирование внешних впечатлений, но и сознание себя как субъекта, получающего и коррелирующего эти впечатления. «Считаю очевидным, что это внутреннее чувство не только воспринимает то, что получено от пяти внешних чувств, но и чувствует, что они воспринимаются им» («О свободной воле», 2, 4,10).

⁷⁶ «Увидя прекрасное в телах, не следует к ним устремляться, но знать, что они подобия, следы и тени: надо бежать к тому, подобием кого они являются» (Плотин. Эннеады. 1, 6, 8).

Книга вторая

I

1. Я хочу вспомнить прошлые мерзости свои и плотскую испорченность души моей не потому, что я люблю их, но чтобы возлюбить Тебя, Боже мой. Из любви к любви Твоей делаю я это, в горькой печали воспоминания перебираю преступные пути свои. Обрадуй меня, Господи, Радость неложная, Радость счастья и безмятежности, собери меня, в рассеянии и раздробленности своей отвратившегося от Тебя, Единого, и потерявшегося во многом⁷⁷. Когда-то в юности горело сердце мое насытиться адом, не убоялась душа моя густо зарости бурьяном темной любви, истаяла красота моя, и стал я гнилью пред очами Твоими, – нравясь себе и желая нравиться очам людским.

II

2. Что же доставляло мне наслаждение, как не любить и быть любимым? Только душа моя, тянувшаяся к другой душе, не умела соблюсти меру, остановясь на светлом рубеже дружбы; туман поднимался из болота плотских желаний и бившей ключом возмужалости, затуманивал и помрачал сердце мое, и за мглою похоти уже не различался ясный свет привязанности. Обе кипели, сливаясь вместе, увлекали неокрепшего юношу по крутизнам страстей и погружали его в бездну пороков.

Возобладал надо мною гнев Твой, а я и не знал этого. Оглух я от звона цепи, наложенной смертностью моей, наказанием за гордость души моей⁷⁸. Я уходил всё дальше от Тебя, и Ты позволял это; я метался, растрчивал себя, разбрасывался, кипел в распутстве своем, и Ты молчал. О, поздняя Радость моя!⁷⁹ Ты молчал тогда, и я уходил всё дальше и дальше от Тебя, в гордости падения и беспокойной усталости выращивая богатый посев бесплодных печалей.

3. Кто упорядочил бы скорбь мою, обратил бы мне на пользу ускользящую прелесть всякой новизны, поставил бы предел моим увлечениям? Пусть бы о берег супружеской жизни⁸⁰ разбила буря моего возраста, и если уж не может в нем быть покоя, пусть бы удовлетворился я рождением детей, согласно предписаниям закона твоего, Господи! Ты создаешь потомство нам, смертным, и можешь ласковой рукой обломать острые колючки, которые не растут в раю Твоем⁸¹. Недалеко от нас всемогущество Твое, даже если мы далеко от Тебя. Если бы внимательнее прислушался я к голосу облаков⁸² Твоих: «Будут иметь скорби по плоти, и Я избавлю вас от них»⁸³ и «хорошо человеку не касаться женщины»⁸⁴, и «неженатый заботится о Господ-

⁷⁷ Плотин пояснял необходимость единого начала примером из мира материального: тела, разделенные на множество частей, теряют свой характер (Энн. 6, 9, 1). «Душе, ушедшей от себя, нанесет удары некая огромность, и душу мучит подлинная нищета, ибо по природе своей вынуждена она искать всюду единое, а множественность этого не позволяет» (Августин Бл. «О порядке», 1, 2).

⁷⁸ «Смертностью моей» моим смертным телом (употребление абстрактного понятия вместо конкретного часто у Бл. Августина). Желания этого тела оглушили юношу, и это было наказанием за гордость, выразившуюся в стремлении быть независимым от Бога.

⁷⁹ Ср. «Исповедь», X, 38: «Поздно полюбил я Тебя...»

⁸⁰ Бл. Августин, считавший для себя безбрачие обязательным условием отказа от прежней жизни, не требовал его от других и относительно высоко ставил брак (см.: «О благе брака»).

⁸¹ Бог, изгоняя Адама из рая, сказал ему: «Тернии и волчцы произрастят тебе земля» (Быт. 3:18).

⁸² Под «голосом облаков» Бл. Августин понимает Писание: «...из облаков», т. е. из пророческих и апостольских писаний. «Правильно называть их облаками, потому что слова эти с шумом проходят по воздуху, и окутанные вдобавок аллегориями, как туманом, напоминают облака» («На кн. Бытия»; «Против манихеев»; «О „Бытии“ против манихеев», 2, 3, 5).

⁸³ 1 Кор. 7:28: «Скорбь же плоти имети будут таковы и: аз же вы щажду».

нем, как угодить Господу, а женатый заботится о мирском, как угодить жене». К этим словам внимательнее бы прислушаться! Оскопленный ради Царства Небесного, я, счастливый, ожидал бы объятий Твоих.

4. Страсти кипели во мне, несчастном; увлеченный их бурным потоком, я оставил Тебя, я преступил все законы Твои и не ушел от бича Твоего; а кто из смертных ушел? Ты всегда около, милосердный в жестокости, посылавший горьким-горьким разочарованием все недозволенные радости мои, – да ищу радость, не знающую разочарования. Только в Тебе и мог бы я найти ее, только в Тебе, Господи, Который создаешь печаль в поучение, поражаешь, чтобы излечить⁸⁵, убиваешь, чтобы мы не умерли без Тебя.

Где был я? Как далеко скитался от счастливого дома Твоего в этом шестнадцатилетнем возрасте моей плоти, когда надо мною подъяла скипетр свой целиком меня покорившая безумная похоть, людским неблагообразием дозволенная, законами Твоими неразрешенная. Мои близкие не позаботились подхватить меня, падающего, и оженить; их заботило только, чтобы я выучился как можно лучше говорить и убеждать своей речью.

III

5. На этот год занятия мои, впрочем, были прерваны: я вернулся из Мадавры⁸⁶, соседнего города, куда было переехал для изучения литературы и ораторского искусства; копили деньги для более далекой поездки в Карфаген, которой требовало отцовское честолюбие и не позволяли его средства: был он в Тагасте человеком довольно бедным. Кому рассказываю я это? Не Тебе, Господи, но перед Тобою рассказываю семье моей, семье людской, как бы ничтожно ни было число тех, кому попадет в руки эта книга. И зачем? Конечно, чтобы я и всякий читающий подумали, «из какой бездны приходится взывать к Тебе»⁸⁷. А что ближе ушей Твоих к сердцу, которое исповедуется Тебе и живет по вере Твоей?

Кто не превозносил тогда похвалами моего земного отца за то, что он тратился на сына сверх своих средств, предоставляя ему даже возможность далеко уехать ради учения. Очень многие, гораздо более состоятельные горожане, не делали для детей своих ничего подобного. И в то же время этот отец не обращал никакого внимания, каким расту я перед Тобою и пребываю ли в целомудрии, – лишь бы только в красноречии был я прославлен, вернее, оставлен попечением Твоим, Господи, единственный, настоящий и добрый хозяин нивы Твоей, моего сердца.

6. В шестнадцатилетнем возрасте своем, прервав по домашним обстоятельствам школьные занятия, жил я вместе с родителями на досуге, ничего не делая, и колючая чаша моих похотей разрослась выше головы моей; не было руки выкорчевать ее. Наоборот, когда отец мой увидел в бане, что я мужаю, что я уже в одежде юношеской тревоги, он радостно сообщил об этом матери, словно уже мечтал о будущих внуках, радуясь опьянению, в котором этот мир забывает Тебя, Создателя своего, и вместо Тебя любит творение Твое, упиваясь невидимым вином извращенной, клонящейся вниз воли. В сердце матери моей, однако, Ты основал храм Свой и положил основание снятой обители Твоей; отец мой был только оглашенным, и то с недавних пор. Она же была вне себя от благочестивого волнения и страха: хотя я еще не был окрещен, но она боялась для меня кривых путей, по которым ходят те, кто поворачивается к Тебе спиной, а не лицом.

---

⁸⁴ 1 Кор. 7.

⁸⁵ Втор. 32:39: «...нет Бога, кроме Меня: Я умерщвляю и оживляю, Я поражаю и Я исцеляю».

⁸⁶ Город в Нумидии, в 24 км к югу от Тагасты (нын. Сук-Ахрас), родного города Августина, теперь Нидаурух. Отец Августина, по словам Посидия, его биографа, был членом городской думы (декурионом). Августин говорит, что он владел «малым числом земельных участков» («Письма»).

⁸⁷ Пс. 129:1–2.

7. Горе мне! И я осмеливаюсь говорить, что Ты молчал, Господи, когда я уходил от Тебя! Разве так молчат?! Кому, как не Тебе принадлежали слова, которые через мою мать, верную служанку Твою, твердил Ты мне в уши? Ни одно из них не дошло до сердца моего, ни одного из них я не послушался. Мать моя хотела, чтобы я не распутничал, и особенно боялась связи с замужней женщиной, – я помню, с каким беспокойством уговаривала она меня наедине. Это казалось мне женскими уговорами; мне стыдно было их слушаться. А на самом деле они были Твоими, но я не знал этого и думал, что Ты молчишь, а говорит моя мать. Ты через нее обращался ко мне, и в ней презрел я Тебя, я, ее сын, «сын служанки Твоей, раб Твой»⁸⁸. Я не знал этого, и стремглав катился вниз, ослепленный настолько, что мне стыдно было перед сверстниками своей малой порочности. Я слушал их хвастовство своими преступлениями; чем они были мерзее, тем больше они хвастались собой. Мне и распутничать нравилось не только из любви к распутству, но и из тщеславия. Не порок ли заслуживает порицания? А я, боясь порицания, становился порочнее, и если не было проступка, в котором мог бы я сравниться с другими негодяями, то я сочинял, что мною сделано то, чего я в действительности не делал, лишь бы меня не презирали за мою невинность и не ставили бы ни в грош за мое целомудрие.

8. Вот с какими товарищами разгуливал я по площадям «Вавилона»⁸⁹ и валялся в его грязи, словно в кинамоне и драгоценных благоуханиях. И чтобы я крепче завяз в самой трясине его, втаптывал меня туда невидимый враг, не прекращая соблазнов своих. А меня легко было соблазнить. И та, которая уже «бежала из середины Вавилона»⁹⁰ и медленно шла по окраинам его, моя мать по плоти, уговаривавшая меня соблюдать чистоту, не позаботилась, однако, обуздать супружеской привязанностью то, о чем услышала от мужа, если уж нельзя было вырезать это до живого мяса. А губительность этого в те дни и опасность в дальнейшем она понимала. Она не позаботилась о моей женитьбе из боязни, как бы брачные колодки не помешали осуществиться надеждам, – не тем надеждам на будущую жизнь, возлагаемым на Тебя матерью, – но надеждам на успехи в науках, изучить которые я должен был по горячему желанию и отца, и матери: отец хотел этого потому, что о Тебе у него почти не было мыслей, а обо мне были пустые; мать же считала, что эти занятия в будущем не только не принесут мне вреда, но до некоторой степени и помогут найти Тебя. Так я догадываюсь, раздумывая по мере сил над характером моих родителей. Мне даже предоставили в моих забавах большую свободу, чем это требовалось разумной строгостью, и я без удержу предался различным страстям, которые мглою своею закрывали от меня, Господи, сияние истины Твоей, и возросла, словно на тучной земле, неправда моя⁹¹.

IV

9. Воровство, конечно, наказывается по закону Твоему, Господи, и по закону, написанному в человеческом сердце⁹², который сама неправда уничтожить не может. Найдется ли вор, который спокойно терпел бы вора? И богат не терпит человека, принужденного к воровству нищетой. Я же захотел совершить воровство, и я совершил его, толкаемый не бедностью или голодом, а от отвращения к справедливости и от объедения грехом. Я украл то, что у меня

⁸⁸ Пс. 115:7.

⁸⁹ Символическое обозначение места разгула и непотребства. Тагаста стала таким «Вавилоном» для юного Августина.

⁹⁰ Иер. 51:6: «Бегите из среды Вавилона».

⁹¹ Принято, вслед за Раумером, *adeps* – в смысле «тучная земля».

⁹² Об этом «законе в сердце» красноречиво говорят и Цицерон (О Государстве, III, 22, 33) и апостол Павел: «...когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их...» (Рим. 2:14–15). Закон этот, по мнению Бл. Августина, может быть затемнен, но никогда полностью не исчезнет.

имелось в изобилии и притом было гораздо лучше: я хотел насладиться не тем, что стремился уворовать, а самим воровством и грехом.

По соседству с нашим виноградником стояла груша, отягощенная плодами, ничуть не соблазнительными ни по виду, ни по вкусу. Негодные мальчишки, мы отправились отрясти ее и забрать свою добычу в глухую полночь; по губительному обычаю наши уличные забавы затягивались до этого времени. Мы унесли оттуда огромную ношу не для еды себе (если даже кое-что и съели); и мы готовы были выбросить ее хоть свиньям, лишь бы совершить поступок, который тем был приятен, что был запрещен. Вот сердце мое, Господи, вот сердце мое, над которым Ты сжалился, когда оно было на дне бездны. Пусть скажет Тебе сейчас сердце мое, зачем оно искало быть злым безо всякой цели. Причиной моей испорченности была ведь только моя испорченность. Она была гадка, и я любил ее; я любил погибель; я любил падение свое; не то, что побуждало меня к падению; самое падение свое любил я, гнусная душа, скатившаяся из крепости Твоей в погибель, ищущая желанного не путем порока, но ищущая самый порок.

V

10. Есть своя прелесть в красивых предметах, в золоте, серебре и прочем; только взаимная приязнь делает приятным телесное прикосновение; каждому чувству говорят воспринимаемые им особенности предметов⁹³. В земных почестях, в праве распоряжаться и стоять во главе есть своя красота; она заставляет и раба жадно стремиться к свободе⁹⁴. Нельзя, однако, в погоне за всем этим отходить от Тебя, Господи, и удаляться от закона Твоего. Жизнь, которой мы живем здесь, имеет свое очарование: в ней есть некое свое благолепие, соответствующее всей земной красоте. Сладостна людская дружба, связывающая милыми узами многих в одно. Ради всего этого человек и позволяет себе грешить и в неумеренной склонности к таким, низшим, благам⁹⁵ покидает Лучшее и Наивысшее, Тебя, Господи Боже наш, правду Твою и закон Твой. В этих низших радостях есть своя услада, но не такая, как в Боге моем, Который создал всё, ибо «в Нем наслаждается праведник, и Сам Он наслаждение для праведных сердцем»⁹⁶.

11. Итак, когда спрашивают, по какой причине совершено преступление, то обычно она представляется вероятной только в том случае, если можно обнаружить или стремление достичь какое-либо из тех благ, которые мы назвали низшими, или же страх перед их потерей. Они прекрасны и почетны, хотя по сравнению с высшими, счастливыми человека, презренны и низменны. Он убил человека. Почему? Он влюбился в его жену или ему понравилось его имение; он хотел его ограбить, чтобы на это жить; он боялся, что тот нанесет ему крупные потери; он был обижен и горел желанием отомстить. Разве совершил бы человек убийство без причины, из наслаждения самим убийством? Кто этому поверит? Даже для того жестокого безумца, о котором сказано, что он был зол и жесток просто так себе, без всяких оснований, приведена причина: «Рука и душа не должны становиться вялыми от бездействия»⁹⁷. В чем

⁹³ Глазам, например, красота, обонянию – запах, осязанию – мягкость или твердость и т. п.

⁹⁴ Лабриолль и Трабукко – оба переводят *vindictae aviditas*: «жажда мести». Вряд ли можно с ними согласиться: Бл. Августин говорит о мирских благах, пусть низших, но пользование которыми в определенных границах законно. Мечь – это «отход от закона Твоего, Господи», и ей нет места среди законных благ. Следуя Раумеру, здесь принято значение *vindicta* как палочки, которой магистрат должен был коснуться освобождаемого раба. Мечты раба о свободе ничуть не противоречат Божию закону.

⁹⁵ В метафизике и антропологии Бл. Августина большое значение имеет теория трех степеней добра: первая, высшая: *summum bonum* – Бог, средняя: воля *media vis*, *medium bonum* («О свободной воле», 2, 19, 52), низшая: временные блага. Эта «вертикаль» построена на фундаменте этическом: воля, способность активная, по природе своей «обоюдоостра»; она может слушаться Бога, стать сама себе законом или подчиняться существам низшим. Если она устремлена к Богу, она здорова и заслуживает имени *voluntas* (иначе это *cupiditas*); если она повинует себе, ее отбрасывает вниз, к временному и преходящему.

⁹⁶ Пс. 63:11.

⁹⁷ Саллюстий. «Заговор Катилины», 16, 3, где приведены эти слова Катилины. Саллюстий в течение II–V вв. по Р.Х. был одним из любимейших писателей в африканских школах. Бл. Августин часто и с уважением упоминает его в «Граде Божием».

дело? Почему? Чтобы, совершая преступление за преступлением, получить по взятии города почести, власть, богатство; чтобы не бояться законов и не жить в затруднительных обстоятельствах, нуждаясь и сознавая свои преступления. Сам Катилина, следовательно, не любил преступлений своих и, во всяком случае, совершал их ради чего-то.

VI

12. Что же было мне, несчастному, мило в тебе, воровство мое, ночное преступление мое, совершенное в шестнадцатилетнем возрасте? Ты не было прекрасно, будучи воровством; представляешь ли ты вообще нечто, о чем стоило бы говорить с Тобой? Прекрасны были те плоды, которые мы украли, потому что они были Твоим созданием, прекраснейший из всех, Творец всего, благий Господи, Ты, высшее благо и истинное благо мое; прекрасны были те плоды, но не их желала жалкая душа моя. У меня в изобилии были лучшие: я сорвал их только затем, чтобы украсть. Сорванное я бросил, отведав одной неправды, которой радостно наслаждался. Если какой из этих плодов я и положил себе в рот, то приправой к нему было преступление. Господи Боже мой, я спрашиваю теперь, что доставляло мне удовольствие в этом воровстве? В нем нет никакой привлекательности, не говоря уже о той, какая есть в справедливости и благоразумии, какая есть в человеческом разуме, в памяти, чувствах и полной сил жизни; нет красоты звезд, украшающих места свои; красоты земли и моря, полных созданиями, сменяющимися друг друга в рождении и смерти; в нем нет даже той ущербной и мнимой привлекательности, которая есть в обольщающем пороке.

13. И гордость ведь прикидывается высотой души, хотя Ты один возвышаешься над всеми, Господи. Разве честолюбие не ищет почестей и славы? Но Тебя одного надлежит почитать больше всех и славить вовеки. И жестокая власть хочет внушить страх, – но кого следует бояться, кроме одного Бога? Что можно вырвать или спрятать от Его власти? Когда, где, каким образом, с чьей помощью? И нежность влюбленного ищет ответной любви, – но нет ничего нежнее Твоего милосердия, и нет любви спасительнее, чем любовь к правде Твоей, которая прекраснее и светлее всего в мире. И любознательность, по-видимому, усердно ищет знания, – но Ты один обладаешь полнотой его. Даже невежество и глупость прикрываются именами простоты и невинности, – но ведь ничего нельзя найти проще Тебя. Что невиннее Тебя? – ведь злым на горе обращаются собственные дела их⁹⁸. Лень представляется желанием покоя, – но только у Господа верный покой. Роскошь хочет называться удовлетворенностью и достатком. Ты – полнота и неиссякающее изобилие сладости, не знающей ущерба. Расточительность принимает вид щедрости, – но ведь все блага в избытке раздаешь Ты. Скупость хочет владеть многим; Ты владеешь всем. Зависть ведет тяжбу за превосходство, – что превосходит Тебя? Гнев ищет мести, – кто отомстит справедливее Тебя? Страх, боясь необычной и внезапной беды, заранее старается обеспечить безопасность тому, что любит. Что для Тебя необычно? Что внезапно? Кто сможет отнять от Тебя то, что Ты любишь? И где, кроме Тебя, полная безопасность? Люди убиваются в печали, потеряв то, чем наслаждались их жадность, которая не хочет ничего терять, – но только от Тебя нельзя ничего отнять⁹⁹.

14. Так блудит душа, отвратившаяся от Тебя и вне Тебя ищущая то, что найдет чистым и беспримесным только вернувшись к Тебе. Все, кто удаляются от Тебя и поднимаются против

⁹⁸ «...придет праведный суд. Псалмопевец дает нам понять, что наказание каждому человеку вытекает из его греха: его неправда обращается ему в казнь. Нельзя думать, что Бог в Своем покое и несказанном Свете выискивает у Себя, чем наказать за грехи; нет, он сообщил такую природу греху, что то, чем услаждается человек, творящий грех, становится у Бога наказующим орудием наказания» («На Псалмы», 7, 16–17); «Рыл ров и выкопал его и упал в яму, которую приготовил. Злоба его обратится на его голову, и злодейство его упадет на его темя».

⁹⁹ Всякий грех – это некое соперничество с Богом, неловкое и безуспешное искание благ, которые может дать только Бог и которые нельзя найти без Него. Воровство, совершенное Августином, является с этой точки зрения посягательством на свободу и утверждением собственной воли.

Тебя, уподобляются Тебе в искаженном виде¹⁰⁰. Но даже таким уподоблением они свидетельствуют о том, что Ты Творец всего мира, и поэтому уйти от Тебя вообще некуда.

Итак, что же было мне мило в том воровстве? И в чем искаженно и извращенно уподоблялся я Господу моему? Или мне было приятно хотя бы обмануть закон, раз уж я не мог сокрушить его в открытую, и я, как пленник, создавал себе куцее подобие свободы, безнаказанно занимаясь тем, что было запрещено, теша себя тенью и подобием всемогущества? Вот раб, убегающий от господина своего и настигший тень¹⁰¹. О тлен, о ужас жизни, о глубина смерти! Может ли быть любезно то, что запретно, и только потому, что оно запретно?

VII

15. «Что воздам Господу»¹⁰² из того, что собрала память моя и перед чем не устрашилась бы душа моя? Возлюблю Тебя, Господи, возблагодарю, исповедую Имя Твое, ибо отпустил Ты мне столько злого и преступного! По милости Твоей и по милосердию Твоему растопил Ты грехи мои, как лед. По милости Твоей Ты не допустил меня совершить некоторых злодеяний, – а чего бы я не наделал, я, бескорыстно любивший преступление? И я свидетельствую, что всё отпущено мне: и то зло, которое совершил я по своей воле, и то, которого не совершил, руководимый Тобою. Кто из людей, раздумывая над своей немощью, осмелится приписать свое целомудрие и невинность собственным силам и станет меньше любить Тебя? – будто ему не нужно Твоего милосердия, по которому отпускаешь Ты грехи обратившимся к Тебе?¹⁰³ И пусть человек, которого Ты призвал и который, последовав за голосом Твоим, избежал того, о чем он прочтет в моих воспоминаниях и в моих признаниях, не смеется надо мною: меня ведь, больного, вылечил Тот Врач, Который не дал ему захворать или, вернее, не дал захворать так сильно. Пусть за это он возлюбит Тебя в такой же мере, нет, даже больше. Ибо он увидит, Кто избавил меня от таких недугов греха, и увидит, что это Тот же, благодаря Которому он не запугался в таких же недугах греха.

VIII

16. Что извлек я, несчастный, из того, вспоминая о чем, я сейчас краснею, особенно из того воровства, в котором мне было мило само воровство и ничто другое? Да и само по себе оно было ничто, а я от этого самого был еще более жалок. И однако, насколько я помню мое тогдашнее состояние духа, я один не совершил бы его; один я никак не совершил бы его. Следовательно, я любил здесь еще сообщество тех, с кем воровал. Я любил, следовательно, кроме воровства еще нечто, но и это нечто было ничем. Что же на самом деле? Кто научит меня, кроме Того, Кто просвещает сердце мое и рассеивает тени его? Зачем приходит мне в голову спрашивать, обсуждать и раздумывать? Ведь если бы мне нравились те плоды, которые я украл, и мне хотелось бы ими наесться, если бы мне достаточно было совершить это незаконное ради собственного наслаждения, то я мог бы действовать один. Нечего было разжигать зуд собственного желания, расчесывая его о соучастников. Наслаждение, однако, было для меня не в тех плодах; оно было в самом преступлении и создавалось сообществом вместе грешивших.

---

¹⁰⁰ «Душа в своих грехах в гордой, извращенной и, так сказать, рабской свободе стремится уподобиться Богу. Так и прародителей наших оказалось возможным склонить на грех только словами: „Будете, как боги“» («О Троице»).

¹⁰¹ Umbra – «тень»; adumbrare – о несовершенном подражании, – обезьянничанье. По Платону, все неизбежно тянется подражать Богу. Дьявол подражает Богу, как подражает человеку обезьяна.

¹⁰² Пс. 115:3.

¹⁰³ «Не смей любить (Бога) меньше потому будто, что ты мало в чем виноват: люби Его еще больше за то, что тебе много дано. Если любят за то, что давший не требует возврата, то насколько больше надо любить Давшего тебе что-то в полное владение. Тот, кто с самого начала пребывает в целомудрии, Им наставлен; кто стал из развратника целомудренным, Им исправлен; кто до конца остается развратным, Им покинут» (О св. Девственности, 42).

IX

17. Что это было за состояние души? Конечно, оно было очень гнусно, и горе мне было, что я переживал его. Что же это, однако, было? «Кто понимает преступления?»¹⁰⁴ Мы смеялись, словно от щекотки по сердцу, потому что обманывали тех, кто и не подумал бы, что мы можем воровать, и горячо этому бы воспротивился. Почему же я наслаждался тем, что действовал не один? Потому ли, что наедине человек не легко смеется? Не легко, это верно, и однако, иногда смех овладевает людьми в полном одиночестве, когда никого другого нет, если им представится или вспомнится что-нибудь очень смешное. А я один не сделал бы этого, никак не сделал бы один. Вот, Господи, перед Тобой живо припоминаю я состояние свое. Один бы я не совершил этого воровства, в котором мне нравилось не украденное, а само воровство; одному воровать мне бы не понравилось, я бы не стал воровать¹⁰⁵. О, вражеская дружба, неуловимый разврат ума, жажда вредить на смех и в забаву! Стремление к чужому убытку без погони за собственной выгодой, без всякой жажды отомстить, а просто потому, что говорят: «пойдем, сделаем», и стыдно не быть бесстыдным.

X

18. Кто разберется в этих запутанных извивах? Они гадки: я не хочу останавливаться на них, не хочу их видеть. Я хочу Тебя, Справедливость и Невинность, прекрасная честным Светом Своим, насыщающая без пресыщения. У Тебя великий покой и жизнь безмятежная. Кто входит в Тебя, входит в «радость господина своего»¹⁰⁶ и не убоится, и будет жить счастливо в полноте блага. Я в юности отпал от Тебя, Господи, я скитался вдали от твердыни Твоей и сам стал для себя областью нищеты¹⁰⁷.

---

¹⁰⁴ Пс. 18:13. –?

¹⁰⁵ Бл. Августин поставил вопрос о коллективной психологии, о психологии толпы. Он живо его интересовал, и он к нему неоднократно возвращался.

¹⁰⁶ Мф. 25:21.

¹⁰⁷ Новая контаминация евангельской притчи о блудном сыне и любимой теме неоплатоников о нищете души, отвратившейся от Бога. «Душа, которая поворачивается к материи, страдает и нищенствует, лишается своей силы. Но если она вернется к Разуму, она получит полноту и обретет вновь свою целостность» (Порфирий. «Начала», 37, 32:2–34:3).

Книга третья

I

1. Я прибыл в Карфаген; кругом меня котлом кипела позорная любовь¹⁰⁸. Я еще не любил, но жаждал любить и в тайной нужде своей ненавидел себя за то, что еще не так нуждаюсь. Я искал, что бы мне полюбить, любя любовь: я ненавидел спокойствие и дорогу без ловушек¹⁰⁹. Внутри у меня был голод по внутренней пище, по Тебе Самом, Боже мой, но не этим голодом я томился, у меня не было желания нетленной пищи не потому, что я был сыт ею: чем больше я голодал, тем больше ею брезгал.

Поэтому не было здоровья в душе моей: вся в язвах, бросилась она во внешнее, жадно стремясь почесаться, жалкая, о существа чувственные. Но если бы в них не было души, их, конечно, нельзя было бы полюбить.

Любить и быть любимым мне сладостнее, если я мог овладеть возлюбленной. Я мучил источник дружбы грязью похоти; я туманил ее блеск адским дыханием желания. Гадкий и бесчестный, в безмерной суетности своей я жадно хотел быть изысканным и светским. Я ринулся в любовь, я жаждал ей отдаться. Боже мой милостивый, какой желчью поливал Ты мне, в благодати Твоей, эту сладость. Я был любим, я тайком пробирался в тюрьму наслаждения, весело надевал на себя путы горестей, чтобы секли меня своими раскаленными железными розгами ревность, подозрения, страхи, гнев и ссоры.

II

2. Меня увлекали театральные зрелища, они были полны изображениями моих несчастий и служили разжигой моему огню. Почему человек хочет печалиться при виде горестных и трагических событий, испытать которые он сам отнюдь не желает? И тем не менее он, как зритель, хочет испытывать печаль, и сама эта печаль для него наслаждение. Удивительное безумие! Человек тем больше волнуется в театре, чем меньше он сам застрахован от подобных переживаний, но когда он мучится сам за себя, это называется обычно страданием; когда мучится вместе с другими – состраданием. Но как можно сострадать вымыслам на сцене? Слушателя ведь не зовут на помощь; его приглашают только печалиться, и он тем благосклоннее к автору этих вымыслов, чем больше печалится. И если старинные или вымышленные бедствия представлены так, что зритель не испытывает печали, то он уходит, зевая и бранясь; если же его заставили печалиться, то он сидит, поглощенный зрелищем, и радуется.

3. Слезы, следовательно, и печали любезны? Каждый человек, конечно, хочет радоваться. Страдать никому не хочется, но хочется быть сострадательным, а так как нельзя сострадать,

---

¹⁰⁸ Карфаген уже во времена Страбона был самым цветущим городом Ливии (Страбон, 833). Геродиан, писавший в середине III в. по Р.Х., говорит, что он уступает в богатстве и населенности только Риму и оспаривает у Александрии ее право на второе место после Рима (История, 7, 6). Христианство рано там утвердилось, но и язычество было очень сильно. См.: «О граде Божиим», 2, 4; 7, 26. *Veni Carthaginem et circumstrepebat me... sartago... Sartago* – «сковородка» взята ради ассонанса: *sartago* – *Carthago*, ассонансы были во вкусе риторской школы.

¹⁰⁹ Бл. Августин был тонким наблюдателем душевных состояний человека, умел характеризовать и анализировать их. Свои юношеские переживания он описывает в свете уже своего позднейшего опыта, христианского и философского: а) «жаждал любить» – замечательное по силе и краткости описание душевного состояния; б) «в тайной нужде»: *et secretiore indigentia...* Фраза трудная. Бл. Августин хочет любви («жаждал любить»), но (по его мнению) он не прилагает достаточных усилий, чтобы утолить эту жажду, и за это корит себя. Может быть, он имеет в виду тот душевный голод, о котором говорит дальше; в) «ненавидел себя»: чувство глубокой неудовлетворенности; г) «я ненавидел спокойствие...», т. е. ясность, покой христианской жизни или, по крайней мере, спокойную, чистую дружбу; д) «Дорогу без ловушек» (букв. без «мышеловок»), т. е. жизнь, не знающую порочной любви и ее тревог.

не печалюсь, то не это ли и есть единственная причина, почему печаль любезна? Сострадание вытекает из источника дружбы¹¹⁰. Но куда он идет? Куда течет? Зачем впадает он в поток кипящей смолы, в свирепый водоворот черных страстей, где сам, по собственному выбору, меняется, утрачивает свою небесную ясность, забывает о ней. Итак, прочь сострадание? Ни в коем случае! да будут печали иногда любезны. Берегись, однако, скверны, душа моя, ты, находящаяся под покровом Бога отцов наших, достохвального и превозносимого во все века¹¹¹; берегись скверны.

И теперь я доступен состраданию, но тогда, в театре, я радовался вместе с влюбленными, когда они наслаждались в позоре, хотя всё это было только вымыслом и театральной игрой. Когда же они теряли друг друга, я огорчился вместе с ними, как бы сострадав им, и в обоих случаях наслаждался, однако¹¹². Теперь я больше жалею человека, радующегося на позор себе, чем того, кто вообразил, что жестоко страдает, лишившись губительного наслаждения и утратив жалкое счастье. Это, конечно, настоящее сострадание, но при нем печаль не доставляет удовольствия. Хотя человека, опечаленного чужим несчастьем, одобряют за эту службу любви, но, по-настоящему милосердный, он предпочел бы не иметь причины для своей печали. Если существует зложелательная благожелательность – что невозможно, – тогда и человек, исполненный искреннего и настоящего сострадания, мог бы пожелать, чтобы были страдальцы, которым бы он сострадал. Бывает, следовательно, скорбь, заслуживающая одобрения; нет ни одной заслуживающей любви. Господи Боже, любящий души, Твое сострадание неизмеримо чище нашего и неизменнее именно потому, что никакая печаль не может уязвить Тебя. «А кто способен к этому»?¹¹³

4. Но я тогда, несчастный, любил печалиться и искал поводов для печали: игра актера, изображавшего на подмостках чужое, вымышленное горе, больше мне нравилась и сильнее меня захватывала, если вызывала слезы. Что же удивительного, если я, несчастная овца¹¹⁴, отбившаяся от Твоего стада, не терпевшая охраны Твоей, опаршивел мерзкой паршой? Потому-то и была мила мне печаль, – не та, которая проникает до глубины души: мне ведь не нравилось терпеть то, на что я любил смотреть – рассказ о вымышленных страданиях как бы скреб мою кожу, и как от расчесывания ногтями, начиналось воспаление и отвратительная гнойная опухоль.

Такова была жизнь моя, Господи: жизнью ли была она?

III

5. И надо мною, окружая меня, витало далекое и верное милосердие Твое. Гноем какой неправды не был я покрыт! Кошунственным было любопытство мое: покинул я Тебя и дошел до бездны неверности, до обманчивого угождения демонам, в жертву которым приносил злые дела свои. И за каждое из них бичевал Ты меня!¹¹⁵

¹¹⁰ Риторская школа считала своей прямой задачей подготовку учеников к деятельности судебного оратора. Одним из важнейших приемов, которым надлежало обучить будущего адвоката, было умение вызвать у судей сострадание к своему подзащитному. О сострадании рассуждали уже со времен Аристотеля («Риторика», VI. 1449 b 28; 1450 a 12), ср.: Циц., «Об ораторе», II. 188-196. Бл. Августина интересовала самая сущность сострадания.

¹¹¹ Дан. 3:52.

¹¹² Театр в Карфагене в IV в. по Р.Х. процветал. Из слов Бл. Августина можно заключить, что в театральный репертуар входили преимущественно произведения авторов «новой комедии» (Плавт, Теренций), где действие чаще всего вращается вокруг бедствий влюбленной пары, завершающихся обычно счастливым концом.

¹¹³ 2 Кор. 2:16.

¹¹⁴ Бл. Августин вспомнил Вергилия: «Буколики», 3, 3.

¹¹⁵ Характеристика, которую дает себе Бл. Августин, не подтверждается свидетельством Винцентия, одного из его противников-донатистов, епископа в Картене, знавшего Бл. Августина в его студенческие годы («Письма» *obsequia; circum – ventoria* впервые это слово встречается здесь. Прил. на -*ogius* от *nomina agentia* на -*og* чрезвычайно часты в поздней латыни).

Я осмелился даже во время совершения службы Твоей в церковных стенах гореть желанием и улаживать дело, верным доходом с которого была смерть: за это поразил Ты меня тяжелым наказанием, но оно было ничем сравнительно с виною моей. О ты, великий в милосердии своем, Господь мой, прибежище мое от грозных опасностей, среди которых бродил я, в гордой самоуверенности далеко уходя от Тебя; я любил пути свои, а не Твои, любил свободу, свободу беглого раба¹¹⁶.

6. Тянули меня к себе и те занятия, которые считались почтенными: я мечтал о форуме с его тяжбами, где бы я блистал, а меня осыпали бы похвалами тем больше, чем искуснее я лгал. Такова слепота человеческая: слепотою своею люди хвалятся. Я был первым в риторской школе: был полон горделивой радости и дут спесью. Вел я себя, правда, гораздо спокойнее. Господи, Ты знаешь это, и вообще не принимал никакого участия в «опрокидываниях», которыми занимались «совратители»¹¹⁷ (это зловещее дьявольское имя служило как бы признаком утонченности). Я жил среди них, постыдно стыдясь, что сам не был таким, я бывал с ними, иногда мне было приятно с ними дружить, но поступки их всегда были мне отвратительны. Это было дерзкое преследование честных новичков, которых они сбивали с прямого пути, так себе, забавы ради, в насыщение своей злобной радости. Нет деяния, больше уподобляющегося деяниям дьявольским¹¹⁸. Нельзя было назвать их вернее, чем «совратителями». Сначала они были сами, конечно, совращены и развращены, соблазняемые втайне и осмеянные лживыми духами в самой любви своей к осмеянию и лжи.

IV

7. Живя в такой среде, я в тогдашнем моем неустойчивом возрасте изучал книги по красноречию, желая в целях предосудительных и легкомысленных, на радость человеческому тщеславию стать выдающимся оратором. Следуя установленному порядку обучения, я дошел до книжки какого-то Цицерона¹¹⁹, языку которого удивляются все, а сердцу не так. Книга эта увещевает обратиться к философии и называется «Гортензий»¹²⁰. Эта книга изменила состояние мое, изменила молитвы мои и обратила их к Тебе, Господи, сделала другими прошения и желания мои. Мне вдруг опротивели все пустые надежды; бессмертной мудрости желал я в своем невероятном сердечном смятении и начал вставать, чтобы вернуться к Тебе¹²¹. Не для того, чтобы отточить свой язык (за это, по-видимому, платил я материнскими деньгами в своем

¹¹⁶ Ср. «Исповедь», II, 6.

¹¹⁷ Буквально: «опрокидыватели» – *eversores* – люди, которые «опрокидывали» установленные нравственные понятия.

¹¹⁸ «Что может быть отвратительнее, что больше собирает на человеке гнев в день гнева и праведного суда Божия, как не радость чужой беде, когда человек уподобляется дьяволу?» («Об обучении оглашенных», 11). Падшим ангелам «уподобляются люди, которые радуются чужим несчастиям, смеются и потешаются над ними и желают придать себе цену с помощью „опрокидываний“ и чужих ошибок» («Об истинной религии», 40).

¹¹⁹ Бл. Августин с трудами Цицерона был хорошо знаком. В труде «Против академиков», I, 3, 7, он называет его «наш Цицерон». Вряд ли нашелся бы хоть один человек из современников Бл. Августина, прошедших школу, которым имя Цицерона было неизвестно. «Какого-то Цицерона» объясняли по-разному: 1) Бл. Августин подчеркивал свое презрение к языческой культуре, ставшее обычаем у христианских писателей первых веков христианства; 2) желая отметить вмешательство Провидения, Бл. Августин нарочито умалывает значение человека.

¹²⁰ «Гортензий» был написан весной 45 г. до Р.Х.; Цицерон в философии искал утешения после смерти любимой дочери своей, Туллии. От этой книги дошли до нас только отрывки разной величины; Цицерон взял себе за образец «*Protrepticus*» Аристотеля (H. Diels. *Arch. fur Geschichte d. Philosophie*, 1888, 5. 477–497), от которого тоже дошли одни отрывки. Так же, как и Аристотель, Цицерон утверждал, что мудрость выше богатства, наслаждения, вообще всех временных благ; единственная достойная человека жизнь – это жизнь духа. В «Гортензии» дана была и краткая история философии; имена философов и суть их доктрин (Фалес, Сократ, Демокрит, Аристотель, Феофраст, Посидоний и др.).

¹²¹ Из притчи о блудном сыне: «Встану, пойду к отцу моему...» (Лк. 15:18). «Бессмертная мудрость»: Бл. Августин приводит место из «Гортензия» («О Троице» Цицерон говорит о бессмертии: «Если, как думали самые знаменитые из древних философов, души наши вечны и божественны, то следует полагать, что если эти люди утвердились в своем пути, т. е. в размышлении и страсти к исследованию, то чем меньше соприкасались они с человеческими пороками и заблуждениями, тем легче им было подняться к небу и вернуться туда»).

девятнадцатилетнем возрасте; отец мой умер за два года до этого), не для того, чтобы отточить язык взялся я за эту книгу: она учила меня не тому, как говорить, а тому, что говорить.

8. Как горел я, Господи, как горел я улететь к Тебе от всего земного. Я не понимал, что Ты делаешь со мною. У Тебя ведь мудрость¹²². Любовь к мудрости по-гречески называется философией; эту любовь загло во мне это сочинение.

Есть люди, которые вводят в заблуждение философией, которые прикрашивают и прихорашивают свои ошибки этим великим, ласковыми честным именем; почти все такие философы, современные автору¹²³ и жившие до него, отмечены в этой книге и избличены. Тут явно спасительное предупреждение, сделанное Духом Твоим через Твоего верного и благочестивого раба: «Смотрите, чтобы кто не увлек вас философией и пустыми обольщениями по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу; ибо в Нем обитает вся полнота Божества телесно»¹²⁴.

В то время, Ты знаешь это, Свет моего сердца, мне не были еще известны эти слова апостола, и тем не менее я наслаждался этой книгой¹²⁵ потому, что она увещевала меня любить не ту или другую философскую школу, а самое мудрость, какова бы она ни была; поощряла любить ее, искать, добиваться, овладеть ею и крепко прильнуть к ней. Эта речь загло меня, я весь горел, и мой пыл ослабляло только одно: там не было имени Христа, а это имя по милосердию Твоему, Господи, это имя Спасителя моего, Твоего Сына, впитал я с молоком матери: оно глубоко запало в мое детское сердце, и все произведения, где этого имени не было, пусть художественные, отделанные и полные истины, не захватывали меня целиком.

V

9. Итак, я решил внимательно заняться Священным Писанием и посмотреть, что это такое. И вот я вижу нечто для гордецов непонятное, для детей темное; здание, окутанное тайной, с низким входом; оно становится тем выше, чем дальше ты продвигаешься. Я не был в состоянии ни войти в него, ни наклонить голову, чтобы продвигаться дальше. Эти слова мои не соответствуют тому чувству, которое я испытал, взявшись за Писание: оно показалось мне недостойным даже сравнения с достоинством Цицеронова стиля¹²⁶. Моя кичливость не мирилась с его простотой; мое остроумие не проникало в его сердцевину. Оно обладает как раз свойством раскрываться по мере того как растет ребенок-читатель, но я презирал ребяческое состояние, и надутый спесью, казался себе взрослым.

VI

10. Так и попал я в среду людей, горделиво бредящих, слишком преданных плоти и болтливых. Речи их были сетями дьявольскими, птичьим клеем¹²⁷, состряпанным из смеси сло-

¹²² Иов. 12:13.

¹²³ То есть Цицерону.

¹²⁴ Кол. 2:8–9.

¹²⁵ То есть «Гортензиум».

¹²⁶ То же испытал блаженный Иероним. После чтения классиков стиль пророков показался ему грубым и противным («Письма»).

¹²⁷ «Сети дьявольские» (1 Тим. 3:7; 2 Тим. 2:26). Бл. Августин говорит о манихеях. Обозначение всякого соблазна «птичьим клеем» – метафора весьма обычная у христианских писателей. Августин часто ею пользуется и в «Исповеди», и в других сочинениях (P. Courcelle. La colle et le clou de l'âme. Revue Belge de Philologie et d'histoire, 1958, № 1, p. 72–95). Августин так объяснял причину своего присоединения к манихеям: «Ты знаешь, Гонарат, что я попал к этим людям, потому что они обещали всякого, кто пожелает их слушать, привести к Богу и освободить от всех заблуждений, ибо они руководствуются простым, чистым разумом, отказавшись от грозного авторитета (Церкви). Что иное заставляло меня, презрев религию, внушенную мне с детства родителями, почти девять лет идти за этими людьми и внимательно их слушать, как не их утверждения: мы (т. е. христиане) запуганы суевериями, нам приказывают верить, а не рассуждать, они же никого не принуждают к вере,

гов, составляющих имена: Твое, Господа Иисуса Христа и Параклета, Утешителя нашего, Духа Святого¹²⁸. Эти имена не сходили у них с языка, оставаясь только словесным звоном и шумом: истина не жила у них в сердце. Они твердили: «истина, истина» и много твердили мне о ней, но ее нигде у них не было. Они ложно учили не только о Тебе, который есть воистину Истина, но и об элементах мира, созданного Тобой; а мне следовало бы забросить даже тех философов, которые говорят об этом правильно, из любви к Тебе, Отец мой, высшее благо, краса всего прекрасного¹²⁹.

О Истина, Истина! из самой глубины души своей, уже тогда я вздыхал по Тебе, и они постоянно звонили мне о Тебе, на разные лады, в словах, остававшихся только словами, и в грудах толстых книг! Это были блюда, в которых мне, алчущему Тебя, подносили вместо Тебя солнце и луну¹³⁰, прекрасные создания Твои, но только создания Твои, не Тебя Самого, и даже не первые создания Твои, – первенство принадлежит духовным созданиям Твоим, а не этим телесным, хотя они и светлы и находятся на небе.

Я алкал и жаждал, однако, и не их, первенствующих, а Тебя Самого, Истина, в которой «нет изменения, и ни тени перемены»¹³¹. Передо мною продолжали ставить эти блюда со сверкающими призраками¹³²; лучше было, конечно, любить это солнце, существующее в действительности для нашего глаза, чем эти выдумки для души, обманутой глазами. И, однако, я ел эту пищу, думал, что Ты здесь: без удовольствия, правда, потому что я не чувствовал у себя на языке подлинного вкуса Твоего: Тебя не было в этих пустых измышлениях, и я от них не насыщался, а больше истощался. Еда во сне совершенно напоминает еду, которую ешь, бодрствуя, но она не питает спящих, потому что они спят. Эти вымыслы ничем не напоминали Тебя, такого, каким я знаю теперь Тебя; это были призраки, те мнимые тела, подлиннее которых эти настоящие тела, которые мы видим нашим плотским зрением как на небе, так и на земле; их видят животные и птицы, и с ними вместе и мы их видим. Они подлиннее, чем образы их, составленные нами¹³³. И опять-таки эти образы подлиннее предположений, которые мы, исходя из них, начинаем строить о других телах, больших и бесконечных, но вообще не существующих. Я питался тогда этими бреднями и не мог напиться¹³⁴.

А Ты, любовь моя, в Котором немощь моя становится силой, Ты – не эти тела, которые мы видим, хотя они и на небе, и не те, которых мы там не видим, ибо Ты создал те и другие и не

не объяснив предварительно истины. Кого не соблазнили бы подобные обещания? а тем более юношу, жаждавшего истины, болтливого гордеца, каким я тогда был». – «О пользе веры», 1, 2; «Я убедил себя, что следует больше доверять тем, кто учит, а не тем, кто приказывает». – «О блаженной жизни», 1, 4.

¹²⁸ Лица манихейской троицы не равны между собой. Вот как характеризует ее один из манихейских главарей: «Отец обитает в первозданной высшей обители света, который Павел иначе называет «неприступным»; Сын – во второй, зримой нами; природа его двойная, и это знал апостол, который называет Христа силой Божией и премудростью Божией (1 Кор. 1:24); мы верим, что сила его пребывает на солнце, а премудрость на луне; мы говорим, что Дух Святой, третий по своему достоинству, имеет пребывание свое повсюду в воздухе; от его силы и духовного излияния земля зачала и родила Христа страждущего (patibilem Iesum): он есть жизнь и спасение людей и висит он на каждом дереве» («Против Фавста», 20, 1 – 2).

¹²⁹ «Все прекрасное ниже Его, но от Него, как дневной свет от солнца» (Плотин. Эннеады, 6, 9, 4).

¹³⁰ Солнце и луна играли важную роль в учении манихеев. Это были небесные корабли, доставлявшие в царство света божественные частицы, освободившиеся из плена материи. И сами эти светила считались божественными. «Они говорят, что эти корабли сделаны из чистой божественной субстанции» («О ереси», 46: свет, зримый нашими глазами, причисляют к высшим божествам» («О блаженной жизни», 4).

¹³¹ Иак. 1:17.

¹³² Phantasma: Бл. Августин объясняет это слово как зрительный образ, произвольно созданный; он противоположен реальному образу, который хранит память: phantasia. Образ отца был для Августина phantasia, а образ деда, которого он никогда не видел, phantasma («О музыке», 6, 11, 32). Августин был первым латинским писателем, употребившим это слово в его философском значении.

¹³³ По памяти, по воспоминанию о том, что мы действительно видели.

¹³⁴ Реальны предметы, которые мы видим; меньше реальности в наших представлениях об этих предметах, и совершенно нереальны предположения, построенные на основании этих представлений.

считаешь их среди высших Твоих созданий¹³⁵. Насколько же Ты далек от тех моих призраков, от тех призрачных тел, которых вообще не существует. Подлиннее их созданные нами образы существующих тел, а подлиннее этих образов сами тела, и однако они – не Ты, и Ты даже не душа, оживляющая тела, которая лучше и подлиннее тел. Ты жизнь душ, жизнь жизни, сама себя животворящая и неизменная, жизнь души моей.

11. Где же был Ты тогда для меня и далеко ли? Я скитался вдали от Тебя, и меня отогнали даже от стручков, которыми я кормил свиней¹³⁶. Насколько басни грамматиков и поэтов лучше, чем эти западни. Поэма в стихах о летящей Медее¹³⁷ принесет, конечно, больше пользы, чем рассказ о пяти элементах, по-разному раскрашенных в виду пяти «пещер мрака»¹³⁸, которые вообще не существуют, но которые губят уверовавшего. Стихи и поэмы я отношу к настоящей пище. Если я декламировал стихи о летящей Медее, то я никого не уверял в истинности самого события; если я слушал такие стихи, я им не верил, а тому я поверил. Горе, горе, по каким ступеням свели меня в бездну адову, потому что, томясь по истине и не находя без нее покоя, я искал Тебя, Боже мой (Тебе исповедуюсь, сжалившемуся надо мной еще тогда, когда я и не думал исповедоваться), я искал Тебя, руководствуясь не разумом, которым Ты захотел отличить меня от зверей, а руководствуясь телесными чувствами. Ты же был во мне глубже глубин моих и выше вершин моих¹³⁹. Я натолкнулся на ту дерзкую и безрассудную женщину из Соломоновой загадки, которая сидела в дверях на кресле и говорила: «Спокойно ешьте утаенный хлеб и пейте краденую вкусную воду». Она соблазнила меня, видя, что я живу во вне, завися от своего плотского зрения, и пережевываю пищу, которую она давала мне глотать¹⁴⁰.

VII

12. Я не знал другого – того, что есть воистину, и меня словно толкало считать остроумием поддакивание глупым обманщикам, когда они спрашивали меня, откуда зло¹⁴¹, ограничен ли Бог телесной формой и есть ли у Него волосы и ногти, можно ли считать праведными тех, которые имели одновременно по несколько жен, убивали людей и приносили в жертву животных¹⁴². В своем невежестве я приходил от таких вопросов в замешательство и, уходя от истины, воображал, что иду прямо к ней. Я не знал еще тогда, что зло есть не что иное, как

¹³⁵ Высшими созданиями являются создания духовные – ангелы. *Conditionibus*: Бл. Августин употребляет это слово в библейском и церковном смысле: «создания» в значении абстрактном (акт творения) и конкретном («это создание»).

¹³⁶ Притча о блудном сыне (Лк. 15:16). Бл. Августин, может быть, намекает на утрату интереса к литературе, которую он сравнивает со стручками. Ср.: Иероним. «Письмо к Дамазу о блудном сыне»: «Можно истолковать «стручки» иначе: пищей демонам служат стихи поэтов, мирская мудрость, пышные речи ритор».

¹³⁷ Медея после убийства детей улетела на колеснице, запряженной крылатыми драконами, из Коринфа в Афины.

¹³⁸ Манихеи делили царство мрака на пять областей или пещер: была пещера Мрака, Дыма, Бурного Ветра, Разрушительного Огня, Вредной Воды.

¹³⁹ Бога надо искать, утверждает Бл. Августин, в самой глубине своего сердца: Бог выше самого высокого в человеке, но Он присутствует даже в сердце грешника.

¹⁴⁰ Притч. 9:13–17. «Загадка» – *aenigma*; «загадкой, говоря кратко, называется «темная Аллегория» («О Троице». Ср. Квинт. 8, 6, 52: «Аллегория более темная называется загадкой». Августин толковал это место Соломоновой притчи символически: «безрассудная женщина» представляет собой человека, живущего во внешнем и материальном.

¹⁴¹ «Ты поднимаешь вопрос, который замучил меня в юности и, усталого, толкнул к еретикам. Я был так расстроен, меня придавила такая груда пустых басен, что, если бы за свою любовь к исканию истины, не получил я Божественной помощи, мне бы не выбраться» («О свободной воле», 1, 2, 4).

¹⁴² Манихеи отвергали Ветхий Завет за антропоморфизм в представлении о Боге; осуждали кровавые жертвоприношения, принятые в еврейском богослужении, и поведение патриархов: Авраам, не возражая, позволил изгнать свою наложницу Агарь и солгал, выдав свою жену за сестру; Иакова они звали «мужем четырех жен»; кроме двух законных жен, Лии и Рахили, у него были еще две рабыни-наложницы. Манихеи были сильны в критике ветхозаветной морали. Возражать им можно было только исходя из принципа исторического развития всякой нравственности и догмы, но такая точка зрения обычно недоступна ни правоверным, ни еретикам. У Бл. Августина было это историческое чутье. Дальнейшее рассуждение замечательно по широте взгляда и проницательности.

умаление добра, доходящего до полного своего исчезновения¹⁴³. Что мог я тут увидеть, если глаза мои не видели ничего дальше тела, а душа дальше призраков? Я не знал тогда, что Бог есть Дух, у Которого нет членов, простирающихся в длину и в ширину, и нет величины: всякая величина в части своей меньше себя, целой, а если она бесконечна, то в некоторой части своей, ограниченной определенным пространством, она меньше бесконечности и не является всюду целой, как Дух, как Бог. А что в нас есть, что делает нас подобными Богу, и почему в Писании про нас верно сказано: «по образу Божию»¹⁴⁴, это было мне совершенно неизвестно.

13. И я не знал настоящей внутренней правды, которая судит не по обычаю, а по справедливейшему закону всемогущего Бога, определившему для отдельных стран и времен нравы и обычаи, соответствующие этим временам и странам, хотя сама она всегда во всяком месте и во всякое время одна и та же. По ней праведны и Авраам, и Исаак, и Иаков, и Моисей, и Давид, и все те, кого восхвалили уста Господни. Неправедны они по суду людей непонимающих, судящих от сегодняшнего дня и меряющих нравственность всего человечества мерилom собственной нравственности. Так, человек, не знакомый с тем, куда какие доспехи надевать, захотел бы прикрыть голову поножами и обуться в шлем, а потом стал бы роптать на их непригодность; другой возмутился бы тем, что в послеполуденные часы, объявленные праздником, ему не разрешается выставлять товар на продажу, когда утром это было разрешено; третий, увидя, что в одном доме какой-то раб возится с предметами, дотронуться до которых не дозволено виночерпию, а за хлебом делается то, что запрещено перед столом, пришел бы в негодование, почему всем и повсюду не дозволено одно и то же, хотя тут и одно жилье и одна рабская семья. Таковы и те люди, которые возмущаются, услышав, что в тот век праведникам разрешалось то, что в этом праведном не разрешено. Одним Бог заповедал одно, другим – другое, в соответствии с условиями времени, но и те и другие служили одной и той же правде: так, доспехи подходят тому же самому человеку, одни для одной части тела, другие для другой; в течение того ж самого дня одним и тем же делом сейчас можно заниматься, а через час уже нельзя; в той же самой усадьбе в одном углу разрешено и приказано делать то, что в другом справедливо запрещено и подлежит наказанию. Значит, правда бывает разной и меняется? Нет, но время, которым она управляет, протекает разно: это ведь время. Люди, при своей кратковременной земной жизни, не в состоянии согласовать условий жизни прежних веков и других народов, условий им неизвестных, с тем, что им известно; когда дело касается одного человека, одного дня или дома, то тут они легко могут усмотреть, что подходит для какой части тела, для какого часа, для какого отделения или лица: там они оскорблены, тут согласны¹⁴⁵.

14. Правды этого я тогда не понимал и не обращал на нее внимания; она со всех сторон бросалась мне в глаза, а я ее и не видел. Я декламировал стихи, и мне не позволялось ставить любую стопу где угодно: в разных размерах это было по-разному и в любом стихе для каждой стопы было свое место. Метрика, учившая меня стихосложению, содержала все эти правила одновременно и не была в одном случае одной, а в другом другой. А я не постигал, что добрые и святые патриархи служили правде, включавшей в степени гораздо большей и более возвышенной одновременно все заповеди; ничуть не меняясь, она только заповедует разным временам не все свои заповеди сразу, а каждому то, что ему соответствует. И я, слепой, осуждал благочестивых патриархов, которые, по велению и внушению Божию, пользовались законами своего времени и возвещали, по откровению Божию, будущее¹⁴⁶.

¹⁴³ Эту мысль Бл. Августин заимствовал у неоплатоников. «Вообще же злом следует считать недостаток добра» (Плотин. Эннеады, 3, 2, 5).

¹⁴⁴ Быт. 1:27.

¹⁴⁵ *His serviunt: servire* в смысле «соглашаться на что-либо» встречается у Цицерона («Об ораторе», 2, 40, 171). «Если мы пользуемся средствами казны для военного снаряжения и для благолепия мирной жизни, давайте соглашаться на налоги».

¹⁴⁶ Свои мысли о морали патриархов Бл. Августин подробно изложил в своих сочинениях против манихеев: «Против Фавста», 22, 30–38; «О благе брака», 24.

VIII

15. Разве когда-нибудь или где-нибудь было несправедливо «любить Бога всем сердцем и всей душой и всем разумением, и любить ближнего, как самого себя?»¹⁴⁷. И противоестественные грехи, например, содомский, всегда и везде вызывали отвращение и считались заслуживающими наказания. Если бы все народы предавались ему, то подпали бы осуждению по божественному закону за это преступление, потому что Бог создал людей не для такого общения друг с другом. Тут нарушается общение, которое должно быть у нас с Богом, потому что природа, которой Он создатель, оскверняется извращенной похотью.

Нарушений людской нравственности, проступков, следует избегать, считаясь с различными требованиями этой нравственности. Прихоть гражданина или чужестранца не смеет нарушать общественного договора, укрепленного законом или обычаем государства или народа: всякая часть, которая не согласуется с целым, безобразна. Если же Бог приказывает что-нибудь делать вопреки чьим бы то ни было нравам или установлениям, то это должно быть сделано, хотя бы там никогда так не делали. Если эту заповедь забыли, она должна быть возобновлена; если она не установлена, ее следует установить. Если царю в своем царстве дозволено отдавать приказания, которых ни до него никто, ни сам он раньше не отдавал, и повиновение ему не является действием против государства и общества – наоборот, именно неповиновение будет поступком противообщественным (ибо во всех людских обществах условлено повиноваться своему царю), то тем более надлежит, не ведая сомнения, подчиняться приказаниям Бога, царствующего над всем творением Своим. Бог стоит над всем; ведь и в человеческом обществе большая власть поставляется над меньшей, и эта последняя ей повинуетя.

16. Также с преступлениями¹⁴⁸, – когда жаждут нанести вред, обидев человека или причинив ему несправедливость: враг желает отомстить врагу; разбойник грабит путешественника, чтобы поживиться на чужой счет; страшного человека убивают, боясь от него беды; бедняк – богача из зависти; человек преуспевающий – соперника из страха, что тот сравняется с ним, или от огорчения, что он уже ему равен; из одного наслаждения чужой бедой, – примером служат зрители на гладиаторских играх, насмешники и издеватели. Всё это побеги греха, которые пышно разрастаются от страсти первенствовать, видеть и наслаждаться, овладевает ли человеком одна из них, две или все три разом. И жизнь проходит во зле, в пренебрежении «десятиструнной псалтирю», Десятисловием Твоим в его трех и семи заповедях¹⁴⁹, Боже вышний и сладостнейший. Но что значат проступки для Тебя, Который не может стать хуже? Какие преступления можно совершить против Тебя, Которому нельзя повредить? Ты наказываешь людей за то, что они совершают по отношению к себе самим: даже греша перед Тобой, они являются святотатцами перед душой своей, портя и извращая природу свою, которую Ты создал благообразною. Неумеренно пользуясь дозволенным или горя противоестественным желанием недозволенного; уличенные в том, что неистовствуют против Тебя в мыслях и в словах, они идут против рожна¹⁵⁰, порвав с человеческим обществом, они дерзко радуются своим замкнутым кружкам и разрыву с людьми, завися от своих привязанностей и своей неприязни.

¹⁴⁷ Мф. 22:37–39; Мк. 12:30–31.

¹⁴⁸ То есть следует наказывать, как и те проступки, о которых речь была выше. Бл. Августин так различает между *fl agitia* «проступками», *facinora* «преступлениями»: «Когда неукротимая страсть портит душу и тело – это проступок (*fl agitium*); когда она действует во вред другому – это преступление (*facinus*)» («О христианском учении», 3, 10, 16).

¹⁴⁹ Из десяти Моисеевых заповедей три первые определяют отношение человека к Богу, а семь остальных излагают, «как следует жить между собой людям. Присоединим их к первым трем, если желаем воспеть на десятиструнной псалтири песнь новую» («Проповеди», 9, 5, 6).

¹⁵⁰ Деян. 9:5.

И всё это происходит, когда покидают Тебя, Источник жизни единый истинный Творец и Правитель единого целого, и в личной гордости прилепляются к одной части, к мнимому единству¹⁵¹. Смирненное благочестие – вот дорога, которой возвращаются к Тебе, и ты очищаешь нас от злых навыков; снисходить к грехам исповедывающихся, слышишь вопли окованных и разрешаешь нас от цепей, которые мы сами надели на себя, – но только если мы не воздвигаем против Тебя рог лживой свободы¹⁵², жадно стремясь получить больше, с риском упустить всё; любя больше наше собственное, чем Тебя, общее Благо¹⁵³.

IX

17. Среди проступков, преступлений и столь многочисленных беззаконий имеются и грехи преуспевающих в добром. Справедливые судьи и порицают их во имя закона о таком преуспеянии, но и хвалят как траву молодых всходов в надежде на хороший урожай. Есть некоторые действия, напоминающие проступок или преступление, и тем не менее это не грехи, потому что они не оскорбляют ни Тебя, Господи Боже наш, ни общества: человек, например, добыл для себя некоторые предметы, соответствующие и его образу жизни и времени, но может быть из страсти к приобретению? желая кого-то исправить, наказывают его, пользуясь своей законной властью, но может быть из страсти причинить вред?¹⁵⁴

Есть много поступков, на которые люди смотрят неодобрительно и которые одобрены свидетельством Твоим; много таких, которые люди хвалят и которые осуждены по свидетельству Твоему. Разными бывают и видимость поступка, и чувства совершившего, и тайное сцепление обстоятельств.

Когда же Ты вдруг даешь заповедь, непривычную и неожиданную¹⁵⁵, повелевающую делать даже то, что некогда Тобой запрещалось, и временно держишь в тайне причину Твоего повеления, хотя оно противоречит установлениям данного людского общества, – кто усомнится, что его должно выполнить, ибо только то человеческое общество, которое служит Тебе, праведно? Блаженны те, которые знают, что эти повеления отданы Тобой. Ибо всё делается Твоими служителями, дабы показать, что нужно в данный час и что в предвозвестие будущего.

X

18. Не зная этого, я смеялся над этими святыми слугами и пророками Твоими. К чему привел этот смех? Только к тому, что Ты насмеялся надо мной: постепенно и потихоньку меня довели до абсурдной веры, например, в то, что винная ягода, когда ее срывают, и дерево, с которого она сорвана, плачут слезами, похожими на молоко. Если какой-то «святой» съест эту винную ягоду, сорванную, конечно, не им самим, а чужой преступной рукой, и она смешается с его внутренностями, то он выдохнет из нее за молитвой, вздыхая и рыгая, ангелов, или вернее

¹⁵¹ С большой тонкостью Бл. Августин пользуется здесь противопоставлением *unus, universitas* и *pars*. Мысль его такова: Бог, Творец всего, наложил на мир печать единства, привел все к единому порядку; этот порядок и делает из мира «единое целое» – *universitas*. Эту целостность человек «разрывает», предпочтя ей, из личной гордости и личных симпатий, «одну часть», «мнимое единство»: он таким образом ставит «часть» выше «целого»; достоинством, принадлежащим «целому» – *universitati* – он облакает «часть».

¹⁵² Пс. 74:5–6.

¹⁵³ *Habendi – amittendi* «получить – упустить»: антитеза, подчеркнутая одинаковым окончанием. «Воля, отвратившаяся от неизменного и общего блага к своему собственному... грешит» («О свободной воле», 2, 19, 53).

¹⁵⁴ *Peccata profi scientium* – грехи человека эволюционирующего; они и заслуживают осуждения и в то же время обещают что-то доброе; поступки, «не обижающие ни Бога, ни людей»; те, в которых, кроме побуждений вполне законных, звучат еще «обертонны» отнюдь не высокого морального качества.

¹⁵⁵ Под эту категорию Бл. Августин подводит самоубийство Самсона и повеление принести в жертву Исаака («О граде Божиим», 1, 26).

частички Божества: эти частички истинного и высшего Божества так и остались бы заключенными в винной ягоде, если бы «святые избранники» не освободили их зубами и кишками¹⁵⁶.

И я, жалкий, верил, что надо быть жалостливее к земным плодам, чем к людям, для которых они растут. И если бы голодный – не манихей – попросил есть, то, пожалуй, за каждый кусок стоило бы наказывать смертной казнью¹⁵⁷.

XI

19. И Ты прости руку Твою с высоты¹⁵⁸ и «извлек душу мою» из этого глубокого мрака, когда мать моя, верная твоя служанка, оплакивала меня перед Тобою больше, чем оплакивают матери умерших детей. Она видела мою смерть в силу своей веры и того духа, которым обладала от Тебя, – и Ты услышал ее, Господи. Ты услышал ее и не презрел слез, потоками орошавших землю в каждом месте, где она молилась; Ты услышал ее. Откуда, в самом деле, был тот сон, которым Ты утешил ее настолько, что она согласилась жить со мною в одном доме и сидеть за одним столом? В этом ведь было мне отказано из отвращения и ненависти к моему кощунственному заблуждению. Ей приснилось, что она стоит на какой-то деревянной доске и к ней подходит сияющий юноша, весело ей улыбаясь; она же в печали и сокрушена печалью. Он спрашивает ее о причинах ее горести и ежедневных слез, причем с таким видом, будто хочет не разузнать об этом, а наставить ее. Она отвечает, что скорбит над моей гибелью; он же велел ей успокоиться и посоветовал внимательно посмотреть: она увидит, что я буду там же, где и она. Она посмотрела и увидела, что я стою рядом с нею на той же самой доске¹⁵⁹.

Откуда этот сон? Разве Ты не преклонил слуха Своего к сердцу ее? О Ты, благий и всемогущий, Который заботишься о каждом из нас так, словно он является единственным предметом Твоей заботы, и обо всех так, как о каждом!

20. Почему, когда она рассказала мне это видение, и я попытался притянуть свое объяснение: скорее ей нечего отчаиваться в том, что она будет там же, где был я, она ответила сразу же безо всякого колебания: «Нет, мне ведь не было сказано: «Где он, там и ты», а «Где ты, там и он»?»

Исповедуюсь Тебе, Господи: насколько я могу припомнить, – а я часто вспоминал и рассказывал об этом сне – этот ответ Твой через мою неусыпно заботливую мать; то, что она не смутилась моим лживым, но столь вероятным объяснением и сразу увидела то, что надо было увидеть, и чего я, разумеется, не видел до ее слов, – всё это потрясло меня даже больше, чем самый сон, в котором благочестивой женщине задолго вперед предсказана была будущая радость в утешение нынешней скорби. Прошло еще десять лет, в течение которых я валялся

¹⁵⁶ «Вы (манихеи) говорите, что плод испытывает боль, когда его срывают с дерева, когда его режут, растирают, варят, едят» («Против Фавста», VI, 4). «Они говорят, что лучше человеку быть ростовщиком, чем земледельцем: тот, кто дает деньги в рост, не повреждает „крест света“, земледелец же его очень повреждает. Ты спрашиваешь, какой „крест света“ (сгux luminis)? Это, говорят они, частички бога, взятые в плен в том сражении и смешавшиеся со всем миром: они есть в деревьях, в травах, в плодах, в зернах. Частички божества ранит тот, кто прорезает в земле борозду; частички божества ранит тот, кто выдергивает из земли траву; частички божества ранит тот, кто срывает плод с дерева» («На Псалмы», 140, 12). «Если плоды предлагаются в пищу „святым“, то вследствие их чистоты, молитв и псалмов, эти частички освобождаются и возвращаются в свое царство» («О нравах манихеев», 15, 36; «О ереси», 45: «сложив руки ожидаете, чтобы кто-либо из ваших „слушателей“ накормил вас („святы“): вооружившись ножом или серпиком, он выбегает в сад и, убивая тыкв, подносит вам их живые трупы» («Против Фавста», 6, 4). «Святые», «избранные» – манихейская элита, «посвященные», которым предписывалось строгое вегетарианство, отказ от брака и от всякой деятельности. «Слушатели» – это низшая ступень манихейства: им разрешалось действовать, и они служили «святым». Перевод *dente et ventre* «зубами и кишками» не передает звонкого ассонанса латыни, придающей острый презрительный звук фразе.

¹⁵⁷ Подать хлеб неманихею означало, по манихейским воззрениям, погрузить «частички света» еще глубже в темницу матери. Бл. Августин укорял манихеев за эту ограниченность милосердия («О нравах манихеев», 15, 36).

¹⁵⁸ Пс. 143:7.

¹⁵⁹ Сны и видения особенно часто встречаются в рассказах из жизни африканских христиан. См.: P. Courcelle. «Antecedents biographiques des Contessions». *Revue de Philol.*, 1957, v. 31, p. 31.

в этой грязной бездне и во мраке лжи; часто пытался я встать и разбивался еще сильнее, а между тем эта чистая вдова, благочестивая и скромная, такая, каких Ты любишь, ободренная надеждой, но неумолчная в своем плаче и стенаниях, продолжала в часы всех своих молитв горевать обо мне перед Тобой, Господи, и пришли пред лицо Твое молитвы ее¹⁶⁰, хотя Ты и допустил еще, чтобы меня кружило и закружило в этой мгле.

ХII

21. Ты дал тем временем и другой ответ, который я держу в памяти. Много я пропускаю, потому что тороплюсь перейти к тому, что настоятельно требует исповеди перед Тобой, а многого я и не помню. Другой ответ свой дал Ты через Твоего священнослужителя, одного епископа, вскормленного Церковью и начитанного в книгах Твоих. Когда мать моя упрашивала его удостоить меня своей беседы, опровергнуть мои заблуждения, отучить от зла и научить добру (он поступал так с людьми, которых находил достойными), то он отказался, что было, насколько я сообразил впоследствии, конечно, разумно. Он ответил, что я заупряплюсь, потому что ересь для меня внове, я горжусь ею и уже смутил многих неопытных людей некоторыми пустячными вопросами, как она сама ему рассказала. «Оставь его там и только молись за него Богу: он сам, читая, откроет, какое это заблуждение и какое великое нечестие». И он тут же рассказал, что его мать соблазнили манихеи, и она еще мальчиком отдала его им; что он не только прочел все их книги, но даже их переписывал, и что ему открылось, безо всяких обсуждений и уговоров, как надо бежать от этой секты; и он бежал.

Когда он рассказал об этом, мать моя все-таки не успокоилась и продолжала еще больше настаивать, моля и обливаясь слезами, чтобы он увиделся со мной и поговорил. Тогда он с некоторым раздражением и досадой сказал: «Ступай, как верно, что ты живешь, так верно и то, что сын таких слез не погибнет».

В разговорах со мной она часто вспоминала, что приняла эти слова так, как будто они прозвучали ей с неба.

---

¹⁶⁰ Пс. 87:3.

Книга четвертая

I

1. В течение этих девяти лет, от девятнадцатого до двадцать восьмого года жизни моей, я жил в заблуждении и вводил в заблуждение других, обманывался и обманывал разными увлечениями своими: открыто – обучением, которое зовется «свободным»¹⁶¹, втайне¹⁶² – тем, что носило обманное имя религии. Там была гордость, здесь суеверие, и всюду – пустота. Там я гнался за пустой известностью, за рукоплесканиями в театре на стихотворных состязаниях в борьбе ради венков из травы, там увлекался бессмысленными зрелищами и безудержным разгулом; тут, стремясь очиститься от этой грязи, подносил так называемым святым и избранным пищу, из которой они в собственном брюхе мастерили ангелов и богов для нашего освобождения¹⁶³. И я был ревностным последователем всего этого и соответственно действовал с друзьями своими, совместно со мною и через меня обманутыми.

Пусть смеются надо мной гордецы, которых Ты еще не поверг ниц и не поразил ради спасения их, Боже мой, я всё равно исповедую позор мой во славу Твою. Позволь мне, молю Тебя, дай покружить сейчас памятью по всем кружным дорогам заблуждения моего, исхоженным мною, и «принести Тебе жертву хвалы»¹⁶⁴. Что я без Тебя, как не вожак себе в пропасть? Что я такое, когда мне хорошо, как не младенец, сосущий молоко Твое и питающийся «Тобой – пищей, пребывающей вовек»?¹⁶⁵ И что такое человек, любой человек, раз он человек? Пусть же смеются над нами сильные и могущественные; мы же, нищие и убогие, да исповедуемся перед Тобой.

II

2. В эти годы я преподавал риторику¹⁶⁶ и, побежденный жадностью, продавал победоносную болтливость. Я предпочитал, Ты знаешь это, Господи, иметь хороших учеников, в том значении слова, в котором к ним прилагается «хороший», и бесхитростно учил их хитростям не затем, чтобы они губили невинного, но чтобы порой вызволяли виновного. Боже, Ты видел издали, что я едва держался на ногах на этой скользкой дороге, и в клубах дыма чуть мерцала честность моя, с которой, во время учительства своего, обучал я любящих суету и ищущих обмана, я, сам их союзник и товарищ.

В эти годы я жил с одной женщиной, но не в союзе, который зовется законным: я выследил ее в моих безрассудных любовных скитаниях. Все-таки она была одна, и я сохранял вер-

---

¹⁶¹ Цикл «свободных наук» включал для Августина грамматику, диалектику, риторику, арифметику, геометрию, теорию музыки, астрономию.

¹⁶² Манихеев преследовали и Церковь, и государство. Суровые законы против них изданы были Валентинианом I в 372 г. Издавали их и его предшественники, начиная с Диоклетиана. Осуществляли их, по-видимому, не очень строго.

¹⁶³ Освобожденные «частицы света», возвращаясь в царство Света, увеличивают его силу и способствуют победе света над мраком. См.: кн. III, прим. 49.

¹⁶⁴ Пс. 49:14.

¹⁶⁵ Ин. 6:27; Пс. 8:3; 1Кор. 3:1-2.

¹⁶⁶ Время дано неопределенно. События, о которых Бл. Августин рассказывает в этой главе и следующей, произошли после того, о чем он рассказывает в гл. 4-й. Предположить, что события 2-й и 3-й глав произошли в Тагасте, невозможно: 1) секретарь и биограф Августина Поссидий определенно говорит, что Августин был сначала «грамматиком» в Тагасте и преподавать риторику стал уже потом, в Карфагене (Vita Aug., 1, 2); 2) в таком маленьком провинциальном городке, как Тагаста, риторская школа вряд ли могла быть. Бл. Августина, видимо, интересовал здесь подбор фактов, характеризующих его внутреннее состояние в бытность его манихеем.

ность даже этому ложу. Тут я на собственном опыте мог убедиться, какая разница существует между спокойным брачным союзом, заключенным только ради деторождения, и страстной любовной связью, при которой даже дитя рождается против желания, хотя, родившись, и заставляет себя любить¹⁶⁷.

3. Вспоминаю еще, что однажды я решил выступить на состязании драматических поэтов. Какой-то гаруспик¹⁶⁸ поручил спросить меня, сколько я заплачу ему за победу, и я ответил, что это мерзкое колдовство мне ненавистно и отвратительно, и что если бы меня ожидал даже венец из нетленного золота, то я не позволю ради своей победы убить муху. А он как раз и собирался убить и принести в жертву животных, рассчитывая, по-видимому, этими почестями склонить ко мне демонов. Я отверг это зло потому, что чтил святость Твою, Боже сердца моего¹⁶⁹. Я не умел ведь любить Тебя; только в телесной славе умел я представить Тебя. Душа, вздыхающая по таким выдумкам, разве «не распутничает вдали от Тебя?», она верит лжи и «питает ветры»¹⁷⁰. Я, конечно, не хотел, чтобы за меня приносили жертву демонам, которым я сам приносил себя в жертву своим суеверием. И что значит «питать ветры», как не питать этих духов, то есть своим заблуждениями услаждать их и быть им потехой?

III

4. Продолжал я советоваться и с этими проходимцами (их называют «математиками»¹⁷¹), ссылаясь на то, что они не приносят никаких жертв и не обращаются ни к одному духу с молитвами о своих предсказаниях. Тем не менее христианское, настоящее благочестие отвергает и вполне последовательно осуждает их деятельность.

Хорошо исповедоваться Тебе, Господи, и говорить: «Смилуйся надо мною, излечи душу мою, потому что я согрешил перед Тобой»¹⁷², хорошо не злоупотреблять снисхождением Твоим, позволяя себе грешить, и помнить слово Господне: «Вот ты здоров, не грешь больше, чтобы не случилось с тобой чего хуже»¹⁷³. Это спасительное наставление они ведь пытаются целиком уничтожить, говоря: «Небом суждено тебе неизбежно согрешить» или «Это сделали Венера или Сатурн, или Марс». Следовательно, если на человеке, на этой плоти, крови, на гордой трухе, вины нет, то винить следует Творца и Устроителя неба и светил. А кто же это, как не Ты, Господь наш, сладостный исток справедливости, который «воздаешь каждому по делам его и сердца сокрушенного и смиренного не презираешь»¹⁷⁴.

5. Жил в это время человек острого ума, очень опытный и известный в своем деле врач¹⁷⁵, который, в качестве проконсула, своею рукою возложил в том состязании венец победителя

¹⁶⁷ Бл. Августин очень любил своего незаконного сына Адеодата. См.: «Исповедь», IX, 14.

¹⁶⁸ В Древнем Риме гаруспики – это жрецы, которые обязаны были истолковывать чудесные знамения, предвещавшие гнев богов. Они же должны были указать, как умиловить разгневанное божество. В Африке во времена Августина гаруспиком зовут колдуна, чародея, прибегающего к помощи темных сил, чтобы помочь своему клиенту.

¹⁶⁹ Убийство животных категорически запрещалось манихеями.

¹⁷⁰ Пс. 72:27 и Ос. 12:1. «Питать ветры» – заниматься каким-либо бессмысленным делом.

¹⁷¹ Имя «математика» утратило во времена Бл. Августина свое высокое значение. «„Математиками“ звали тогда не тех, кого зовут сейчас этим именем: то были люди, исследовавшие течение времени по движению неба и звезд; теперь называют „математиками“ тех, кто желает подчинить наши действия небесным телам и предать нас звездам» (Div. quaest., I, 83, 14, 1–2). Закон Валентиниана I грозил смертью астрологам и тем, кто с ними советовался (Кодекс Феодосия, 9, 16, 8), но на практике, видимо, не применялся. Ядовитое замечание Тацита: «Этот сорт людей будут у нас всегда гнать и всегда удерживать» (Ист., I, 22) сохранило свою силу и для IV в. по Р.Х. Августин вспоминает некоего Альбицерия, который был в Карфагене весьма уважаем за свои предсказания («Против академиков», I, 6, 17).

¹⁷² Пс. 40:5.

¹⁷³ Ин. 5:14.

¹⁷⁴ Мф. 16:27; Рим. 2:6; Пс. 50:19.

¹⁷⁵ Августин говорит о Виндициане, главном городском враче Карфагена, медицинской знаменитости того времени. Он состоял придворным врачом Валентиниана и, по обычаю того времени, был награжден проконсульством. От него осталось

на мою больную голову; тут он врачом не оказался. В такой болезни целитель Ты, Который «противишься гордым и смиренным даешь благодать»¹⁷⁶. И разве не Ты помог мне через этого старика? разве Ты оставил лечить душу мою? Я ближе познакомился с ним и стал его прилежным и постоянным собеседником (речь его, оживленная мыслью, была безыскусственной, но приятной и важной). Узнав из разговора со мной, что я увлекаюсь книгами астрологов¹⁷⁷, он, с отеческой лаской, стал уговаривать меня бросить их и не тратить зря на эти пустяки трудов и забот, нужных для полезного дела. Он рассказал мне, что он настолько изучил эту науку, что в юности хотел сделать ее своим насущным занятием; раз он понял Гиппократу, то уж, конечно, смог понять и эти книги. Впоследствии, однако, он их бросил и занялся медициной единственно потому, что ясно увидел их совершенную лживость; человек порядочный, он не захотел зарабатывать свой хлеб обманом. «У тебя, – добавил он, – есть твоя риторика, которой ты можешь жить; этой же ложью ты занимаешься по доброй воле, а не по нужде, и должен верить мне тем более, что я постарался изучить ее в совершенстве, желая ее сделать единственным источником заработка». Я спросил у него, по какой же причине многие их предсказания оказываются верны, и он ответил, как мог, а именно, что это делается силой случая, всегда и всюду действующего в природе. Если человеку, который гадает по книге поэта, занятого только своей темой и ставящего себе свои цели, часто выпадает стих, изумительно соответствующий его делу, то можно ли удивляться, если человеческая душа, по какому-то побуждению свыше, не отдавая себе отчета в том, что с ней происходит, изречет вовсе не по науке, а чисто случайно то, что согласуется с делами и обстоятельствами вопрошающего¹⁷⁸.

6. И тут Ты позаботился обо мне, действуя в нем и через него. В памяти моей Ты оставил набросок того, что впоследствии я должен был искать уже сам. Тогда же ни он, ни мой дорогой Небридий, юноша и очень хороший и очень чистый, смеявшийся над предсказаниями такого рода, не могли убедить меня от них отказаться. На меня больше действовал авторитет авторов этих книг, и в своих поисках я не нашел еще ни одного верного доказательства, которое недвусмысленно выявило бы, что верные ответы на заданные вопросы продиктованы судьбой или случайностью, а не наукой о наблюдении за звездами.

IV

7. В эти годы, когда я только что начал преподавать в своем родном городе, я завел себе друга, которого общность наших вкусов делала мне очень дорогим. Был он мне ровесником и находился в том же цвету цветущей юности¹⁷⁹. Мальчиками мы росли вместе; вместе ходили в школу и вместе играли. Тогда мы еще не были так дружны; хотя и впоследствии тут не было истинной дружбы, потому что истинной она бывает только в том случае, если Ты скрепляешь ее между людьми, привязавшимися друг к другу «любовью, излившейся в сердца наши Духом

два сочинения: *Gyna ecia*, где он следовал Сорану Эфесскому, и *De expertis remediis*. См.: Schanz – Hosius – Kruger. *Gesch. d. Romischen Literatur*, B. IV, S. 849.

¹⁷⁶ 1 Пет. 5:5 и Иак. 4:6.

¹⁷⁷ Астрологов – *genethliacorum*, «подстерегающих рождение» (*γενεθλιακος*) – «имеющий дело с рождением». «Их называли *genethliaci* потому, что они следили за днями рождения; теперь их обычно называют „математиками“» («О христианском учении», 2, 21, 32). «Тех, кого по их происхождению следовало бы называть „халдеями“, люди зовут „математиками“» (GM, No Att., 1, 96); «те, кто называет себя халдеями или *genethliaci*» (*ibid.*, 14, 1, 1).

¹⁷⁸ Эти мысли Виндициана позволяют думать, что он был неоплатоником: удачные предсказания объясняются, по его мнению, не одним случаем, но неким созвучием между вселенной и различными состояниями души. По Платону, вселенная есть «целое, симпатизирующее себе самому» (Энн. 4, 4, 32 и 35), «единое существо». Эта всеобщая симпатия сообщает действительность молитве (4, 4, 41) и магии (4, 4, 40) и объясняет влияние звезд на человека. Светила не причины явлений, но они сообщают о них, оказываются как бы их знаками.

¹⁷⁹ *Confli orentem fl ore* любимая Бл. Августином и частая у него *fi gura etymologica* (употребление слов от одного и того же корня).

Святым, Который дан нам»¹⁸⁰. Тем не менее созревшая в горячем увлечении одним и тем же, была она мне чрезвычайно сладостна. Я уклонил его от истинной веры, – у него, юноши, она не была глубокой и настоящей, – к тем гибельным и суеверным сказкам, которые заставляли мать мою плакать надо мною. Вместе с моей заблудилась и его душа, а моя не могла уже обходиться без него.

И вот Ты, по пятам настигающий тех, кто бежит от Тебя, Бог отмщения и источник милосердия, обращающий нас к себе дивными способами, вот Ты взял его из этой жизни, когда едва исполнился год нашей дружбе, бывшей для меня сладостнее всего, что было сладостного в тогдашней моей жизни.

8. Может ли один человек «исчислить хвалы Твои»¹⁸¹ за благодеяния Твои ему одному? Что сделал Ты тогда, Боже мой? как неисследима «бездна судеб Твоих»¹⁸². Страдая лихорадкой, он долго лежал без памяти, в смертном поту. Так как в его выздоровлении отчаялись, то его окрестили в бессознательном состоянии¹⁸³. Я не обратил на это внимания, рассчитывая, что в душе его скорее удержится то, что он узнал от меня, чем то, что делали с его бессознательным телом. Случилось, однако, совсем по-иному. Он поправился и выздоровел, и как только я смог говорить с ним (а смог я сейчас же, как смог и он, потому что я не отходил от него, и мы не могли оторваться друг от друга), я начал было насмеяться над крещением¹⁸⁴, которое он принял вовсе без сознания и без памяти. Он уже знал, что он его принял. Я рассчитывал, что и он посмеется вместе со мной, но он отшатнулся от меня в ужасе, как от врага, и с удивительной и внезапной независимостью сказал мне, что если я хочу быть ему другом, то не должен никогда говорить ему таких слов. Я, пораженный и смущенный, решил отложить свой натиск до тех пор, пока он оправится и сможет, вполне выздоровев, разговаривать со мной о чем угодно. Но через несколько дней, в мое отсутствие, он опять заболел лихорадкой и умер, отнятый у меня, безумного, чтобы жить у Тебя на утешение мне.

9. Какую печалью омрачилось сердце мое! куда бы я ни посмотрел, всюду была смерть. Родной город стал для меня камерой пыток, отцовский дом – обителью беспросветного горя; всё, чем мы жили с ним сообща, без него превратилось в лютую муку. Повсюду искали его глаза мои, и его не было. Я возненавидел всё, потому что нигде его нет, и никто уже не мог мне сказать: «Вот он придет», как говорили об отсутствующем, когда он был жив. Стал я сам для себя великой загадкой и спрашивал душу свою, почему она печальна и почему так смущает меня¹⁸⁵, и не знала она, что ответить мне. И если я говорил «надейся на Бога», она справедливо не слушалась меня, потому что человек, которого я так любил и потерял, был подлиннее и лучше, чем призрак, на которого ей велено было надеяться¹⁸⁶. Только плач был мне сладостен, и он наследовал другу моему в усладе души моей.

¹⁸⁰ Рим. 5:5.

¹⁸¹ Пс. 105:2.

¹⁸² Пс. 35:7; ср. Рим. 11:33.

¹⁸³ Друг Бл. Августина был, вероятно, как и сам Августин, «оглашенным» с детства. К крещению больных Церковь относилась сдержанно, считая, что оно совершено не по доброй воле, а по необходимости. Лица, окрещенные таким образом, не могли стать священниками. Естественным, однако, было желание не оставить катехумена без крещения: крестили людей, даже лежавших без сознания. Третий Карфагенский собор санкционировал эту практику в тех случаях, когда родственники больного ручались, что он выражал желание креститься.

¹⁸⁴ Манихеи отвергали крещение, считая, что никакого спасения оно не приносит.

¹⁸⁵ Пс. 41:6, 12.

¹⁸⁶ «Надейся на Бога». Бл. Августин вспоминает слова того же псалма; бог, в которого он тогда верил, был только созданием воображения, «призраком», phantasma. См. прим. 25 к кн. III. (В этой публикации кн. 3, гл.6, сноски 6.)

V

10. Теперь, Господи, это уже прошло, и время залечило мою рану. Можно ли мне услышать от Тебя, Который есть Истина, можно ли преклонить ухо моего сердца к устам Твоим и узнать от Тебя, почему плач сладок несчастным?¹⁸⁷ Разве Ты, хотя и всюду присутствуя, отбрасываешь прочь от себя наше несчастье? Ты пребываешь в Себе; мы кружимся в житейских испытаниях. И, однако, если бы плач наш не доходил до ушей Твоих, ничего не осталось бы от надежды нашей¹⁸⁸. Почему с жизненной горечи срываем мы сладкий плод стенания и плач, вздохи и жалобы?

Или сладко то, что мы надеемся быть услышаны Тобою? Это верно в отношении молитв, которые дышат желанием дойти до Тебя. Но в печали об утере и в той скорби, которая окутывала меня? Я ведь не надеялся, что он оживет, и не этого просил своими слезами; я только горевал и плакал, потеряв я был и несчастен: потерял я радость свою. Или плач, горестный сам по себе, услаждает нас, пресытившихся тем, чем мы когда-то наслаждались и что теперь внушает нам отвращение?

VI

11. Зачем, однако, я говорю это? Сейчас время не спрашивать, а исповедоваться Тебе. Я был несчастен, и несчастна всякая душа, скованная любовью к тому, что смертно: она разрывается, теряя, и тогда понимает, в чем ее несчастье, которым несчастна была еще и до потери своей.

Таково было состояние мое в то время; я горько плакал и находил успокоение в этой горечи. Так несчастен я был, и дороже моего друга оказалась для меня эта самая несчастная жизнь. Я, конечно, хотел бы ее изменить, но также не желал бы утратить ее, как и его. И я не знаю, захотел ли бы я умереть даже за него, как это рассказывают про Ореста и Пилада¹⁸⁹, если это только не выдумка, что они хотели умереть вместе один за другого, потому что хуже смерти была для них жизнь врозь. Во мне же родилось какое-то чувство, совершенно этому противоположное; было у меня и жестокое отвращение к жизни и страх перед смертью. Я думаю, что чем больше я его любил, тем больше ненавидел я смерть и боялся, как лютого врага, ее, отнявшую его у меня. Вдруг, думал я, поглотит она и всех людей: могла же она унести его.

В таком состоянии, помню, находился я. Вот сердце мое, Боже мой, вот оно – взгляни вовнутрь его, таким я его вспоминаю. Надежда моя, Ты, Который очищаешь меня от нечистоты таких привязанностей, устремляя глаза мои к Тебе и «освобождая от силков ноги мои»¹⁹⁰. Я удивлялся, что остальные люди живут, потому что тот, которого я любил так, словно он не мог умереть, был мертв: и еще больше удивлялся, что я, его второе «я», живу, когда он умер. Хорошо сказал кто-то о своем друге: «половина души моей»¹⁹¹. И я чувствовал, что моя душа и его душа были одной душой в двух телах¹⁹², и жизнь внушала мне ужас: не хотел я ведь

---

¹⁸⁷ Ср. Еврипид, *irg.*, 577: «Услада для смертных в бедствиях, стенаниях и потоках слез. Они облегчают скорбь и разрешают великую сердечную муку».

¹⁸⁸ Такова ли трансцендентность Бога, чтобы Ему безразличны были наши страдания, и нам нечего ожидать от Него помощи и утешения в горе? Бл. Августин никогда не сомневался в том, что Провидение внимательно к людям и заботится о них.

¹⁸⁹ Герои греческой мифологии, бывшие примером идеальной дружбы.

¹⁹⁰ Пс. 24:15.

¹⁹¹ Гораций. «Оды», 1, 3, 8.

¹⁹² По словам Диогена Лаэртия (6, 1, 20), Аристотель дал такое определение дружбы: «Одна душа, живущая в двух телах».

жить половинной жизнью. Потому, может быть, и боялся умереть, чтобы совсем не умер тот, которого я так любил.

VII

12. О, безумие, не умеющее любить человека, как полагается человеку!¹⁹³ О, глупец, возмущающийся человеческой участью! Таким был я тогда: я бушевал, вздыхал, плакал, был в расстройстве, не было у меня ни покоя, ни рассуждения. Повсюду со мной была моя растерзанная, окровавленная душа, и ей невтерпеж было со мной, а я не находил места, куда ее пристроить. Рощи с их прелестью, игры, пение, сады, дышавшие благоуханием, пышные пиры, ложе нег, самые книги и стихи – ничто не давало ей покоя. Всё внушало ужас, даже дневной свет; всё, что не было им, было отвратительно и ненавистно. Только в слезах и стенаниях чуть-чуть отдыхала душа моя, но, когда приходилось забирать ее оттуда, тяжким грузом ложилось на меня мое несчастье. К Тебе, Господи, надо было вознести ее и у Тебя лечить. Я знал это, но и не хотел и не мог, тем более что я не думал о Тебе, как о чем-то прочном и верном. Не Ты ведь, а пустой призрак и мое заблуждение были моим богом. И если я пытался пристроить ее тут, чтобы она отдохнула, то она катилась в пустоте и опять обрушивалась на меня, и я оставался с собой: злосчастное место, где я не мог быть и откуда не мог уйти. Куда мое сердце убежало бы от моего сердца? Куда убежал бы я от самого себя? Куда не пошел бы вслед за собой?

И всё-таки я убежал из родного города. Меньше искали его глаза мои там, где не привыкли видеть, и я переехал из Тагасты в Карфаген¹⁹⁴.

VIII

13. Время не проходит впустую и не катится без всякого воздействия на наши чувства: оно творит в душе удивительные дела. Дни приходили и уходили один за другим; приходя и уходя, они бросали в меня семена других надежд и других воспоминаний; постепенно лечили старыми удовольствиями, и печаль моя стала уступать им; стали, однако, наступать – не другие печали, правда, но причины для других печалей. Разве эта печаль так легко и глубоко проникла в самое сердце мое не потому, что я вылил душу свою в песок, полюбив смертное существо так, словно оно не подлежало смерти?

А меня как раз больше всего утешали и возвращали к жизни новые друзья, делившие со мной любовь к тому, что я любил вместо Тебя: нескончаемую сказку¹⁹⁵, сплошной обман, своим нечистым прикосновением развращавший наши умы, зудевшие желанием слушать¹⁹⁶. И если бы умер кто-нибудь из моих друзей, эта сказка не умерла бы для меня.

Было и другое, что захватывало меня больше в этом дружеском общении: общая беседа и веселье, взаимная благожелательная услужливость; совместное чтение сладкоречивых книг, совместные забавы и взаимное уважение; порою дружеские размолвки, какие бывают у человека с самим собой, – самая редкость разногласий как бы приправляет согласие длительное, – взаимное обучение, когда один учит другого и в свою очередь у него учится; тоскливое ожидание отсутствующих; радостная встреча прибывших. Все такие проявления любящих и люби-

---

¹⁹³ То есть понимая и принимая человеческую смертность и ограниченность.

¹⁹⁴ Августин уехал, ничего не сказав матери (Против академиков, 2, 2, 3). Романиан, гражданин Тагасты, богатый человек и друг Бл. Августина, который жил у него, когда Моника отказалась пустить Августина в родной дом, снабдил его средствами на переезд и на устройство в новом месте.

¹⁹⁵ Так Бл. Августин называет учение манихеев.

¹⁹⁶ Prurientes in auribus – «с зудом в ушах». Ср.: 2 Тим. 4:3.

мых сердец¹⁹⁷ – в лице, в словах, в глазах и тысяче милых выражений – как на огне сплавляют между собою души, образуя из многих одну.

IX

14. Вот что мы любим в друзьях и любим так, что человек чувствует себя виноватым, если он не отвечает любовью на любовь. От друга требуют только выражения благожелательности. Отсюда эта печаль по случаю смерти; мрак скорби; сердце, упоенное горечью, в которую обратилась сладость; смерть живых, потому что утратили жизнь умершие.

Блажен, кто любит Тебя, в Тебе друга и ради Тебя врага. Только тот не теряет ничего дорогого, кому все дороги в Том, Кого нельзя потерять. А кто это, как не Бог наш, Бог, Который «создал небо и землю» и «наполняет их»¹⁹⁸, ибо, наполняя, Он и создал их. Тебя никто не теряет, кроме тех, кто Тебя оставляет, а кто оставил, – куда пойдет и куда убежит? Только от Тебя, милостивого, к Тебе, гневному. Где не найдет он в каре, его достигшей, Твоего закона? А «закон Твой – истина», и «истина – это Ты»¹⁹⁹.

X

15. «Боже сил, обрати нас, покажи нам лик Твой, и мы спасемся»²⁰⁰. Куда бы ни обратилась человеческая душа, всюду кроме Тебя наткнется она на боль, хотя бы наткнулась и на красоту, но красоту вне Тебя и вне себя самой. И красота эта ничто, если она не от Тебя. Прекрасное рождается и умирает; рождаясь, оно начинает как бы быть и растет, чтобы достичь полного расцвета, а, расцветши, стареет и гибнет. Не всегда, правда, доживает до старости, но гибнет всегда. Родившись и стремясь быть, прекрасное, чем скорее растет, утверждая свое бытие, тем сильнее торопится в небытие: таков предел, положенный Тобой земным вещам, потому что они только части целого, существующие не одновременно; уходя и сменяя друг друга, они, как актеры, разыгрывают все цельную пьесу, в которой им даны отдельные роли. То же происходит и с нашей речью, состоящей из звуковых обозначений. Речь не будет целой, если каждое слово, отзвучав в своей роли, не исчезнет, чтобы уступить место другому.

Да хвалит душа моя за этот мир²⁰¹ Тебя, «Господь, всего Создатель»²⁰², но да не прилипает к нему чувственной любовью, ибо он идет, куда и шел – к небытию, и терзает душу смертной тоской, потому что и сама она хочет быть и любит отдыхать на том, что она любит. А в этом мире негде отдохнуть, потому что все в нем безостановочно убегает: как угнаться за этим плотскому чувству? Как удержать даже то, что сейчас под рукой? Медлительно плотское чувство, потому что оно плотское: ограниченность – его свойство. Оно удовлетворяет своему назначению, но его недостаточно, чтобы удержать то, что стремится от положенного начала к положенному концу. Ибо в слове Твоем, которым создан мир, слышит оно: «Отсель и досель».

XI

16. Не суетись, душа моя: не дай оглохнуть уху сердца от грохота суеты твоей. Слушай, само Слово зовет тебя вернуться: безмятежный покой там, где Любовь не покинет тебя, если

---

¹⁹⁷ Redamantium («взаимная любовь»); redamare впервые у Цицерона – «О дружбе», 14, 49. Как и многие слова, созданные им, оно появляется опять только у поздних писателей: Макробия (Сатурналии, 6, 6, 8); Симмаха («Письма»).

¹⁹⁸ Быт. 1:1 и Иер. 23:24.

¹⁹⁹ Пс. 118:142; Ин. 14:6.

²⁰⁰ Пс. 79:8.

²⁰¹ Пс. 145:1–2.

²⁰² Первая строка Амвросиева вечернего гимна. См.: «Исповедь», IX, 15 и 32.

сам ты Ее не покинешь. Вот одни создания уходят, чтобы дать место другим: отдельные части в совокупности своей образуют этот дольний мир. «Разве Я могу уйти куда-нибудь?» – говорит Слово. Здесь утверди жилище свое; доверь всё, что у тебя есть; душа моя, уставшая, наконец, от обманов. Доверь Истине всё, что у тебя есть от Истины, и ты ничего не утратишь; истлевшее у тебя покроется цветом; исцелятся все недуги твои; преходящее получит новый облик, обновится и соединится с тобой; оно не увлечет тебя в стремлении вниз, но недвижно останется с тобой и пребудет у вечно недвижимого и пребывающего Бога²⁰³.

17. Зачем, развращенная, следуешь ты за плотью своей? Пусть она, обращенная, следует за тобой. Всё, что ты узнаешь через нее, частично; ты не знаешь целого, которому принадлежат эти части, и всё-таки они тебя радуют. Если бы твое плотское чувство способно было охватить всё, и не было бы оно, в наказание тебе, справедливо ограничено постижением только части, то ты пожелал бы, чтобы всё, существующее сейчас, прошло, дабы ты больше мог наслаждаться целым²⁰⁴. Ведь и речь нашу ты воспринимаешь тоже плотским чувством, и тебе, разумеется, захочется, чтобы отдельные слова быстро произносились один за другим, а не застывали неподвижно: ты ведь хочешь услышать всё целиком. Так и части, составляющие нечто единое, но возникающие не все одновременно в том, что они составляют: всё вместе радует больше части, если бы только это «всё» могло быть разом воспринято. Насколько же лучше тот, кто создал целое – Господь наш. И Он не уходит, потому что для Него нет смены.

ХII

18. Если тела угодны тебе, хвали за них Бога и обрати любовь свою к их мастеру, чтобы в угодном тебе не стал ты сам негоден. Если угодны души, да будут они любимы в Боге, потому что и они подвержены перемене, и утверждаются в Нем, а иначе проходят и приходят. Да будут же любимы в Нем: увлеку к Нему с собой те, какие сможешь, и скажи им: «Его будем любить: Он создатель и Он недалеко»²⁰⁵. Он не ушел от Своего создания: оно из Него и в Нем. Где же Он? Где вкушают истину? Он в самой глубине сердца²⁰⁶, только сердце отошло от Него. «Вернитесь, отступники, к сердцу»²⁰⁷ и прильните к Тому, Кто создал вас. Стойте с Ним – и устоите; успокойтесь в Нем и покойны будете. Куда, в какие трущобы вы идете? Куда вы идете? То хорошее, что вы любите, от Него, и поскольку оно с Ним, оно хорошо и сладостно, но оно станет горьким – и справедливо, – потому что несправедливо любить хорошее и покинуть Того, Кто дал это хорошее.

Зачем вам опять и опять ходить по трудным и страдным дорогам? Нет покоя там, где вы ищете его. Ищите, что вы ищете, но это не там, где вы ищете. Счастливой жизни ищете вы в стране смерти: ее там нет. Как может быть счастливая жизнь там, где нет самой жизни?

19. Сюда спустилась сама Жизнь наша и унесла смерть нашу и поразила ее избытком жизни своей. Прогремел зов Его, чтобы мы вернулись отсюда к Нему, в тайное святилище, откуда Он пришел к нам, войдя сначала в девственное чрево, где с Ним сочеталась человеческая природа, смертная плоть, дабы не остаться ей навсегда смертной, и «откуда Он вышел, как супруг из брачного чертога своего, радуясь, как исполин, пробежать поприще»²⁰⁸. Он не

²⁰³ Пс. 101:13.

²⁰⁴ В этом противополжении «части» и «целого» есть, может быть, реминисценция из Порфириевых «Arhogmai», где или афористически сжаты, или подробно развиты главные положения Плотина, высказанные в «Эннеадах». Плотиново Εἰς («Одно») и есть бог, «Целое».

²⁰⁵ Деян. 17:27.

²⁰⁶ Современные исследователи Бл. Августина полагают, что неоплатоники могли приобщить Августина к философии «разумного делания»: входя в себя, очищаясь от чувственного, чтобы лучше овладеть собой, душа находит истину. См.: А. Solignac. «Reminiscences plotiniennes et porphyriennes», p. 455–464.

²⁰⁷ Бл. Августин думает о законе, написанном в сердце человека (Рим. 2:15).

²⁰⁸ Пс. 18:6.

медлил, а устремился к нам, крича словами, делами, смертью, жизнью, сошествием, восшествием крича нам вернуться к Нему. Он ушел с глаз наших, чтобы мы вернулись в сердце наше и нашли бы Его. Он ушел, и вот Он здесь; не пожелал долго быть с нами и не оставил нас. Он ушел туда, откуда никогда не уходил, ибо «мир создан Им» и «Он был в этом мире» и «пришел в этот мир спасти грешников»²⁰⁹. Ему исповедуется душа моя, и Он «излечил ее, потому что она согрешила пред Ним»²¹⁰.

«Сыны человеческие, доколе будет отягощено сердце ваше?» Жизнь спустилась к вам – разве не хотите вы подняться и жить? Но куда вам подняться, если вы «высоко и положили на небо главы свои»²¹¹. Спуститесь, чтобы подняться, и поднимайтесь к Богу: вы ведь упали, поднявшись против Него»²¹².

Скажи им это, пусть они плачут «в долине слез»²¹³, увлеку их с собой к Богу, ибо слова эти говоришь ты от Духа Святого, если говоришь, горя огнем любви.

XIII

20. Я не знал тогда этого, я любил дольную красоту, я шел в бездну и говорил друзьям своим: «Разве мы любим что-нибудь кроме прекрасного? А что такое прекрасное? И что такое красота? Что привлекает нас в том, что мы любим, и располагает к нему? Не будь в нем приятного и прекрасного, оно ни в коем случае не могло бы подвинуть нас к себе». Размышляя, я увидел, что каждое тело представляет собой как бы нечто целое и потому прекрасное, но в то же время оно приятно и тем, что находится в согласовании с другим. Так отдельный член согласуется со всем телом, обувь подходит к ноге и т. п. Эти соображения хлынули из самых глубин моего сердца, и я написал работу «О прекрасном и соответствующем», кажется, в двух или трех книгах. Тебе это известно, Господи: у меня же выпало из памяти. Самих книг у меня нет; они затерялись, не знаю, каким образом.

XIV

21. Что побудило меня, Господи, Боже мой, посвятить эти книги Гиерию, римскому оратору²¹⁴, которого я не знал лично, но которым восхищался за его громкую славу ученого. Мне сообщили некоторые его изречения, и они мне нравились. Еще больше нравился он мне потому, что очень нравился другим, и его превозносили похвалами, недоумевая, как сириец, умевший сначала прекрасно говорить по-гречески, стал впоследствии мастером латинской речи и выдающимся знатоком во всех вопросах, касающихся философии.

Человека хвалят, и вот его заглазно начинают любить. Разве эта любовь входит в сердце слушающего от слов хвалящего? Нет! любящий зажигает любовью и другого. Поэтому и любят того, кого хвалят другие, веря, что хвала ему возглашается нелживым сердцем, а это значит, что хвалят, любя.

---

²⁰⁹ Ин. 1:10; 1 Тим. 1:15.

²¹⁰ Пс. 40:5.

²¹¹ Пс. 72:9.

²¹² «Смиряться в покаянии, душа получает свою высоту» (Бл. Августин. «О свободной воле», 3, 5). «Человеческая смертная природа надута гордыней. И чтобы человек не считал недостойным себя подражать уничиженному, Сам Господь стал уничиженным, чтобы хоть после этого человеческая гордыня не считала недостойным идти по Его следам».

²¹³ Пс. 83:7.

²¹⁴ О Гиерии ничего не известно, кроме того, что сообщает Бл. Августин: во второй половине IV в. много философов и государственных людей носило это имя (финикийский философ, корреспондент Либания; философ неоплатоник; ученик Ямвлиха и учитель Максима; викарий Африки). Кому посвятил Августин свою книгу? Во всяком случае, адресат был фигурой крупной: философом и оратором.

22. Так любил я тогда людей, доверяясь суду человеческому, а не Твоему, Господи, которым никто не обманывается.

Почему, однако, хвалы ему воздавались совсем иные, чем знаменитому вознице или цирковому охотнику, прославленному народной любовью? Они были серьезны и важны; такие хотел я услышать о себе самом. Я ведь не хотел бы, чтобы меня хвалили и любили так, как актеров, хотя я сам расхваливал их и любил; но я избрал бы полную неизвестность, даже ненависть к себе, но не такую славу, но не такую любовь. Какими гирями одна и та же душа развешивает разную, столь несходную любовь? Почему я люблю в другом то, что одновременно ненавижу? Я ведь гнушаюсь этим для себя и наотрез от этого отказываюсь. А мы оба, и он и я, люди! Хорошую лошадь можно любить, не желая стать ею, даже если бы это было возможно. С актером случай другой: он нашего рода. Значит, я люблю в человеке то, что для меня в себе ненавистно, хотя и я человек?²¹⁵ Великая бездна сам человек, «чьи волосы сочтены»²¹⁶ у Тебя, Господи, и не теряются у Тебя, и, однако, волосы его легче счесть, чем его чувства и движения его сердца.

23. Что же касается Гиерия, то он принадлежал к тому типу ораторов, который мне так нравился, что мне самому хотелось быть одним из них. Я заблуждался в гордости своей, «был носим всяким ветром»²¹⁷, и совершенно скрыто от меня было руководство Твое. И откуда мне знать и как с уверенностью исповедать Тебе, что я больше любил его за любовь и похвалы, чем за те занятия, за которые его хвалили? Если бы те же самые люди не хвалили, а бранили его и рассказывали о нем то же самое, но с бранью и презрением, я не воспламенился бы любовью к нему, хотя ни занятия его, ни он сам не стали бы другим: другими были бы только чувства рассказчиков.

Вот куда брошена немощная душа, не прилепившаяся еще к крепкой истине. Ее несет и кружит, бросает туда и сюда, смотря по тому, куда дует вихрь слов и мнений. Они заслоняют ей свет, и она не видит истины. Она же вот – перед нами.

Для меня тогда было очень важно, чтобы моя книга и мои труды стали известны этому человеку. Его одобрение заставило бы меня загореться еще большим усердием; его неодобрение ранило бы мое суетное, не имевшее в Тебе опоры сердце. И, однако, я с любовью охотно переворачивал перед своим умственным взором вопрос о прекрасном и соответственном, о чем писал ему, и приходил в восторг от своей работы, не нуждаясь ни в чьих похвалах.

XV

24. Я не видел, однако, стержня в великом деле, в искусстве Твоем, Всемогущий, «Который один творишь чудеса»²¹⁸. Душа моя странствовала среди телесных образов: «прекрасное», являющееся таковым само по себе, и «соответственное», хорошо согласующееся с другим предметом, я определял и различал, пользуясь доказательствами и примерами из мира физического.

Потом я обратился к природе души, но ложные понятия, бывшие у меня о мире духовном, мешали мне видеть истину. Во всей силе своей стояла истина у меня перед глазами, а я отвращал свой издерганный ум от бестелесного к линиям, краскам и крупным величинам. И так как я не мог увидеть это в душе, я думал, что не могу видеть и свою душу. Я любил согласие, порождаемое добродетелью, и ненавидал раздор, порождаемый порочностью. В первой я уви-

---

²¹⁵ Бл. Августин чувствует, что, восхищаясь актером, он видит в нем орудие, действующее для его удовольствия, а не человека в его высоком достоинстве. Останавливается он здесь, однако, не столько на моральной проблеме, сколько на психологической загадке.

²¹⁶ Мф. 10:30.

²¹⁷ Еф. 4:14.

²¹⁸ Пс. 71:18.

дел единство, во второй – разделенность. Это единство представлялось мне как совместность разума, истины и высшего блага; разделенность – как некая неразумная жизнь и высшее зло. Я, несчастный, считал, что оно не только субстанция, но что это вообще некая жизнь, только не от Тебя исходящая, Господи, от Которого всё. Единство я назвал монадой, как некий разум, не имеющий пола, а разделенность – диадой: это гнев в преступлениях и похоть в пороках²¹⁹. Сам я не понимал, что говорю. Я не знал и не усвоил себе, что зло вовсе не есть субстанция и что наш разум не представляет собой высшего и неизменного блага.

25. Преступление есть порочное движение души, побуждающее к действию, в котором душа и утверждает себя дерзостно и взбаламученно. Разврат есть необузданное желание, жадное к плотским радостям. Если разумная душа сама порочна, то жизнь пятнают заблуждения и ложные понятия. Как раз такая и была у меня тогда, и я не знал, что ее надо просветить другим светом, чтобы приобщить к истине, потому что в ней самой нет истины. Ибо «Ты зажжешь светильник мой, Господи, Боже мой, Ты просветишь тьму мою; и от полноты Твоей получим мы всё. Ты свет истинный, освещающий всякого человека, приходящего в этот мир, ибо у Тебя нет изменения и ни тени перемены»²²⁰.

26. Я порывался к Тебе и был отбрасываем назад, да отведаю вкуса смерти, потому что «Ты противишься гордым»²²¹.

А разве не великая гордость притязать по удивительному безумию, что по природе своей я то же самое, что и Ты?²²² Подверженный изменению и ясно видя это из того, что я очень хотел быть мудрым, дабы стать лучше, я предпочел, однако, считать Тебя подверженным изменению, чем признать, что я не то же самое, что и Ты. Потому я и был отталкиваем назад, и Ты пригибал мою кичливую выю²²³. Я носился со своими телесными образами; я, плоть, обвинял плоть, и «бродячий дух»²²⁴, я не повернулся к Тебе; бродя, я бродил среди несуществующего ни в Тебе, ни во мне, ни в теле: тут не было подлинных Твоих созданий, а были одни мои пустые мечтания. И я спрашивал у малых верных детей Твоих, моих сограждан, из среды которых я, сам того не зная, был изгнан, я спрашивал их, нелепый болтун: «Почему же заблуждается душа, которую создал Бог?» Я не хотел, чтобы меня спросили: «Почему же заблуждается Бог?» И я силился доказать, что скорее Ты в своей неизменной сущности вынужден впасть в заблуждение; чем признать, что я подверженный изменению, добровольно сбиваюсь с пути и в наказание за это впадаю в заблуждение²²⁵.

27. Мне было, пожалуй, лет двадцать шесть – двадцать семь, когда я закончил эти свитки, развертывая перед собой свои выдумки – эти материальные образы, оглушавшие уши моего сердца. Я настораживал их, сладостная Истина, чтобы услышать мелодию Твою, звучащую глубоко внутри меня. Я думал о «прекрасном и соответственном», хотел встать на ноги и услы-

²¹⁹ Книга Бл. Августина «О прекрасном и соответственном» потеряна. Она дала бы многое для суждения о нем молодом, о его умственных интересах, философской культуре и о влиянии на него манихеев. Августин рассматривал в ней одну из центральных проблем платонизма: сущность прекрасного, взаимоотношения между ним и «подходящим» (см.: «Пир» 211а; «Федр» 249а; 264 и особенно «Гиппий Старший» 290 а – 296 с. Ср.: Цицерон. «Об обязанностях», I, 27–28, 93–99. О возможных источниках Августина см.: K. Sloboda. «L'esthétique de S. Augustin et ses sources», Brno et Paris, 1935, p. 10–16). Бл. Августин в этой работе принимает манихейский дуализм, но мифологическая форма, в которую он был облечен, видимо, его уже не удовлетворяла, и он обратился к философской терминологии, используя по-своему пифагорейские монаду и диаду – sine sexu (ср.: Макробий. Сон Сципиона, I, 6, 8): «Монада, т. е. единство, одновременно и мужского и женского пола».

²²⁰ Пс. 17:29; Ин. 1:16; Иак. 1:17.

²²¹ 1 Пет. 5:5.

²²² По манихейскому учению, добро в человеческой душе «от самой субстанции Бога».

²²³ В подл. *ventosa cervix* – «шея, надутая ветром» – смелая метафора.

²²⁴ Пс. 77:39.

²²⁵ «Справедливейшее наказание за грех состоит в том, что человек утрачивает то, чем он не захотел хорошо пользоваться... тот, кто не захотел поступать правильно, когда мог, утрачивает эту возможность, когда захочет поступить правильно» («О свободной воле», 3, 18, 52).

шать Тебя, «радостью обрадоваться, слыша голос жениха»²²⁶ и не мог: мое заблуждение громко звало меня и увлекало наружу; под тяжестью гордости своей падал я вниз. «Ты не давал слуху моему радости и веселия», и не «ликовали кости мои», потому что «не были сокрушены»²²⁷.

XVI

28. И какая польза для меня была в том, что лет двадцати от роду, когда мне в руки попало одно произведение Аристотеля под заглавием «Десять категорий»²²⁸ (карфагенский ритор, мой учитель, и другие люди, считавшиеся учеными, раздуваясь от гордости, трещали о нем, и, слыша это название, я только и мечтал об этой книге, как о чем-то великом и божественном), я оказался единственным, прочитавшим и понявшим ее? Когда я беседовал по поводу этих категорий с людьми, которые говорили, что они с трудом их поняли и то лишь с помощью ученых наставников, объяснявших их не только словесно, но и с помощью многочисленных рисунков на песке, то оказалось, что они могут сказать мне о них только то, что я, при своем одиноком чтении, узнал у себя самого. По-моему, книга эта совершенно ясно толковала о субстанциях и их признаках: например, человек – это качество; сколько в нем футов роста – это количество; его отношение к другим: например, чей он брат; место, где он находится; время, когда родился; его положение: стоит или сидит; что имеет: обувь или оружие; что делает или что терпит. Под эти девять категорий, для которых я привел примеры, и под самую категорию субстанции подойдет бесконечное число явлений.

29. Какая была мне от этого польза? А вред был. Считая, что вообще всё существующее охвачено этими десятью категориями, я пытался и Тебя, Господи, дивно простого и не подверженного перемене, рассматривать как субъект Твоего величия или красоты²²⁹, как будто они были сопряжены с Тобой, как с субъектом, т. е. как с телом, тогда как Твое величие и Твоя красота это Ты сам. Тело же не является великим или прекрасным потому, что оно тело: меньшее или менее красивое, оно все равно остается телом.

Ложью были мои мысли и о Тебе, а не истиной: жалкий вымысел мой, не блаженная крепость Твоя. Ибо Ты повелел, и так и стало со мной: земля «начала рожать мне терния и волчцы»²³⁰, и с трудом получал я хлеб свой.

30. И какая польза была для меня, что я, в то время негодный раб злых страстей, сам прочел и понял все книги, относившиеся к так называемым свободным искусствам²³¹, какие

²²⁶ Ин. 3:29.

²²⁷ Пс. 50:10.

²²⁸ «Категории» Аристотеля образуют первую часть *Organon* (собрание трактатов по логике); подлинность их теперь оспаривается многими, но вопрос остается неразрешенным. Книгу эту обильно комментировали в первые века по Р.Х., особенно неоплатоники. Переведенная на латынь Марием Викторином, она стала в Средние века на Западе фундаментом для преподавания логики. Этот перевод, вероятно, и читал Бл. Августин. Аристотель перечисляет предикаты, которые могут быть приложены к субъекту: *ουοια* – качество; *λοτος* – какой величины; *λοσοος* – какого качества; *τροοο τι* – в каком отношении к тому-то; *τι* – где; *ποτε* – когда; *κειοοια* – положение; *εϕειν* – состояние; *λαειν* – что делает; *λαοεοοο* – что переносит. Находясь под влиянием манихейской антропологии, Бл. Августин считал, что эти девять категорий приложимы и к Богу, как субъекту, отличному от атрибутов величия, красоты и т. д.

²²⁹ Различие между субстанцией и ее признаками неприложимо к Богу.

²³⁰ Быт. 3:18.

²³¹ Какие это были книги? Прежде всего «*Novem disciplinarum libri*» Варрона (первая латинская энциклопедия свободных искусств), служившая источником для работ на те же темы в Касициаке, которые Бл. Августин начал вскоре после своего обращения, но не довел до конца. Книга Варрона утеряна, как и другие книги, которые читал Августин. Об объеме тогдашних знаний Бл. Августина можно судить только на основании его же сочинений. Он хорошо был знаком с астрономией и арифметикой. Знатоки первой – их называли «математиками» – включали в себя два класса: настоящих специалистов – астрономов и астрологов, составителей гороскопов. Бл. Августин много занимался книгами последних, но интересовался и настоящей астрономией. Знал он и принципы «арифметики» своего времени, т. е. теорию чисел и ряд числовых операций, которые можно рассматривать как преддверие алгебры. Руководством был тот же Варрон, его «*De arithmetica, de principiis numerorum*» – учение о числах в духе пифагорейской школы, придававшей числам мистическое значение (напр., 10, символ Вселенной: пифагорейская тетрада (четверница): 1 † 2 † 3 † 4). Читал он, вероятно, и «*Introductio arithmetica*» Никомаха из Геразы, пифагорейца

только мог прочесть? Я радовался, читая их, и не понимал, откуда в них то, что было истинного и определенного. Я стоял спиной к свету, а лицом к тому, что было освещено; и лицо мое, повернутое к освещенным предметам, освещено не было. Тебе известно, Господи, что я узнал, без больших затруднений и без людской помощи, в красноречии, диалектике, геометрии, музыке и арифметике; и быстрая сообразительность и острая проницательность – Твои дары, но не Тебе приносил я их в жертву. Они были мне не на пользу, а скорее на гибель, потому что я жадно стремился овладеть доброй долей имущества своего, но «не сохранил для Тебя сил своих», а ушел от Тебя прочь, в дальнюю страну, чтобы расточить все на блудные страсти²³². Какая польза была мне от хорошего, если я не умел им хорошо пользоваться? А я стал понимать, как трудно даются эти науки даже прилежным и толковым ученикам, когда, пытаясь их разъяснить, увидел, что самого выдающегося среди моих учеников хватало лишь на то, чтобы не так уж медленно усваивать мои объяснения.

31. Какая была мне польза в этом, если я думал, что Ты, Господи, Бог истины, представляешь собой огромное светящееся тело, а я обломок этого тела? Предел извращенности! Но именно таков был я тогда! Я не краснею, Господи, исповедуя пред Тобой милосердие Твое ко мне и призывая Тебя: я ведь не краснел, богохульно проповедуя пред людьми и лая на Тебя.

Какая польза была мне от моего ума, так легко справлявшегося с этими науками, и от такого количества запутаннейших книг, распутанных без помощи учителя, если я безобразно кощунствовал и гнусно заблуждался в науке благочестия? Во вред ли был для малых Твоих ум гораздо более медлительный, если они не уходили от Тебя прочь, безмятежно оперялись в гнезде Церкви Твоей и выращивали крылья любви, питаясь пищей здоровой веры?

Господи, Боже наш, «в тени крыл Твоих обретем мы надежду»: укрой нас и понеси нас. «Ты понесешь, Ты понесешь малых детей и до седин будешь нести их»²³³ – ибо сила наша тогда сила, когда это Ты; то лько наша – она бессилие. Наше благо всегда у Тебя, и, отвращаясь от него, мы развращаемся. Припадем к Тебе, Господи, да не упадем: у Тебя во всей целости благо наше – Ты сам: мы не боимся, что нам некуда вернуться, потому что мы рухнули вниз: в отсутствие наше не рухнул дом наш, вечность Твоя.

и последователя Платона конца I в. по Р.Х., которого Апулей перевел по-латыни.

²³² Как блудный сын из евангельской притчи (Лк. 15).

²³³ Пс. 62:8; Ис. 46:3–4.

Книга пятая

I

1. Прими исповедь мою, приносимую в жертву Тебе языком моим²³⁴, который Ты создал и побудил исповедовать имя Твое; выздоровели все кости мои: пусть же они скажут: «Господи! Кто подобен Тебе?»²³⁵ Ничего нового не сообщает Тебе человек, исповедуясь в том, что происходит с ним, ибо не закрыто взору Твоему закрытое сердце, и не отталкивает человеческая жесткость десницу Твою: Ты смягчаешь ее, когда захочешь, милосердая или отмщая: «и нет никого, кто укрылся бы от жара Твоего»²³⁶. Да хвалит Тебя душа моя, чтобы возлюбить Тебя. Неумолчно хвалят Тебя все создания Твои: всякая душа, обратившаяся к Тебе, своими устами; животные и неодушевленная природа устами тех, кто их созерцает. Да воспрянет же в Тебе душа наша от усталости: опираясь на творения Твои, пусть дойдет к Тебе, дивно их сотворившему: у Тебя обновление и подлинная сила.

II

2. Пусть уходят и бегут от Тебя мятущиеся и грешные. Ты видишь их, Ты распределяешь и тени²³⁷. И вот – мир прекрасен и с ними, хотя они сами мерзки²³⁸. Но чем повредили они Тебе?²³⁹ Чем обесчестили власть Твою – полную и справедливую от небес и до края земли. Куда бежали, убежав от лица Твоего? Где не найдешь Ты их? Они убежали, чтобы не видеть Тебя, видящего их, и в слепоте своей наткнуться на Тебя, ибо Ты не оставляешь ничего Тобой созданного. Да, чтобы наткнуться на Тебя в неправде своей и по правде Твоей нести наказание: уклонившись от кротости Твоей, натыкаются они на справедливость Твою и падают в суровость Твою. Не знают они, что Ты всюду и нет места, где Тебя бы не было; Ты, единственный, рядом даже с теми, кто далеко ушел от Тебя²⁴⁰. Пусть же обратятся, пусть ищут Тебя; если они оставили Создателя своего, то Ты не оставил создание Свое. Пусть сами обратятся, пусть ищут Тебя – вот Ты здесь, в сердце их, в сердце тех, кто исповедуется у Тебя и кидается к Тебе и плачет на груди Твоей после трудных дорог своих. И Ты, благостный, отираешь слезы их; они плачут еще больше и радуются, рыдая, потому что Ты, Господи, не человек, не плоть и кровь, но Ты, Господи, их Создатель, обновляешь и утешаешь их. И где я был, когда искал Тебя? Ты был предо мною: я же далеко ушел от себя, я не находил себя; как же было найти Тебя!

---

²³⁴ De manu linguae meae: в подлиннике «рукой языка моего» ср.: XI, 13 «рука уст моих»; IX, 2 «возвещать языком тростника».

²³⁵ Пс. 34:10.

²³⁶ Пс. 18:7 и Пс. 138:15; две первые главы представляют собой как бы комментарий к этому псалму.

²³⁷ Грешники представляют собой как бы темные пятна в общей картине мира.

²³⁸ «Весь мир (universitas rerum) похож на картину, где черная краска наложена на свое место; он прекрасен даже со своими грешниками, хотя, если их рассматривать самих по себе, они безобразны». («О граде Божиим», XI, 23.)

²³⁹ «В Писании говорится о врагах Божиих. Они противятся Богу не вследствие природы своей, но вследствие своих пороков; Ему повредить они не могут, они вредят себе. Они враги Богу по желанию своему противиться Ему, а не по силам, позволяющим нанести Ему ущерб». («О граде Божиим», 12, 3.) Оба места – скрытая полемика с манихеями, считавшими, что царь мрака одержал реальную победу над царством света.

²⁴⁰ «Нет никого, в ком Бог не присутствовал бы; он со всеми – и с теми, кто этого не знает» (Плотин. Эннеады. 6, 9, 7).

Ш

3. Я расскажу пред очами Господа моего о том годе, когда мне исполнилось двадцать девять лет.

В Карфаген приехал некий манихейский епископ по имени Фавст²⁴¹. Это была страшная сеть дьявольская²⁴², и многие запутывались в ней, прельщенные его сладкоречием, которое и я хвалил, различая, однако, между ним и истинной сутью вещей, познать которую так жадно стремился. Я вглядывался не в словесный сосуд, а в то, какое знание предлагает мне отвесть из него этот, столь известный у них, Фавст. Молва уже заранее сообщала мне, что он весьма осведомлен о всех высоких учениях и особенно сведущ в науках свободных. Так как я прочел много философских книг²⁴³ и хорошо помнил их содержание, то я и стал сравнивать некоторые их положения с бесконечными манихейскими баснями: мне казались более вероятными слова тех, «у кого хватило разумения исследовать временный мир», хотя «не обрели они Господа его»²⁴⁴. Ибо «высок ты, Господи, и смиренного видишь и гордого узнаешь издали»²⁴⁵, но приближаешься только «к сокрушенным сердцем», гордые не находят Тебя, хотя бы даже в ученой любознательности своей сочли они заезды и песчинки, измерили звездные просторы и исследовали пути светил.

4. Они производят эти исследования, руководствуясь разумом и способностями, которые Ты им дал: многое нашли они и предсказали за много лет вперед солнечные и лунные затмения, их день, их час и каковы они будут. Вычисления не обманули их: все происходит так, как они предсказали. Они записали законы, ими открытые; их и сегодня знают и по ним предсказывают, в каком году, в каком месяце этого года, в какой день этого месяца и в какой час этого дня луна или солнце затемнится в такой-то своей части. Все и произойдет так, как предсказано.

Дивятся и поражаются люди, не осведомленные в этой науке; ликуют и кичатся осведомленные. В нечестивой гордости отходя от Тебя и удаляясь от Твоего света, они задолго предвидят будущее затмение солнца и не видят собственного в настоящем. Они благоговейно не разыскивают, откуда у них способности, с помощью которых они все это разыскивают. И даже найдя, что Ты создал их, они не вручают себя самих Тебе, чтобы Ты сохранил их, как создание Свое, и не закалывают Тебе в жертву то, что они сами из себя сделали: они не убивают для Тебя ни своих превозносящихся мыслей, как «птиц»; ни своего любопытства, как «рыб морских», – а оно заставляет их бродить по тайным «стежам пропасти», – ни своего распутства, как «полевых скотов»²⁴⁶, – дабы Ты, Господи, «огнь поядающий»²⁴⁷, уничтожил их мертвенные заботы, а их воссоздал для бессмертия.

²⁴¹ Фавст из Милева (ныне Мила, город в Нумидии в 50 км к с.-в. от Константины) родился в бедной языческой семье, перешел в манихейство, провел часть жизни в Риме, где стал епископом манихеев (у манихеев было 72 «епископа»; над ними стояло 12 «учителей» и «глава учителей»; им были подчинены священники и диаконы). Вероятно, в 382 г. приехал в Карфаген, где и оставался до отъезда Августина. Около 385 г. был обвинен в манихействе и сослан на пустынный остров. Он написал книгу, в которой излагал основы манихейской религии. Бл. Августин ответил на нее ок. 400 г. сочинением «Против Фавста» из 33 книг: каждая из них начинается длинной цитатой из произведения Фавста. См.: «Memoires des l'Academie des inscriptions et Belles» – Lettres, Paris, 1924.

²⁴² 1 Тим. 3:7.

²⁴³ Судя по контексту, речь идет о сочинениях по астрономии и естественной истории, но Бл. Августин был вообще знаком с древней философией. Сведения свои он черпал из многих почтенных источников: знал доксграфический сборник Корнелия Цельса «Opiniones omnium philosophorum», «Physicae opiniones» Феофраста; «Successiones» Сотина с их биографическими указаниями. Дильс считал, что философское образование Августина было значительно выше обычного уровня. (H. Diels. «Doxographi graeci», 1879, Berl., p. 174.)

²⁴⁴ Прем. 13:9. Точность астрономических вычислений весьма выигрывала при сравнении с «манихейскими баснями». Наука помогла Августину уйти от манихеев.

²⁴⁵ Пс. 137:6.

²⁴⁶ Бл. Августин любил истолковывать аллегорические библейские образы. «Посмотри на „птиц небесных“, на этих гордецов, о которых сказано, что до неба вознесли они главу свою. Посмотри, как ветром уносит их ввысь. Посмотри на „рыб

5. Они не познали Пути, Слова Твоего, Которым Ты создал и то, что они вычисляют, и тех, кто вычисляет, и чувство, которым они различают предметы вычислений, и разум, с помощью которого вычисляют: «мудрость же Твоя неисчислима»²⁴⁸. Сам же Единородный Сын Твой «сделался для нас мудростью, праведностью и освящением»; но Он считался одним из нас и платил подать кесарю²⁴⁹.

Они не познали этого Пути, чтобы спуститься Им от себя к Нему и через Него к Нему подняться. Они не познали этого Пути; они думают, что вознеслись к звездам и сияют вместе с ними – и вот рухнули они на землю, и «омрачилось безумное сердце их»²⁵⁰.

Много верного сообщают они о твари, Истину же, Мастера твари, не ищут благоговейно и потому не находят, а если и найдут, то, «познав Бога, не прославляют Его, как Бога, и не благодарят, но суетствуют в умствованиях своих и называют себя мудрыми»: себе приписывают Твое и поэтому, извращенные и слепые, стараются Тебе приписать свое; переносят ложь свою на Тебя, Который есть Истина: «изменяя славу нетленного Бога в образ подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим и пресмыкающимся, заменили они истину Божию ложью и поклоняются и служат твари вместо Творца»²⁵¹.

6. Я запомнил, однако, у них много верного из наблюдений над природой. Их разумные объяснения подтверждались вычислениями, сменой времен, видимым появлением звезд. Я сравнивал их положения со словами Мани, изложившего свой бред в множестве пространнейших сочинений: тут не было разумного объяснения ни солнцестояний, ни равноденствий, ни затмений, вообще ни одного из тех явлений, с которыми я ознакомился по книгам мирской мудрости²⁵². Мне приказано было верить тому, что совершенно не совпадало с доказательствами, проверенными вычислением и моими собственными глазами, и было тому совершенно противоположно.

IV

7. Господи, Боже истины, разве тот, кто знает это, уже угоден Тебе? Несчастен человек, который, зная всё, не знает Тебя; блажен, кто знает Тебя, даже если он не знает ничего другого. Ученого же, познавшего Тебя, сделает блаженнее не его наука: чрез Тебя одного он блажен, «если, познав Тебя, прославит Тебя как Бога, и возблагодарит и не осуетится в умствованиях своих». Лучше ведь обладать деревом и благодарить Тебя за пользу от него, не зная, сколько в нем локтей высоты и на какую ширину оно раскинулось, чем знать, как его вымерить, как сосчитать все его ветви, но не обладать им, не знать и не любить его Создателя. Так и верному Твоему принадлежит весь мир со всем богатством своим, и, как будто ничего не имея, «он обладает всем»²⁵³, прилепившись к Тебе, которому служит всё. Пусть он не знает, как вращается Большая Медведица; глупо сомневаться, что ему лучше, чем тому, кто измеряет

морских“, т. е. на любопытных, „которые разгуливают по стезям морским“, т. е. в пропастях века сего ищут временное – то, что так же быстро исчезает, как „стеzi морские“: их заливают водой сразу же после того, как по ним прошли... „Полевыми скотами“ всего правильное обозначить людей, радующихся плотским наслаждением» («На Псалмы», 8, 9).

²⁴⁷ Втор. 4:24.

²⁴⁸ Пс. 146:5.

²⁴⁹ Божественная мудрость неисчислима, но Христос, Который был этой мудростью (1 Кор. 1:30), допустил, чтобы Его «посчитали» как плательщика податей (Мф. 22:17–21), показав тем свое смирение, столь противоположное гордости философов.

²⁵⁰ «Рухнули»... Ср. Ис. 14:12–13: «Как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился о землю... А говорил в сердце своем: „Взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой“».

²⁵¹ Рим. 1:21–25.

²⁵² «Он (Мани) учил нас о строении мира, о том, почему он создан, из чего создан... учил, почему бывает день и почему ночь, учил о движении солнца и луны» (Акты против Феликса, 1, 9). Вот как, напр., манихеи объясняли фазы луны: она увеличивалась по мере того, как ее нагружали освобожденными частицами света. Перевезя их на солнце, она скрывалась.

²⁵³ 2 Кор. 6:10.

небо, считает звезды, взвешивает вещества – и пренебрегает Тобою, который «всё расположил мерою, числом и весом»²⁵⁴.

V

8. Кто, однако, требовал, чтобы какой-то Мани писал об этих предметах? Чтобы обучиться благочестию, не нужно о них знать. Ты ведь сказал человеку: «Вот, благочестие и есть мудрость»²⁵⁵. Он мог не ведать об этой мудрости, хотя бы и в совершенстве овладел наукой. Она, однако, вовсе не была ему знакома, но он бесстыдно осмеливался поучать. О мудрости, разумеется, он ничего уже знать не мог. Проповедовать мирское знание, даже хорошо себе известное, дело суетное; исповедовать Тебя – это благочестие. Сбившись как раз с этого пути, он много говорил по вопросам научным, и был опровергнут настоящими знатоками. Ясно отсюда, каким могло быть его разумение в области, менее доступной. Он же не соглашался на малую для себя оценку и пытался убедить людей, что Дух Святой, утешитель и обогатитель верных Твоих, лично в полноте своего авторитета обитает в нем²⁵⁶. Его уличили в лживых утверждениях относительно неба, звезд, движения солнца и луны; хотя это и не имеет отношения к науке веры, тем не менее кощунственность его попыток выступает здесь достаточно: говоря в своей пустой и безумной гордыне о том, чего он не только не знал, но даже исказил, он всячески старался приписать эти утверждения как бы божественному лицу.

9. Когда я слышу, как кто-нибудь из моих братьев христиан, человек невежественный, судит вкривь и вкось о вопросах научных, я терпеливо взираю на его мнения: я вижу, что они ему не во вред, если он не допускает недостойных мыслей о Тебе, Господи, Творец всего, и только ничего не знает о положении и свойствах телесной природы. Будет во вред, если он решит, что эти вопросы имеют отношение к сущности вероучения, и осмелится упрямо настаивать на том, чего он не знает. Такую немощность, впрочем, материнская любовь переносит у тех, кто верой еще младенец, ожидая пока новый человек не восстанет в «мужа совершенного», которого нельзя будет «завертеть ветром всякого учения»²⁵⁷. Кто же не сочтет ненавистным и отвратительным безумие человека, который, будучи столько раз уличен во лжи, осмелился предстать перед теми, кого он убеждал, как такой учитель, основоположник, вождь и глава, что последователи его думали, будто они следуют не за простым человеком, а за Духом Твоим Святым? Мне, впрочем, самому не было вполне ясно, можно ли объяснить, согласно и с его словами, смену долгих и коротких дней и ночей, самую смену дня и ночи, затмения светил и тому подобные явления, о которых я читал в других книгах. Если это оказалось возможным, то я всё же оставался бы в нерешительности, действительно это так, или же нет. Я поддерживал, однако, свою веру его авторитетом, будучи убежден в его святости.

VI

10. Почти девять лет, пока я в своих душевных скитаниях прислушивался к манихеям, напряженно ожидал я прибытия этого самого Фавста. Другие манихеи, с которыми мне довелось встречаться, будучи не в состоянии ответить на мои вопросы по этим поводам, обещали мне в нем человека, который, приехав, в личной беседе очень легко, со всей ясностью, распутает мне не только эти задачи, но и более сложные, если я стану его о них спрашивать.

---

²⁵⁴ Прем. 11:21.

²⁵⁵ Иов. 28:28.

²⁵⁶ Трудно сказать, был ли Св. Дух в понимании Мани тем же, чем и в понимании христиан. Некоторые ученые думают, что под Утешителем он понимал мудреца, посланного Христом очистить и усовершенствовать христианство. «Обогатитель» – ditator – слово это встречается впервые.

²⁵⁷ Еф. 3:13–14, 24; 1 Петр. 2:2.

Когда он прибыл, я нашел в нем человека милого, с приятною речью; болтовня его о манихейских обычных теориях звучала гораздо сладостнее. Что, однако, в драгоценном кубке поднес к моим жаждущим устам этот изящнейший виночерпий? Уши мои пресытились уже такими речами: они не казались мне лучшими потому, что были лучше произнесены; истинными потому, что были красноречивы; душа не казалась мудрой, потому что у оратора выражение лица подобающее, а выражения изысканны. Люди, обещавшие мне Фавста, не были хорошими судьями. Он казался им мудрецом только потому, что он услаждал их своей речью.

Я знал другую породу людей, которым сама истина кажется подозрительной, и они на ней не успокоятся, если ее преподнести в изящной и пространной речи. Ты же наставил меня, Господи, дивным и тайным образом: я верю, что это Ты наставил меня, ибо в этом была истина, а кроме Тебя нет другого учителя истины, где бы и откуда бы ни появился ее свет. Я выучил у Тебя, что красноречивые высказывания не должны казаться истиной потому, что они красноречивы, а нескладные, кое-как срывающиеся с языка слова, лживыми потому, что они нескладны, и наоборот: безыскусственная речь не будет тем самым истинной, а блестящая речь тем самым лживой. Мудрое и глупое – это как пища, полезная или вредная, а слова, изысканные и простые, – это посуда, городская и деревенская, в которой можно подавать и ту и другую пищу.

11. Жадность, с которой я столько времени ожидал этого человека, находила себе утешение в оживленном ходе его рассуждений и в той подобающей словесной одежде, в которую он с такой легкостью одевал свои мысли. Я наслаждался вместе со многими и расхваливал и превозносил его даже больше многих, но досадовал, что не могу в толпе слушателей предложить ему вопросы, меня тревожившие, и поделиться ими, обмениваясь мыслями в дружеской беседе. Когда же, наконец, случай представился, я вместе с моими друзьями завладел им в то время, когда такое взаимное обсуждение было вполне уместно, и предложил ему некоторые из вопросов, меня волновавших. Я прежде всего увидел человека, совершенно не знавшего свободных наук, за исключением грамматики, да и то в самом обычном объеме. А так как он прочел несколько речей Цицерона, очень мало книг Сенеки, кое-что из поэтов и тех манихеев, чьи произведения были написаны хорошо и по-латыни, и так как к этому прибавлялась еще ежедневная практика в болтовне, то всё это и создавало его красноречие, которое от его ловкой находчивости и природного очарования становилось еще приятнее и соблазнительнее. Правильны ли воспоминания мои, Господи, Боже мой, Судья моей совести? Сердце мое и память моя открыты Тебе; Ты уже вел меня в глубокой тайне Промысла Твоего и обращал лицом к постыдным заблуждениям моим, чтобы я их увидел и возненавидел.

VII

12. После того, как ясна мне стала полная неосведомленность Фавста в тех науках, великим знатоком которых я почитал его, стал я отчаиваться в том, что он может объяснить и разрешить вопросы, меня волновавшие. Ничего в них не понимая, он всё же мог обладать истиной веры, не будь он манихеем. Книги их полны нескончаемых басен о небе и звездах, о солнце и луне; я уже не рассчитывал на то, чего мне так хотелось, а именно что он сможет, сравнив их с вычислениями, вычитанными мною в других книгах, до тонкости объяснить мне, так ли всё и обстоит, как об этом написано у манихеев, или хотя бы показать, что их доказательства не уступают по силе другим. Когда я предложил ему рассмотреть и обсудить эти вопросы, он скромно не осмелился взвалить на себя такую ношу. Он знал, чего он не знает, и не стыдился в этом сознаться. Он не принадлежал к тем многочисленным болтунам, которых мне приходилось терпеть и которые, пытаясь меня учить, ничего не могли сказать. У Фавста «сердце не было право»²⁵⁸ по отношению к Тебе, но было очень осторожно по отношению к себе самому. Он

²⁵⁸ Деян. 8:21.

не был вовсе неосведомлен в своей неосведомленности и не хотел, кинувшись очертя голову в спор, оказаться в тупике: и выйти некуда, и вернуться трудно. За это он понравился мне еще больше. Скромное признание прекраснее, чем знание, которое я хотел получить; он же во всех трудных и тонких вопросах, – я видел это, – вел себя неизменно скромно.

13. Рвение, с которым бросился я на писания Мани, охладело; еще больше отчаялся я в других учителях после того, как знаменитый Фавст оказался так невежествен во многих волновавших меня вопросах²⁵⁹. Я продолжал свое знакомство с ним, потому что он страстно увлекался литературой, а я, тогда карфагенский ритор, преподавал ее юношам. Я читал с ним книги – или о которых он был наслышан и потому хотел прочесть их, или которые я считал подходящими для такого склада ума. Знакомство с этим человеком подрезало все мои старания продвинуться в этой секте; я, правда, не отошел от них совсем, но вел себя, как человек, который, не находя пока ничего лучшего, чем учение, в которое он когда-то вслепую ринулся, решил пока что это этим и довольствоваться в ожидании, не высветлится ли случайно что-то, на чем надо остановить свой выбор.

Таким образом, Фавст, для многих оказавшийся «силком смерти»²⁶⁰, начал, сам того не желая и о том не подозревая, распутывать тот, в который я попался. Рука Твоя, Господи, в неисповедимости Промысла Твоего, не покидала души моей. Мать моя приносила Тебе в жертву за меня кровавые, из сердца денно и ночью лившиеся слезы, и Ты дивным образом поступил со мною. Ты, Господи, так поступил со мною, ибо «Господом утверждаются стопы человека, и Он благоволит к пути его»²⁶¹. И кто подаст нам спасение, как не рука Твоя, обновляющая создание Твое?

VIII

14. Рука Твоя была в том, что меня убедили переехать в Рим и лучше там преподавать то, что я преподавал в Карфагене. Я не премину исповедать Тебе, что побудило меня к этому переезду: глубина, в которой Ты скрываешься, и милосердие Твое, которое всегда тут с нами, достойны размышления и хвалы.

Я решил отправиться в Рим не потому, что друзья, убеждавшие меня, обещали мне больший заработок и более видное место, хотя и то и другое меня тогда привлекало; главной же и почти единственной причиной были рассказы о том, что учащаяся молодежь ведет себя в Риме спокойнее, что их сдерживает строгая и определенная дисциплина, и они не смеют дерзко и беспорядочно врывать в помещение к чужому учителю: доступ к нему в школу открыт вообще только с его разрешения. В Карфагене же, наоборот, среди учащихся царит распущенность мерзкая, не знающая удержа. Они бесстыдно вламываются в школу и, словно обезумев, нарушают порядок, заведенный учителем для пользы учения. С удивительной тупостью наносят они тысячу обид, за которые следовало бы по закону наказывать; но обычай берет их под свое покровительство. Они тем более жалки, что совершают, как нечто дозволенное, поступки, которые никогда не будут дозволены по вечному закону Твоему; они считают себя в полной безнаказанности, но их наказывает слепота к собственному поведению; они потерпят несравненно худшее, чем то, что делают. Учась, я не хотел принадлежать к этой толпе; став учителем, вынужден был терпеть ее около себя. Поэтому мне и хотелось отправиться туда, где, по

²⁵⁹ Образование Фавста должно было казаться очень скудным Бл. Августину, который уже в раннем своем произведении («Против академиков», 3, 17–19) вкратце изложил историю философии от Платона до неоплатоников. В «Граде Божиим» он цитирует Платона, Плотина, Порфирия, Гомера, Вергилия, Энния, Горация, Лукиана, Персия, Плавта, Теренция, Цицерона, Саллюстия, Ливия, Плиния, Сенеку, Апулея, Варрона, Геллия, Флора, не говоря уже о церковных писателях.

²⁶⁰ Пс. 17:6.

²⁶¹ Пс. 36:23.

расскажам всех осведомленных людей, ничего подобного не было²⁶². На самом же деле, это «Ты, надежда моя и часть моя на земле живых»²⁶³, побудил меня, ради спасения души моей, переменить место на земле: в Карфагене Ты бичом меня стегал, чтобы вырвать оттуда; в Риме приманки расставлял, чтобы привлечь туда, – действовал через людей, любивших эту жизнь смерти; здесь они творили безумства, там сыпали пустыми обещаниями; чтобы направить шаги мои, Ты втайне пользовался их и моею развращенностью. Те, кто нарушал мой покой, были ослеплены мерзким бешенством; те, кто звал к другому, были мудры по-земному. И я, ненавидевший здесь подлинное страдание, стремился туда – к мнимому счастью.

15. Ты знал, Господи, почему я уезжал из Карфагена и ехал в Рим, но не подал об этом никакого знака ни мне, ни матери моей, которая горько плакала о моем отъезде и провожала меня до самого моря. Она крепко ухватилась за меня, желая или вернуть обратно, или отправиться вместе со мной, но я обманул ее, сочинив, что хочу остаться с приятелем, пока он не отплывает с поднявшимся ветром.

Я солгал матери – и такой матери! и ускользнул от нее. И это Ты милосердно отпустил мне, сохранив меня, полного грязи и мерзости, от морских вод и приведя к воде благодати Твоей, омывшись которой я осушил потоки материнских слез, которыми она ежедневно орошала пред Тобою землю, плача обо мне. Она отказывалась вернуться без меня, и я с трудом убедил ее провести эту ночь в часовне св. Киприана²⁶⁴, поблизости от нашего корабля. И в эту ночь я тайком отбыл, она же осталась, молясь и плача. О чем просила она Тебя, Господи, с такими слезами? о том, чтобы Ты не позволил мне отплыть? Ты же, в глубине советов Своих, слыша главное желание ее, не позаботился о том, о чем она просила тогда: да сделаешь из меня то, о чем она просила всегда. Подул ветер и наполнил паруса наши и скрыл от взглядов наших берег, где она утром, обезумев от боли, наполняла уши Твои жалобами и стонами, которые Ты презрел: Ты влек меня на голос моих страстей, чтобы покончить с этими страстями, а ее за ее плотскую тоску хлестала справедливая плеть боли. Она любила мое присутствие, как все матери, только гораздо больше, чем многие матери, и не ведала, сколько радости готовишь Ты ей моим отсутствием. Она не ведала этого и поэтому плакала и вопила, и в этих муках сказывалось в ней наследие Евы: в стенаниях искала она то, что в стенаниях породила. И, однако, после обвинений меня в обмане и жестокости она опять обратилась к молитвам за меня и вернулась к обычной своей жизни; я же прибыл в Рим.

IX

16. И вот настигла меня плетью своей телесная болезнь; я уже шел в ад, унося с собою все грехи, которые совершил пред Тобою, перед самим собою и перед другими, – великое и тяжкое звено, добавленное к оковам первородного греха, которым «мы все умираем в Адаме»²⁶⁵. Ты ничего еще не отпустил мне во Христе, ибо он «не упразднил» еще на кресте своем «вражды»²⁶⁶, которая была у меня с Тобою за грехи мои. Мог ли упразднить ее

²⁶² В Риме студенты находились под надзором гражданских властей: Кодекс Феодосия, 14, 9, 1. О студенческих нравах того времени см.: И. Цветаев. Из жизни высших школ Римской империи. М., 1902, с. 78–114.

²⁶³ Пс. 141:5.

²⁶⁴ Часовня была расположена на Новой площади к северу от Карфагена. В дальнейшей жизни Бл. Августин находился под большим влиянием сочинений этого великого карфагенского епископа, которого чтили и как мученика за веру (казнен в 258 г.), и как мудрого и опытного пастыря. Августин часто ссылался на него в спорах с донатистами, как на борца за единство Церкви.

²⁶⁵ Первородный грех, по Бл. Августину, включает: 1) наследственную вину и как следствие ее смертность; 2) беспорядочность и слабость человеческой души, выражающуюся: а) в бессилии воли, неспособной решиться на доброе; б) в незнании Бога и добра; в) в активном стремлении к злу. Мысли эти коренились в собственном опыте и самонаблюдении – «умирали в Адаме» (1 Кор. 15:22).

²⁶⁶ Еф. 2:15–16.

этот распятый призрак, в которого я верил? Насколько мнимой казалась мне Его плотская смерть²⁶⁷, настолько подлинной была смерть моей души и насколько подлинной была Его плотская смерть, настолько мнимой была жизнь моей души, не верившей в Его смерть.

Лихорадка моя становилась всё тяжелее; я уходил и уходил в погибель. Куда ушел бы я, если бы отошел тогда? Конечно, по справедливому порядку Твоему, только в огонь и муки, достойные моих дел. А мать не знала этого, но молилась в отсутствии. Ты же, присутствуя везде, услышал ее там, где была она, и сжалился надо мною там, где был я: телесное здоровье вернулось ко мне, еще больному кощунственным сердцем своим. Я ведь не захотел принять Твоего Крещения, даже в такой опасности; был я лучше мальчиком, когда требовал от благочестивой матери своей, чтобы она окрестила меня; об этом я вспоминал уже, исповедуясь Тебе. Я возрос на позор себе и, безумный, смеялся над Твоим врачеванием, но Ты не позволил мне, такому, умереть двойной смертью²⁶⁸. Если бы такая рана поразила сердце моей матери, она никогда бы не оправилась. Я не могу достаточно выразить, как она любила меня; она вынашивала меня в душе своей с гораздо большей тревогой, чем когда-то носила в теле своем.

17. Я не знаю, как могла бы она оправиться, если бы в самой глубине любви своей была она пронзена такой смертью моей. Где же были горячие, такие частые, непрерывные молитвы? Только у Тебя. Разве Ты, Господи милосердия, «презрел бы сердце сокрушенное и смиренное»²⁶⁹ чистой скромной вдовы, прилежно творившей милостыню, охотно служившей служителям Твоим, не пропускавшей ни одного дня, чтобы не принести жертву к Твоему алтарю²⁷⁰; дважды в день, утром и вечером, неизменно приходившей в церковь Твою не для пустых сплетен и старушечьей болтовни, а чтобы услышать Тебя в словах Твоих и быть услышанной Тобой в молитвах своих. Такою создала ее благодать Твоя. Ее ли слезами пренебрег бы Ты, ее ли бы оттолкнул и не подал ей помощи, когда она просила у Тебя не золота и серебра, не бранных и преходящих благ, а душевного спасения сыну? Нет, Господи, нет. Ты находился тут, Ты слышал ее и сделал всё так, как это было predetermined Тобой. Невозможно, чтобы Ты обманывал ее в тех видениях и ответах Твоих, из которых я одни упоминал, а другие не упоминал и которые она хранила верным сердцем и, постоянно молясь, предъявляла Тебе, как собственноручное Твое обязательство. И Ты удостоил, «ибо во веки милость Твоя»²⁷¹, перед теми, кому Ты отпускаешь все долги их, оказаться должником, обязанным исполнять обещания свои.

X

18. Итак, Ты исцелил меня от этой болезни и спас сына служанки Твоей, пока еще только телесно, чтобы было кому даровать спасение более действительное и надежное.

Я и в Риме опять связался с этими «святыми» обманутыми обманщиками²⁷², и на этот раз не только со «слушателями», в числе которых находился и тот человек, в чьем доме я хворал и выздоровел, но и с теми, кого они зовут «избранными»²⁷³. Мне до сих пор еще казалось, что это не мы грешим, а грешит в нас какая-то другая природа; гордость моя услаждалась тем, что я не причастен вине, и если я делал что-нибудь худое, то я не исповедовался в своем проступке,

²⁶⁷ Всякая материя, по мнению манихеев, принадлежит к царству мрака. Поэтому они утверждали, что Христос не имел реального человеческого тела и крестная смерть была мнимой.

²⁶⁸ То есть телесной и духовной.

²⁶⁹ Пс. 50:19.

²⁷⁰ То есть хлеб и вино для Евхаристии.

²⁷¹ Пс. 117:1; Пс. 137:8.

²⁷² Антитеза, часто встречающаяся у разных писателей (Филон, Дион Хрисостом, Юлиан). Вендланд полагал, что она идет от Гераклита. См. Wendland P. «Betrogene Betrüger», Rhein. Museums, 1894, В. 49, 5. 309–310.

²⁷³ См. прим. 49 к книге III.

чтобы «Ты исцелил душу Мою, ибо согрешил я пред Тобою»²⁷⁴, мне лестно было извинять себя и обвинять что-то другое, что было со мной и в то же время мною не было. На самом же деле я представлял собою нечто цельное²⁷⁵, но мое нечестие разделило меня и поставило против меня же самого: неизлечимое был грех, потому что я не считал себя грешником, и окаянной неправдой, Всемогущий, было желать, чтобы Ты скорее оказался побежден во мне на погибель мою, чем я Тобою во спасение мое²⁷⁶. Ибо еще «Ты не положил, Господи, охрану устам моим и не оградил двери уст моих, дабы не уклонилось сердце мое к словам лукавым для извинения дел греховных вместе с людьми, делающими беззаконие»²⁷⁷, поэтому я и общался с их «избранными».

Я отчаялся уже, однако, в том, что могу найти полезное в их лживом учении, которым решил удовольствоваться, если не найду ничего лучшего; небрежно и кое-как я за него держался.

19. У меня зародилась даже мысль, что наиболее разумными были философы, именуемые академиками, считавшие, что всё подлежит сомнению и что истина человеку вообще недоступна. Мне казалось, как и всем, что они именно так и думали; их намерение было мне еще непонятно²⁷⁸.

Я не упускал случая подавить в моем хозяине чрезмерную доверчивость, с которой он, я видел, относился к сказкам, наполняющим манихейские книги. Я продолжал, однако, быть ближе к манихеям и дружнее с ними, чем с людьми, стоявшими вне этой ереси. Я не защищал ее уже с прежним пылом, и, однако, близость с манихеями (а много их укрывалось в Риме) делала меня ленивее на поиски другого, тем более что я отчаялся, Господи неба и земли, Творец всего видимого и невидимого, найти в Церкви Твоей истину, от которой они меня отвратили: мне казалось великим позором верить, что Ты имел человеческую плоть и был заключен в пределы, ограниченные нашей телесной оболочкой. А так как, желая представить себе Бога моего, я не умел представить себе ничего иного, кроме телесной величины – мне и казалось, что ничего бестелесного вообще и не существует, – то это и было главной и, пожалуй, единственной причиной моего безысходного заблуждения.

20. Поэтому и зло мыслил я как такую же субстанцию, представленную темной и бесформенной величиной, – то плотной, которую они называли землей, то редкой и тонкой, как воздух; они воображали, что это злой дух, ползающий по этой земле. И так как даже мое жалкое благочестие заставляло меня верить, что ни одно злое существо не могло быть создано благим Богом, то я и решил, что существуют две величины, одна другой противоположные, обе они бесконечны, только злая поуже, а добрая пошире²⁷⁹. Это тлетворное начало влекло за собой и другие мои богохульства. Когда душа моя пыталась вернуться к православной вере, то меня отталкивало от нее, потому что мысли мои о ней не соответствовали тому, чем она была на самом деле. Мне казалось благочестивее, Господи, Чье милосердие засвидетельствовано на мне, верить, что Ты во всем безграничен, хотя в одном приходилось признать ограни-

²⁷⁴ Пс. 40:5.

²⁷⁵ То есть зло не было в нем особым началом, которое можно было отделить от его личности.

²⁷⁶ «Добрая душа», по учению манихеев, была частицей Божества. Бл. Августин, следуя манихеям, должен признать, что когда он грешит, то Сам Бог терпит поражение.

²⁷⁷ Пс. 140:3–4.

²⁷⁸ Бл. Августин предполагал, что скептицизм Новой Академии только прикрывал ее подлинную цель: защитить спиритуализм Платона от материалистической критики стоиков и эпикурейцев.

²⁷⁹ По учению манихеев, на севере находится царство добра и света, на юге – мрака и материи; царство мрака вдается клином («клин манихеев») в царство света. Для пояснения этого «клина» Августин взял обычный в римской древности хлеб, который формовали так, что его легко было разломать на четыре клиновидных части; в царстве света было три белых «клина», бесконечных вверх, вниз и в обе стороны; четвертый «клин», черный, принадлежал царству мрака, был бесконечен в глубину и в длину; вверху над этой «землей мрака» простиралась бесконечная пустота (Бл. Августин. «Против манихейских епископов», 21). Стоит отметить иронию в этой комбинации противоречий: бесконечное и более узкое или широкое.

ченность Твою – там, где Тебе противостояла громада зла. Это казалось мне благочестивее, чем считать, что Ты был ограничен во всех отношениях формой человеческого тела. И мне казалось лучше верить в то, что Ты не создал никакого зла (в невежестве своем я представлял его себе не только как некую субстанцию, но как субстанцию телесную, потому что и разум не умел мыслить себе его иначе, как в виде тонкого тела, разлитого, однако, в пространстве), чем верить, что от Тебя произошло то, что я считал злом. Самого же Спасителя нашего, Единородного Сына Твоего, считал я как бы ишедшим для спасения нашего из самой светлой части вещества Твоего, и не желал верить о нем ничему, кроме своей пустой фантазии. Я думал, что он, обладая такую природою, не мог родиться от Девы Марии, не смесившись с плотью. Смеситься же с нею и не оскверниться казалось мне невозможным для такого существа, какое я себе представлял. Поэтому я боялся верить, что Он воплотился, чтобы не быть вынуждену верить, что Он осквернился от плоти²⁸⁰. Люди духовной жизни, если им доведется читать мою исповедь, ласково и любовно посмеются сейчас надо мной, но таким был я.

XI

21. Затем я считал, что в Твоем Писании невозможно защищать те части, на которые манихеи нападали. Иногда, правда, я хотел обсудить каждую в отдельности с кем-нибудь, кто был хорошо осведомлен в этих книгах, и узнать, что он по этому поводу думает. Меня еще в Карфагене поколебали рассуждения некоего Эллидия²⁸¹, открыто выступавшего против манихеев: его словам о Писании противостоять было трудно. Довод манихеев казался мне слабым тем более, что они неохотно доставали его из-под спуда перед всеми, а сообщали только нам втайне: они говорили, что Новый Завет подделан какими-то людьми²⁸², захотевшими привить к христианской вере иудейский закон, но сами не показывали ни одного подлинного текста. А я, думая об этих телесных громадах, словно пленник, задыхавшийся под их тяжестью, не мог перевести дух и вздохнуть чистым и прозрачным воздухом Твоей простой истины.

XII

22. Я прилежно взялся за дело, ради которого я приехал: начал преподавать в Риме риторику и сперва собрал у себя дома несколько учеников, знакомство с которыми доставило мне и дальнейшую известность. И вот я узнаю, что в Риме бывает то, чего в Африке мне не доводилось испытывать: здесь действительно юные негодяи не ставили всего вверх дном – это я сам видел, – но мне рассказывали о другом: «Вдруг, чтобы не платить учителю, юноши начинают между собой сговариваться и толпой переходят к другому. Этим нарушителям слова дороги деньги; справедливость у них стоит дешево». Ненавидело таких сердце мое, хотя и не «совер-

---

²⁸⁰ Понять христологию манихеев довольно трудно, потому что, во-первых, первоначальная концепция ее контаминировалась с местными поверьями; во-вторых, сами манихеи, ввиду ее тайного характера, любили ограничиваться намеками, и, в-третьих, манихейские тексты, касающиеся христологии, сохранены противниками манихеев, которые, опровергая частности, упускали общий смысл. Некоторые положения уловить все-таки можно: владыка света посылает для борьбы с «племенем мрака» «первого человека»; «вы хотите, чтобы сына этого «первого человека» считали Господом Иисусом Христом» («Против Фавста», 2, 3–4). Он не рожден от Девы: человеческое рождение, т. е. смешение с материей, недостойно Божества. Человеческое в Христе только видимость. «У нас три Христа: одного породила земля, зачав от Св. Духа: он висит не только на каждом дереве, но и пребывает в травах; другого распяли иудеи при Понтии Пилате; третий разделен между солнцем и луной» («Против Фавста», 20, 11).

²⁸¹ Кто был этот Эллидий, неизвестно.

²⁸² «Когда противники говорят тебе «докажи», ты не обращаешься к рукописям более верным, более многочисленным, более старым или написанным на другом языке, с которого был сделан перевод. Ты просто говоришь: «Это я принимаю, как подлинное, потому что это меня поддерживает, а то я отвергаю, потому что мне противоречит». Так ты мерило истины?» («Против Фавста», 11, 2).

шенной ненавистью»²⁸³. Может быть, я больше ненавидел их за то, что мне предстояло претерпеть от них, чем за вред, нанесенный другим.

Такие люди, конечно, гадки: они «преданы разврату вдаль от Тебя»²⁸⁴; из любви к быстротечным забавам и грязной наживе, пачкающей руку, которая ее берет, в погоне за этим ускользающим миром, они презирают Тебя, Кто неизменно пребывает, зовет к Себе обратно и прощает блудную человеческую душу, возвращающуюся к Нему. И теперь мне ненавистны такие испорченные и развращенные люди, но я и люблю их, надеясь исправить: пусть предпочтут деньгам науку, которой их учат, а ей Тебя, Господи, Истину, преизбыток надежного блага и чистого мира. Тогда же я скорее не хотел иметь дело с ними, злыми передо мною, чем хотел, чтобы они стали добрыми перед Тобой.

XIII

23. Поэтому, когда из Медиолана прислали к префекту Рима²⁸⁵ с просьбой найти для их города учителя риторики и разрешить ему проезд на казенных лошадях, то я стал искать этого места с помощью тех же самых манихеев, пьяных тщеславием, чтобы избавиться от них, от которых я и уезжал, о чем ни сам я, ни они не подозревали. Было предложено произнести речь: Симмах, бывший тогда префектом, одобрил ее и отправил меня.

Я приехал в Медиолан к епископу Амвросию, к одному из лучших людей, известных по всему миру, благочестивому служителю Твоему, чьи проповеди неустанно подавали народу Твоему «тук пшеницы Твоей, радовали маслом, опьяняли трезвым вином»²⁸⁶. Ты привел меня к нему без моего ведома, чтобы он привел меня к Тебе с моего ведома.

Этот Божий человек отечески принял меня и приветствовал мое переселение по-епископски²⁸⁷. Я сразу полюбил его, сначала, правда, не как учителя истины, найти которую в твоей Церкви я отчаялся, но как человека ко мне благожелательного. Я прилежно слушал его беседы с народом не с той целью, с какой бы следовало, а как бы присматриваясь, соответствует ли его красноречие своей славе, преувеличено ли оно похвалами или недооценено; я с величайшим вниманием ловил его слова и беззаботно пренебрегал их содержанием. Я наслаждался прелестью его речи, более ученой, правда, но менее яркой и привлекательной по форме, чем речь Фавста. По содержанию их нельзя было и сравнивать: один заблудился в манихейской лжи; другой спасительно учил спасению. Но «далеко спасение от грешников»²⁸⁸, каким я был тогда, и, однако, исподволь и сам того не зная, приближался я к нему.

²⁸³ Пс. 138:22. «Ненавидеть совершенной ненавистью – значит не ненавидеть людей ввиду их пороков и не любить пороки ввиду людей» (Бл. Августин. «На Псалмы»).

²⁸⁴ Пс. 72:27.

²⁸⁵ Префект города (т. е. Рима) – один из крупнейших чиновников Римской империи, ведающий всей жизнью огромного города, единоличный распорядитель во всех городских делах. Пост этот в 384 г. занимал Симмах, оратор и писатель. Как префект города, он должен был знать всех грамматиков и риториков, преподававших в Риме, школа в это время была государственной. Медиоланцы обращались к нему и как к главе города, и как к писателю, на оценку которого можно было положиться. Города уже с I в. Римской империи начинают устраивать у себя школы, содержимые на городские средства. Между желавшими занять учительскую кафедру происходит конкурс; медиоланцы предоставили устройство его Симмаху. Бл. Августин, получив одобрение Симмаха, становился, хотя и неофициально (для утверждения в должности требовалось еще решение городского совета, но в данном случае это оказывалось пустой формальностью), государственным чиновником и как следующий к месту назначения мог «пользоваться лошадьми, предназначенными для езды по государственной надобности». Медиолан со времени Диоклетиана и до взятия его Аггилой был местопребыванием императора Запада.

²⁸⁶ Пс. 80:17; Пс. 103:15; Пс. 44:8.

²⁸⁷ То есть с гостеприимством настоящего епископа. См.: 1 Тим. 3:2.

²⁸⁸ Пс. 118:155.

XIV

24. Хотя я и не старался изучить то, о чем он говорил, а хотел только послушать, как он говорит (эта пустая забота о словах осталась у меня и тогда, когда я отчаялся, что человеку может быть открыта дорога к Тебе), но в душу мою разом со словами, которые я принимал радушно, входили и мысли, к которым я был равнодушен. Я не мог отделить одни от других. И когда я открывал сердце свое тому, что было сказано красно, то тут же входило в него и то, что было сказано истинного – входило, правда, постепенно. Прежде всего мне начало казаться, что эти мысли можно защищать, и я перестал думать, что только по бесстыдству можно выступать за православную веру, отстаивать которую против манихейских нападков, по моим прежним понятиям, было невозможно. Особенно подействовало на меня неоднократное разрешение загадочных мест Ветхого Завета; их буквальное понимание меня убивало. Услышав объяснение многих текстов из этих книг в духовном смысле, я стал укорять себя за то отчаяние, в которое пришел когда-то, уверовав, что тем, кто презирает и осмеивает Закон и Пророков, противостоять вообще нельзя. Я не думал, однако, что мне следует держаться церковного пути: у православной веры есть ведь свои ученые защитники, которые подробно и разумно опровергнут то, чего я держался, раз защищающиеся стороны равны по силе. Православная вера не казалась мне побежденной, но еще не предстала победительницей.

25. Тогда же я приложил все силы к тому, чтобы попытаться как-либо с помощью верных доказательств изобличить манихейскую ложь. Если бы я мог представить себе духовную субстанцию, то, конечно, все их построения развалились бы, и я отбросил бы их прочь, но я не мог. Я стал, однако, по тщательном рассмотрении и сравнении, приходиться к заключению, что большинство философов гораздо вернее думали о самом мире и обо всей природе, доступной нашим телесным чувствам. Итак, по примеру академиков (как их толкуют), во всем сомневаясь и ни к чему не пристав, я решил всё же покинуть манихеев²⁸⁹: я не считал возможным в этот период своих сомнений оставаться в секте, которой я уже предпочел некоторых философов; этим философам, однако, я отказался доверить лечение своей расслабленной души, потому что они не знали спасительного имени Христова. И я решил оставаться катехуменом в Православной церкви, завещанной мне родителями, пока не засветится передо мной что-то определенное, к чему я и направлю путь.

²⁸⁹ Основания, по которым Бл. Августин ушел от манихеев: 1) их система не удовлетворила его духовного голода: он искал Бога, а ему предлагали сказки о солнце и луне; требуя аскетизма, они не могли дать силы для самообуздания («О пользе веры», 1, 3); 2) нравственность некоторых «избранных» не отвечала ее требованиям («О нравах манихеев», 68–72); 3) «они были красноречивее в опровержении других, и не так сильны в доказательствах своего» («О пользе веры», 1, 2, ср. 7, 3); 4) их утверждение, что все тексты Писания, противоречащие их учению, суть вставки, абсурдно («О пользе веры», 3, 7; 5, 21); 5) ложность их «астрономии» («Исповедь», V, 6, IX, 12); 6) Фавст, человек невежественный, был прославленным учителем в этой секте. Чего же стоила вся секта?

Книга шестая

I

1. Надежда моя от юности моей, где Ты был и куда удалился?²⁹⁰ Разве не Ты сотворил меня, не Ты отличил от животных и сделал разумнее небесных птиц? а я «ходил во мраке по скользким стезям»; я искал Тебя вне себя и не находил «Бога сердца моего» и дошел «до глубины морской»²⁹¹, разуверившись и отчаявшись в том, что можно найти истину.

Ко мне приехала моя мать²⁹², сильная своим благочестием; она последовала за мной по суше и по морю, уповая на Тебя во всех опасностях. Во время бедствий на море она утешала самих моряков, которые, обычно, утешают путешественников, когда, не знакомые с морем, они приходят в смятение: она обещала им благополучное прибытие потому, что Ты обещал ей это в видении.

Она нашла меня в большой опасности: отыскать истину я отчаялся. От сообщения моего, что я уже не манихей, но и не православный христианин, она не преисполнилась радости будто от нечаянного известия: мое жалкое положение оставляло ее спокойной в этом отношении; она оплакивала меня, как умершего, но которого Ты должен воскресить; она представляла Тебе меня, как сына вдовы, лежавшего на смертном одре, которому Ты сказал: «Юноша, тебе говорю, встань» – и он ожил и «стал говорить, и Ты отдал его матери его»²⁹³. Поэтому сердце ее не затрепетало в бурном восторге, когда она услышала, что уже в значительной части совершилось то, о чем она ежедневно со слезами молилась Тебе; истины я еще не нашел, но ото лжи уже ушел. Будучи уверена, что Ты, обещавший целиком исполнить ее молитвы, доверишь и остальное, она очень спокойно, с полной убежденностью ответила мне, что раньше, чем она уйдет из этой жизни, она увидит меня истинным христианином: она верит этому во Христе.

Только это и сказала она мне; Тебе же, Источник милосердия, воссылала еще чаще слезные молитвы, да ускоришь помощь Свою и осветишь потемки мои. Еще прилежнее ходила она в церковь и, не отрываясь, слушала Амвросия «у источника воды, текущей в жизнь вечную»²⁹⁴. Она любила этого человека, как ангела Божия, узнав, что это он довел меня пока что до сомнений и колебаний; она уверенно ожидала, что я оправлюсь от болезни и стану здоров, пройдя через этот промежуточный и самый опасный час, который врачи называют критическим.

II

2. Однажды, по заведенному в Африке порядку, она принесла к могилам святых кашу, хлеб и чистое вино. Привратник²⁹⁵ не принял их. Узнав, что это запрет епископа²⁹⁶, она приняла его распоряжение так послушно и почтительно, что я сам удивился, как легко она стала осуждать собственный обычай, а не рассуждать о его запрете. Душа ее не лежала к выпивке,

---

²⁹⁰ Пс. 70:5.

²⁹¹ Пс. 34:6, 72:26, 67:23. Это последнее место Бл. Августин объясняет так: «В бездне мирской лежат утонувшие под грузом грехов».

²⁹² Моника приехала в Милан весной 385 г.

²⁹³ Лк. 7:12–15.

²⁹⁴ Ин. 4:14.

²⁹⁵ Привратник, кладбищенский сторож, в это время был вместе с иподиаконами, чтецами и служками причислен к младшим членам клира («Код. Феодосия», 13, 1).

²⁹⁶ Став священником, Бл. Августин употребил все свое влияние на то, чтобы уничтожить этот обычай и в Африке. См. «Письма» 9–10 к Алипию, епископу Тагасты, и 22, 3–6 к Аврелию, епископу Карфагенскому. Помимо своего сходства с языческими поминками, праздник этот часто служил предлогом для пьяных и разгульных пирушек.

и любовь к вину не подстрекала ненавидеть истину, как это бывает с большинством мужчин и женщин, которых от трезвых напевов²⁹⁷ тошнит как пьяниц от воды. Она приносила корзину с установленной едой, которую следовало сначала отведать, а потом раздать, а для себя оставляла только один маленький кубок, разведенный водой по ее трезвенному вкусу. Из него и отпивала она в знак уважения к обычаю; если надобно было таким же образом почтить память многих почивших, то она обносила этот самый кубок по всем могилам; понемногу прихлебывая не только очень жидкое, но и очень теплое вино, она принимала, таким образом, участие в общей трапезе, ища в ней благочестивого служения, а не наслаждения.

Итак, узнав, что славный проповедник и страж благочестия запретил этот обычай даже тем, кто трезвенно справлял его, – не надо давать пьяницам случая напиваться до бесчувствия, – кроме того, эти своеобразные поминки очень напоминали языческое суеверие²⁹⁸, – мать моя очень охотно отказалась от него: она выучилась приносить к могилам мучеников вместо корзины, полной земных плодов, сердце, полное чистых обетов, и оделять бедных в меру своих средств. Там причащались Тела Господня; подражая ведь страстям Господа, принесли себя в жертву и получили венец мученики²⁹⁹.

Мне кажется, однако, Господи Боже мой, – и сердце мое в этом открыто перед Тобой – мать моя, может быть, не так легко согласилась бы отвергнуть эту привычку, если бы запрет наложил другой человек, которого она любила бы не так, как Амвросия, которого любила чрезвычайно за мое спасение. Он же любил ее за благочестивый образ жизни, за усердие, с которым она неизменно посещала церковь, «пламенея духом»³⁰⁰

---

²⁹⁷ Намек на церковную службу, которой Бл. Августин постарался заменить привычные поминки: «Я уговаривал их прийти в полдень послушать чтение Писания и пение псалмов: таким образом, в большей чистоте следует справлять этот день» (из упомянутого выше письма к Алипию).

²⁹⁸ Языческие поминки сопровождались всегда пирушками у могил усопших.

²⁹⁹ Церковью установлен был обычай в праздник поминовения мучеников совершать литургию и причащать верующих на том кладбище, где покоились останки мучеников, чью «память совершали».

³⁰⁰ Рим. 12:11.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.